БГ
20
А98

ТОМАС. Н. АШКРОФТ

ПОГАШЕНО

ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

КРАСНАЯ НОВЬ
МОСКВА
1921

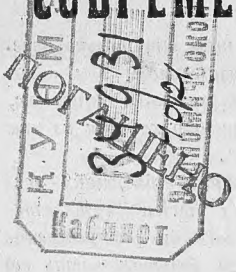
отрывается тит. лист
27.02.09

БГ
20
А 98

Т. Ашкрофт

ПРОВ. 1935

ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА



ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
А. И. РОММА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ◆ 1924

2 экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
574323

От английского издательства

(Лиги „ПЛЕБС“).

Настоящий учебник написан одним лицом, а затем тщательно пересмотрен и частично переработан Издательским Комитетом. Мы предполагаем придерживаться того же метода и в дальнейших книжках, которые войдут в серию учебников Лиги „Плебс“, так что каждая из них будет плодом своего рода „коллективного творчества“.

*Автор первого наброска этой книжки—**Томас Ашкрофт,** цикл лекций которого об империализме печатался в „Railway Review“ („Железнодорожном Обозрении“) летом 1922 г. В основу книги легло его распределение материала и общий метод изложения, а также и большая часть его текста, так что и в дальнейшем главная часть работы выпала на его же долю.*

Главлит № 26.248. Тираж 15.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“, Пименовская ул., д. 1/16.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Основной стержень, вокруг которого построено изложение нашей книги,—это мировая война. Главы II—IV говорят об отдельных европейских державах, принимавших участие в войне, и показывают, каким образом их политика породила эту войну. Такой способ заставляет нас повторяться, но зато он дает возможность особенно резко подчеркнуть важнейшие события и кризисы, излагаемые с точки зрения всех заинтересованных стран по очереди.

Стр.

Предисловие 5
Заметка для учащихся и преподавателей 7

Глава I. **Введение: экономика империализма.**

Три периода. Использование излишков. Излишки средств производства. Сущность империализма. Рост новых интересов. Могущество печати. Дипломаты и тайные договоры. Зачем изучать империализм? 9

Глава II. **Английская экспансия 1882—1914.**

Экспорт капитала. Египет, 1882—1895. Конфликт из-за венецуэльской границы, 1895—6. Персия, 1896. Южная Африка, 1895—1902. Англо-японский союз, 1902. Отношения с Францией, 1898—1904. Марокканский кризис, 1905—6. Англо-русские отношения, 1906—7. Тройственное согласие, 1907. Англия в Китае. Англо-германские мирные предположения. 20

Глава III. **Германская экспансия, 1888—1914.**

Заем 1888 г. Вильгельм II и Бисмарк. Экономическое развитие Германии. Германия на ближнем Востоке. Марокканский кризис, 1905—6. Босния 1908. Второй марокканский кризис, 1911. Франко-германский договор, 1911. Балканские войны, 1912—13. Общая военная подготовка 34

Глава IV. **Французская экспансия, 1881—1914.**

Экономический прогресс после 1871 г. Тунис, 1881. Сомали, Мадагаскар, Конго и западная Африка. Франция в Азии. Союз с Россией. Франция покрывает русские займы. Англо-французское согласие (Антанта), 1914. Франция в Марокко. Марокко и Эльзас-Лотарингия 44

Глава V. **Русская экспансия.**

Франко-русский союз. Промышленная революция. Вмешательство в китайские дела. Русско-японская война. Англия и Россия. Азиатские владения России. Европейские дела: балканский кризис 1908 г. Балканские войны. 56

Стр.

Глава VI. **Итальянская экспансия.**

Промышленная революция. Тунис и тройственный союз. Сомали и Абиссиния, 1885-96. Поворот к мирной политике. Италия и Антанта. Австро-итальянские отношения. Триполи, 1911—13. Возобновление тройственного союза, 1912. Азиатская политика Италии и Австрии . . 66

Глава VII. **Европа накануне войны 1914 г.**

Балканские войны. Фактические результаты. Германия вступает в бой. Берлин—Багдад. Франция вступает в войну. Бельгия и ее нейтралитет. Англия вступает в войну. Психологическая сторона дела 77

Глава VIII. **Империализм во время войны.**

Часть I. Тайные договоры: Раздел Персии, март 1915. Россия и Константинополь. Италия вступает в войну. Раздел Азиатской Турции, 1916. Китай, 1916. Румыния вступает в войну. Германские границы, март 1917 . . 87

Часть II. Разоблачение относительно округа Брие 93

Часть III. Постановка информации. Заключение 96

Глава IX. **Империализм в мирных договорах.**

Версальский договор. Договор с Австро-Венгрией. Договор с Болгарией. Договор с Турцией. Россия. Заключение . 99

Глава X. **Японская экспанасия, 1871—1914.**

Революция 1871. Промышлен. революц. Война с Китаем, 1894—5. Англо-японский союз, 1902. Война с Россией, 1904—5. Китай для японцев! Япония и Соединенные Штаты. Тихоокеанская проблема 116

Глава XI. **Американская экспансия, 1898—1921.**

Испано-американская война. Конвенция о канале. И „малые народности“ на что-нибудь полезны... Панамские пошлины. Новая доктрина Монроэ. Англия и Соединенные Штаты, 1911—21 125

Глава XII. **Империализм и рабочий класс.**

От конкуренции к монополии. Тенденция к трестированию. Основные черты капиталистического развития. Европейский консорциум. Монополистический капитализм. Современная мировая ситуация: а) Соединенные Штаты, б) Британская империя, в) Франция, г) Япония, д) Россия. Еще одна мировая война. Уроки империализма: 1. Взаимная зависимость экономики и политики. 2. Интернационализм. 3. Пролетарская независимость 139

Словарик 153
Указатель 158
Карты 18,101
III.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Писать предисловие к такой книге, как эта,—большая честь. Я всегда очень живо интересовался работой Лиги „Плебс" и рабочих колледжей (Labour Colleges) и был более чем обрадован, когда основание рабочих колледжей в ряде промышленных центров приблизило осуществление первоначальных целей „Плебса". Колледжи уже имеют под собой твердую и прочную основу, так что теперь им остается только взяться за проведение в жизнь основной цели движения,—за независимое, пролетарски-классовое воспитание всех секций трудового мира. Прежде всего надо по возможности упростить самое дело этого воспитания и добиться возможно действенного применения социалистических принципов ко всем проблемам современности. Никто не станет оспаривать ценности и важности определенной основы—социалистической теории; но знание теории и только теории еще не дает нам уменья разбираться в труднейших проблемах капиталистического производства.

Мы не должны бояться популярности изложения. Популярное обучение вовсе не всегда бывает поверхностным, хотя в обычных капиталистических газетах и журналах наука действительно принижается. С другой стороны, хотя в ряде специальных дисциплин научный „жаргон" и служит своего рода стенографией, очень удобной для специалистов-исследователей и их хорошо осведомленной аудитории, однако, сложная терминология вовсе не обязательна для научного знания. Что же касается популярного изложения социалистических принципов в практическом применении к текущим событиям и вопросам сегодняшнего дня, то эта задача пре-

красно выполнена Лигой „Плебс“, и выполнена в таких областях пролетарского воспитания, как экономическая география [1]) и как тема настоящей книги—империализм.

И тот, и другой вопрос захватывают самую суть всемирного капиталистического развития, оба непосредственно касаются каждого рабочего. Экономическая действительность насильно заставляет нас отказываться от всяких националистических взглядов, от всяких действий, рассчитанных в слишком узком масштабе. Со временем значение международных событий для классовой борьбы еще увеличится: ведь они являются отражением той же классовой борьбы, только в более широких рамках; ведь интересы всего мира связываются между собою все теснее и теснее. Когда печать, школьная кафедра и ораторская трибуна призовут нас к кровавой империалистической бойне,—прочтите эту книгу, и вы узнаете, кому и зачем нужно, чтобы вы жертвовали собой.

Если бы по крайней мере те знания, которые можно приобрести из этой книжки, стали достоянием каждого бойца, сражающегося в рядах организованного труда, то наше движение уже было бы неуязвимо и непобедимо. Каждому из нас приходится бороться на своем участке, и такие книжки, как эта, оказывают нашему делу неизмеримые услуги. Пожелаем же успеха автору „Империализма“, Лиге „Плебс“ и рабочим колледжам.

Джордж Гикс,
генеральный секретарь объединенного
профсоюза строительных рабочих.

---

[1]) Имеется в виду „Очерк экономической географии“ Дж. Ф. Хоррабина, уже переведенный и изданный „Красной Новью“ (М. 1924).
Прим. перев.

К УЧАЩИМСЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ.

Читая эту книгу, следует пользоваться атласом.

12 глав, на которые распадается книжка, могут послужить основанием для цикла из 12 лекций.

Для более краткого цикла (6 лекций) мы предлагаем такой план:

Лекция 1. Экономика и империализм (гл. I).
„ 2. Тройственный союз и тройственное согласие. Их возникновение и деятельность (гл. II—VI).
„ 3. Европа накануне войны (гл. VII).
„ 4. Империализм в войне и мирных договорах (гл. VIII—IX).
„ 5. Америка и Япония (гл. X и XI).
„ 6. Империализм и рабочий класс (гл. XII).

При желании преподаватель может расположить материал и иначе.

Необходимо особенно подчеркнуть, что если учащийся хочет быть в курсе развития современной политики, то он должен следить за текущими событиями и разбираться в них. Преподаватель, конечно, и сам расширит эту книгу, время-от-времени прибавляя к ней новый фактический материал из газет.

ГЛАВА I.

Введение: экономика империализма.

История современной Европы и ее войн сама собой естественно распадается на три части. Это—периоды меркантилизма, национализма и империализма.

Три периода.

Период меркантилизма—это тот период, в котором западно-европейские страны боролись за захват торговых рынков и монополий в других частях света. То был долгий период больших и малых войн; вынуждая государства к военной активности, он нашел себе и чисто-политическое выражение в таких явлениях, как 1) политика торгового баланса, которая „считала торговые сношения с заграницей выгодными для государства только в случае перевеса вывоза над ввозом, создающего приток золота в экспортирующую страну“; 2) акты о навигации, „которые должны были обеспечить английским кораблям монопольную перевозку всех торговых грузов, двигавшихся между Англией и всеми другими странами, торговавшими с ней или ее колониями“, и 3) покровительство государства отечественной промышленности (протекционизм). Торжество этой политики создало и стимулы, и капиталы, необходимые для развития обрабатывающей промышленности, а это последнее вызвало к жизни неизбежную и неумолимую противоположность интересов промышленно-капиталистического и рабочего класса.

Национализм. С развитием капитализма все нации были охвачены стремлением к установлению географических границ, которые в то же самое время должны были сделать соответствующие этим нациям государства экономи-

ческими единствами. Чтобы достичь этой цели, молодой класс капиталистов-промышленников добивался политической власти и очищал свой путь от старых барьеров и рогаток, оставшихся от феодальной системы и политики меркантилизма, и мешавших свободному развитию торговли и промышленности. Эта политика индустриализма освободила те огромные производительные силы, которым было суждено так быстро и так радикально изменить все лицо земли. Теперь легко видеть (ибо, когда дело кончено, то нетрудно понять его), что именно это стремление и было реальным, хотя в значительной степени и неосознанным, содержанием тех страстных националистических призывов, которые волновали Европу в течение XIX века, нередко втягивая ее в войны.

Империализм. Внешняя политика эпохи меркантилизма создала и двигательные силы, и необходимые средства для внутренней промышленной революции в западно-европейских странах. И вот этот внутренний процесс, в свою очередь, создает новый период в международных отношениях.

Эволюция капитализма состоит, во-первых, в том, что капитал неуклонно концентрируется, сосредоточивается в руках все уменьшающейся кучки людей, а во-вторых, в том, что орудия и способы производства беспрестанно и резко меняются.

Значение этих изменений лежит в достигаемой посредством их „экономии труда“: живая рабочая сила заменяется машинами, „стальной человек“ вытесняет человека из мяса и костей. Время-от-времени из производства выбрасываются массы рабочих, и в стране получается перенаселение: больше людей, чем работы.

Эта армия безработных есть одно из могущественных средств, позволяющих работодателям снижать заработок рабочих, платить им так мало, чтобы они только-только могли удовлетворять необходимейшие свои нужды. В то же время производительность труда растет со страшной быстротой. Таким образом, массы все более и более теряют возможность покупать и потреблять все растущие запасы производимых ими ценностей.

Капитализм представляет собой удивительное зрелище: непрерывно растут и крепнут силы, создающие огромные

богатства, а в широких массах царит ужасная нищета. Более того: как-раз в те моменты, когда количество созданных богатств становится особенно велико,—массы рабочих теряют работу, потому что они уже создали столько всякого добра, что хозяева не могут выгодно использовать всех своих запасов. С безработицей приходит и снижение заработной платы, а стало-быть, и новое сжатие рынка. Ведь, чем меньше зарабатывают рабочие, тем меньше они и тратят, т.-е. покупают. А это сжатие рынка вновь обостряет великий вопрос, стоящий перед капитализмом: как использовать избыток производимых товаров?

Использование излишков.

В былые дни этот вопрос разрешался тем, что излишек товаров продавался или променивался более отсталым народам. Пока излишки состояли из предметов непосредственного потребления, делать это было довольно легко. Но времена меняются, и меняются очень быстро.

Чтобы понять этот общий процесс, достаточно самого простого примера. В доброе старое время, когда Англия была фабрикой всего мира—в числе других стран покупала у нее хлопчатобумажные материи и Германия. Но настало такое время, когда немцы принялись вывозить из Англии уже не бумажные материи, а машины, при помощи которых эти материи делаются. Благодаря этим машинам, они смогли сами удовлетворять свою нужду в материях. И Англия потеряла один из очень важных своих рынков, но зато приобрела новый рынок,—рынок для своих машин.

Однако, природа вещей такова, что на этом дело остановиться не могло. У Германии есть и свой уголь, есть и свое железо. Заручившись помощью нескольких англичан-специалистов по машиностроению, она смогла производить необходимые машины и у себя дома. И, в самом деле, Англия потеряла возможность вывозить уже не только бумажные материи, но и прядильные и ткацкие машины. Ей осталось вывозить только специалистов, и притом очень немногих, да и то недолго. В конце-концов, Германия, наладивши у себя производство машин, оказалась в состоянии не только удовлетворять свои собственные нужды, но и конкурировать с английскими мануфактуристами на мировом рынке. То же

самое, только позже, произошло и в Японии. А Индия дает нам еще более яркий пример.

Итак, капитализм постоянно превращает покупателей в конкурентов. А с этим ростом числа конкурентов и падением числа покупателей растет напряженность и острота конкуренции. Но мало того: беспощадная конкуренция вызывает новое ускорение производства, новые перевороты в его технике и в самых, машинах. Ведь железоделательным, сталелитейным и машиностроительным предприятиям тоже приходится конкурировать друг с другом.

Когда преобладающей отраслью промышленности становится уже не текстильное, а металлургическое производство, то мы имеем дело с самой поздней и самой высшей стадией капиталистического развития. Эта стадия быстро создает свои особые проблемы. В сущности, это все тот же вопрос — как быть с излишками производства? Но теперь этот вопрос получает особые формы, становится особенно тяжелым. Пока дело шло о текстильных товарах, дешевизна была таким тараном, который пробивал все стены, а чтобы закончить весь оборот, нужно было только продать или променять свой товар.

Излишки средств производства.

С железными и стальными товарами дело обстоит далеко не так просто. Во-первых, эти товары использовываются и окупаются, а стало-быть, и продаются,—очень медленно. А когда ценности производятся не для прямого использования, а для получения прибыли, то это очень серьезное затруднение.

Но кроме этого, есть и гораздо более важное обстоятельство: ведь чтобы в отсталых, неразвитых государствах устанавливались и использовались машины, проводились железные дороги и телеграфные линии, строились порты, для этого нужно, чтобы капиталисты-экспортеры „экспортировали" в эти страны и самих себя или своих уполномоченных и служащих. В самом деле, чтобы устроить в том или ином месте рынок для товаров этого рода, надо устроить в нем не более и не менее, как настоящую капиталистическую систему. Вот почему капитализм может хвастаться, что он „распространил цивилизацию" на все уголки земного шара.

Разумеется, при этом капиталисты не обходятся без барышей, поддерживающих их дух в выполнении столь высокой

миссии и вознаграждающих за понесенные труды. Требуется убедить отсталый народ или его правительство в необходимости всех этих машин, железных дорог и телеграфов. А так как дело это важное, и даже крайне важное, то ни о каком отказе, хотя бы и самом деликатном, речи быть не может. Действуя хитростью, подкупами и угрозами, капиталисты заставляют отсталые правительства подписывать договоры, дающие им концессии на строительство и обеспечивающие им хорошую прибыль в возмещение расходов. Любопытный пример такого обеспечения дает нам так-называемая „километрическая гарантия".

Вот какие данные сообщаются в книге современного писателя Х. Г. Вудса „Колыбель войны" (H. G. Woods, „The Cradle of the War"), вышедшей в 1918 году:

„В то же самое время (в 1888 г.) Турция впервые приняла идею километрической гарантии железных дорог. Эта идея состоит в том, что правительство гарантирует компании определенную сумму валового дохода в год с каждого километра открытой для сообщения жел.-дор. линии. Эта сумма передается железнодорожной компании международной администрацией турецкого государственного долга (Conseil d'administration de la dette publique ottomane), пока излишки не выкупят Турции дорогу. Для участка Скутари—Исмид километрическая гарантия была определена в 10.300, а для участка Исмид—Ангора—в 15.000 франков с километра" [1]).

В других случаях „гарантией" служат важные концессии на землю или на рудники. Получая такие концессии, иностранные капиталисты получают и власть над местным населением. „К востоку от Суэца законов о труде нет". Труд туземцев очень дешев,—даже принимая во внимание его сравнительно слабую производительность,— и мы видим, что „белый капитал" все больше и больше пользуется им.

Сущность империализма.

Эксплоатация трудящихся на родине, сужение внутреннего рынка, происходящее от того, что уровень жизни трудовых масс снижается до самой крайней степени,—вот основная причина, заставляющая капитал искать выгодного помещения на сто-

[1]) Интересные и поучительные данные по тому же поводу дает и Brailsford, „War of Steel and Gold" („Война стали и золота"), стр. 83—84.

роне. И области для такого помещения создаются, но при этом старейшие из них сами превращаются в капиталистические страны, или, по крайней мере, становятся на путь, ведущий к этому превращению.

Эти сравнительно отсталые страны оказываются для финансистов и прочих королей капиталистического строя новыми областями эксплоатации, отдают под их власть новые массы рабочих, привыкших к более низкому материальному уровню жизни, не имеющих ни собственных организаций, ни защиты со стороны государства. При таких обстоятельствах товары, производимые в этих странах, успешно конкурируют с товарами старых капиталистических стран, и потому в этих последних еще больше обостряются безработица и нищета масс.

В чем суть и значение этого процесса? В том, что рабочие передовых стран, производящие средства для создания новых конкурентов, терпят новые бедствия, еще более ужасные, чем те, которым они подвергались от первоначальной и прямой эксплоатации.

Именно в этом создании новых сфер влияния и помещения капитала, в этом политическом и экономическом господстве над отсталыми странами и заключается сущность современного империализма. Его движущие силы лежат прежде всего в экономике; он вмешивается в политическую жизнь туземного населения именно ради этих экономических целей.

До сих пор мы рассматривали вопрос с точки зрения одной отдельной капиталистической державы. Как мы видим, даже и при таком способе рассуждения ясно, что для борьбы с этим злом требуется что-нибудь поубедительнее простого „призыва к здравому смыслу“.

Но на самом деле на свете имеется не одна капиталистическая держава, а несколько, и все они с одинаковым жаром стремятся занести к „язычникам“ благодеяния капитализма; при этом каждая из них уверена, что может справиться с этим делом несравненно лучше всех прочих. Стало-быть, империалистическому государству необходимо иметь такие средства, которые поддерживали бы его притязания, охраняли бы их от конкуренции других высокоразвитых стран. Это очень серьезная задача. Для ее разрешения требуются колоссальные

вооружения: броненосцы, тяжелая артиллерия, аэропланы, танки, удушливые газы и прочее. Итак, если современные государства вооружаются на перегонки, то это—результат их стремления к новым областям для помещения избытков капитала. Но „результаты дают новые результаты“!

Рост новых интересов.

Рост новых отраслей промышленности создает новые интересы, новые интересы создают новые политические силы, зачинающие и поддерживающие движение, требующее новых и новых вооружений, использывающее и печать, и все возможные средства, чтобы склонить общественное мнение к поддержке своих требований. Разумеется, военная промышленность служит одним из самых ярких примеров этих экономических интересов, создающих и вдохновляющих политичеткие влияния, которые, в свою очередь, поддерживают интересы своих вдохновителей.

Говоря здесь о выдвигании капиталистических интересов, нам не следует умалчивать и о поведении рабочих. Как сообщает Уотон Ньюболд, именно в 1884 году, во время острого кризиса в кораблестроении, был впервые применен „тот возмутительный способ помощи безработным, который с тех пор время-от-времени регулярно воскрешался правительством, и который состоит в беспредельных финансовых требованиях адмиралтейства“. („How Europe armed for War“ „Как Европа вооружалась к войне“, стр. 26).

Таким образом, в росте и расцвете вооружений заинтересована и часть рабочего класса,—и пока существует капитализм, нельзя ни забывать об этом обстоятельстве, ни недооценивать его значения. О нем, разумеется, не забывают и капиталисты, которым крайне выгодно подчеркивать и выдвигать прямую или косвенную заинтересованность части рабочего класса в флотских сооружениях и в политике империализма.

Могущество печати.

Для этого капиталисты пускают в ход печать. По внешности бескорыстные писания наших шовинистов, бряцающих оружием, на самом деле оплачиваются заинтересованными людьми, для которых любовь к родине означает любовь к барышам [1]).

[1]) Нигде в мире никогда не существовало такой сконцентрированной формы капитализма, какая была представлена финансовой властью владельцев рудников в Южной Африке; и никогда, нигде эта власть с

Современная пресса—это не что иное, как крупное капиталистическое предприятие, а страницы объявлений неразрывно связывают ее с огромным рядом других крупно-капиталистических предприятий. Опыт всех рабочих газет показал нам, каким огромным экономическим предприятием является издание современной газеты.

Говоря о печати, надо отметить еще одну сторону дела. Шовинистическое направление, шовинистические требования наших патриотических газет служат могучим орудием в руках империалистов других стран. Как только в одной стране опубликовывается такое требование, оно немедленно оказывается аргументом в руках людей, выдвигающих империалистические требования в другой, соперничающей стране. А это, в свою очередь, действует на общественное мнение и политику первой страны. История довоенных отношений между Англией и Германией переполнена примерами таких действий и противодействий.

Дипломаты и тайные договоры.

Отношения между государствами (то дружественные, то враждебные, смотря по интересам и потребностям момента), в свою очередь, создают новые интересы,—интересы консульского и дипломатического корпуса. Эти интересы направлены на сохранение существующего строя и на обеспечение собственного существования. Поэтому и в нашей среде существует тщательно внушаемое и охраняемое убеждение в том, что проблемы международных сношений слишком глубоки и сложны для понимания простого народа, и что, следовательно, все относящееся к этому делу должно храниться в тайне и выполняться

такой полнотой не осуществляла и не проводила в жизнь своего стремления к руководству политикой... Сознавая, что успехи их финансовых операций и их политических приспешников зависят от общественного мнения Южной Африки и Англии, они скупили руководящие органы южно-африканской печати, субсидировали политические партии в Ю. Африке и Великобритании, и организовали моральную пропаганду вокруг церквей и благотворительных обществ... Энергично пуская в ход все свое моральное и интеллектуальное влияние, они подстроили катастрофу, из под обломков которой они выбрались с еще более, чем когда-либо, неограниченной властью над всеми богатствами страны и над правительством (J. A. Hobson, „Evolution of modern capitalism“,—Эволюция современного капитализма“—стр. 267—268).

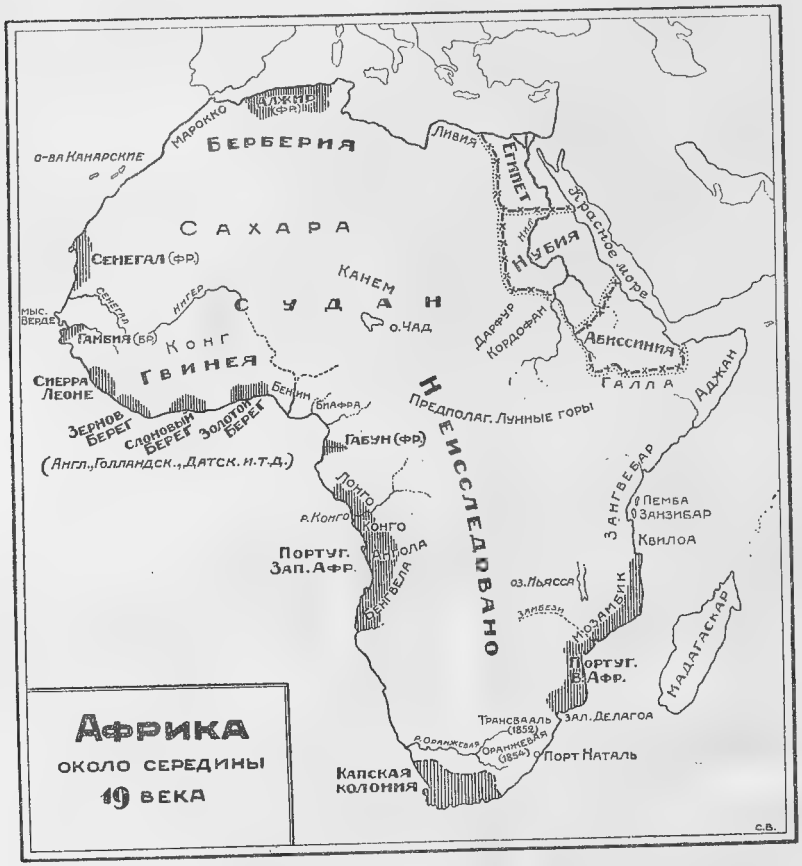
кучкой специалистов, которые должны и могут понимать все, что требуется.

Такое мнение не только понятно с точки зрения дипломатов, но и вполне совпадает с интересами господствующих классов вообще. Политические партии, правительства и кабинеты не могут висеть в воздухе. Они держатся на крупных экономических группах и представляют их интересы. Их политика направляется таким образом, чтобы она совпадала с классовыми интересами и нуждами этих групп, чтобы она поддерживала и укрепляла их. Поэтому когда правительство или часть его членов заключает договор с иностранной державой, то делается ли это тайно или явно, но это делается в соответствии с общей политикой, которая более или менее определена вперед. Политические деятели далеко не свободны в такого рода вещах,— разве только им вполне верят, что они сочувствуют тому же самому, чему сочувствуют экономические и социальные силы, стоящие за кабинетом. Если политический деятель стал у власти в силу своей определенной классовой принадлежности и ориентации, то тем самым уже определяется и его политика. Если же он занимается общественными делами ради „места под солнцем", то он не что иное, как проводник той или иной политики, направляемой в согласии с экономическими интересами той группы, на которой наш „деятель" строит свою карьеру.

Но как бы то ни было, здесь нас интересуют причины таинственности. Если современные международные договоры держатся в тайне и дают повод к морю лжи и обманов, то это потому, что сущность их — экономического характера. Можно смело утверждать, что даже самые ловкие, самые удачливые дипломаты—не просто лгуны по природе, что они извращают факты или сознательно забывают о них не из любви к искусству.

Все это вранье вызывается серьезной необходимостью. Покрывало, которое тайная дипломатия набрасывает на эксплоатацию отсталых народов,—это оборотная сторона того покрывала, которым система наемного труда прикрывает эксплоатацию трудящихся масс на родине. И обе формы эксплоатации должны держаться в тайне, а не то горе капитализму! Теперь мы видим, как важно для масс ясное понимание

Очерк современного империализма
574323
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОГАШЕНО

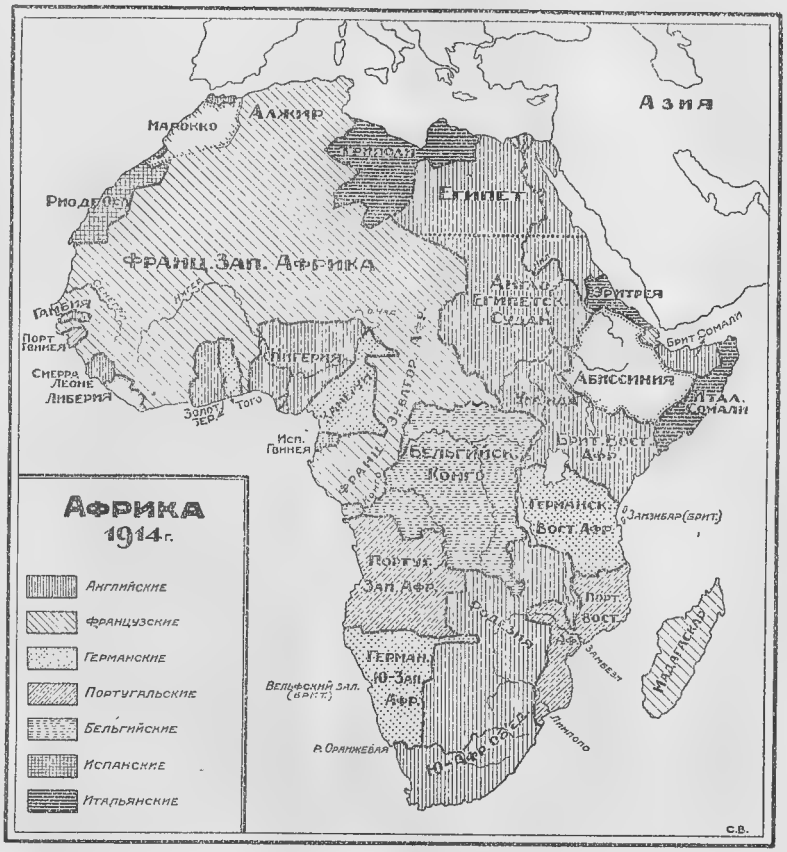


Эти карты показывают процесс „открытия“ Африки империалистическими
Африки около 1880 г. показано на первой карте. К концу же столетия вся
не проис

современного империализма и, в особенности, его экономических основ.

Зачем изучать империализм?

Основная движущая сила современного империализма — это эксплоатация трудящихся на родине. Именно отсюда происходит потребность в подыскании или создании в сравнительно отсталых странах новых областей для выгодного помещения избытков капитала, созданных массами, но не принадлежа-



государствами, совершившийся в последней четверти XIX в. Положение Африка уже была поделена. Между 1900 и 1914 гг. существенных изменений ходило.

щих им. Отсюда же и потребность в захвате источников продовольствия, топлива и сырья, и необходимость власти над торговыми и стратегическими путями.

Вся система покоится на эксплоатации трудящихся. Чтобы разрешить проблему империализма, чтобы избавить народы от его ужасов, надо покончить с этой эксплоатацией.

ГЛАВА II.

Английская экспансия, 1882—1914 гг.[1])

Экспорт капитала.

Мы видели в первой главе, что основная причина, создающая переход к агрессивному экономическому империализму,—это экспорт „средств производства", а не предметов непосредственного потребления. Поэтому для нас имеют огромное значение следующие данные. С 1883 по 1893 г. помещение британского капитала в колониях и за границей ежегодно возрастало на 74%. В 1889 г. общий доход от помещенного таким образом британского капитала был равен от 90 до 100 миллионов фунтов стерлингов. К 1909 году он возрос до 140, а к 1915 г. до 200 (приблизительно) миллионов фунтов стерлингов, что составляет около двенадцатой доли всего национального дохода за этот год и, вероятно, около $^1/_4$ дохода средних и высших классов, поскольку сумма всех доходов, подвергшихся обложению, была равна 900 миллионам фунтов ст. (Brailsford „War of Steel and Gold" „Война стали и золота"), стр. 77—78[2]).

---

[1]) Важное примечание. Для удобства и краткости мы все время пользуемся в этой книжное названиями государств; мы говорим: Англия, Франция, Германия и т. д. Но читатель ни на минуту не должен забывать, что государство—это не „весь народ", а только исполнительный комитет правящих классов. Таким образом, эти названия государств служат нам только для краткого и удобного обозначения различных секций капиталистического класса, захватывающих управление силами государств и использующих эти силы в своих экономических интересах.

[2]) С другой стороны, за первое десятилетие этого периода, т.-е. между 1882 и 1883 гг., германский экспорт стали и железа возрос на 11%, а английский упал на 37%. Еще через 10 лет, в 1902 году, гер-

Примером того, как Англия, путем помещения огромных капиталов в железные дороги и другие предприятия, управляет формально независимыми государствами, служат Аргентина и Португалия [1]).

Другой важной особенностью этого периода был переход от удешевления товаров к неуклонному вздорожанию их, начавшийся в 1896/7 году. Это сразу повысило количество капиталов, которым приходилось искать областей для выгодного помещения за границей,—а в то же время недовольство рабочих, вызванное дороговизной, побуждало правящие классы проявлять воинственность во внешней политике, чтобы тем самым отвлечь внимание трудящихся от домашних осложнений.

Первым английским государственным человеком, завидевшим и понявшим зарю нового периода мировой конкуренции и связанных с нею политических осложнений, был Бенджамен Дизраэли, который в последний период своей деятельности непрерывно воевал с „маленькими англичанами“, все успешнее превращая старинную английскую политику мира и невмешательства в чужие дела в „боевой и агрессивный империализм, заявляющий о себе переходом в наступление на целом ряде границ“. Начатая им в те времена средиземноморская и восточная политика была прелюдией к тому сознательному и обдуманному империализму следующих десятилетий, который нашел себе самое недвусмысленное выражение в политических принципах Джозефа Чемберлена. Занявши пост секретаря по делам колоний [2]) (он сам выбрал себе этот пост), он, обращаясь не к кому иному, как к избирательной коллегии гор. Бирмингама,—а Бирмингам—это центр и цитадель английской стальной и железной промышленности,—резюмировал практические принципы современного империализма следующим образом:

манская добыча чугуна дала свыше 8.400.000 тонн, т.-е. всего на 14.000 тонн меньше английской, а стали в Германии было в том же году добыто 6.394.000 тонн, т.-е. на 1.385.000 тонн больше, чем в Англии.

1) См. Словарик, статью „Сферы влияния“.

2) В 1895 году.

„Главнейший наш (т.-е. парламента) долг—это развитие и всемерная поддержка сельско хозяйственных, промышленных и торговых предприятий... Все главнейшие отрасли государственного управления заняты делами коммерции... Основная задача министерства иностранных дел и министерства колоний есть подыскание новых и охрана старых рынков. Военное и морское министерства имеют главной своей целью подготовку к обороне этих рынков и охрану отечественной торговли... Даже министерство народного просвещения, требуя на свои нужды народных денег, ссылается на то, что необходимо держать наш народ на уровне требований, предъявляемых к нему коммерческой конкуренцией .. Коммерция есть величайший из общественных интересов, и наиболее заслуживает народного одобрения то правительство, которое лучше других способствует росту торговли и подводит под этот рост прочный фундамент". (Цитировано у Woolf'a, „Empire and Commerce in Africa" стр.7).

Суэцкий канал (закончен в 1869 году) подал великолепный повод к вмешательству в египетские дела, особенно для Англии. А когда египетский хедив Измаил, запутавшись в огромных долгах, объявил государственное банкротство, то это повело к созданию системы, известной под названием двойного контроля Англии и Франции (1879). Это иноземное иго создало рост национального движения, выступавшего под лозунгом „Египет для египтян" и достигшего своей кульминационной точки в восстании Араби-паши (1882 г.). Раздавивши это восстание, Англия „временно" оккупировала Египет своими войсками (эта оккупация продолжается и по сие время). Затем начались беспорядки в египетском Судане: махдисты, — деятели магометанского возрождения, — разбили египетские войска и фактически заняли Хартум, убив при этом английского генерала Гордона. Во второй половине девяностых годов Судан был отвоеван Китченером.

Египет, 1882—1895 гг.

Кабинет, в котором Чемберлен занимал место секретаря по делам колоний, стал у власти в период величайшего напряжения международных отношений. Одно из первых его затруднений возникло в Южной Америке, при определении

Конфликт из-за венецуэльской границы, 1895—96 гг.

границы между Британской Гвианой и Венецуэлой. Англия требовала расширения своей территории и не желала удовлетворяться тем, что у нее было раньше. Но тут вмешались Соединенные Штаты, увидевшие в английских претензиях нарушение доктрины Монроэ [1]). Ноты, которыми обменялись заинтересованные государства, угрожали войной. Но до войны дело не дошло. Комиссия, созданная для решения этого вопроса, высказалась в пользу притязаний Англии (1899). Предварительно же английский премьер-министр и секретарь по делам колоний, лорд Сольсбери, заявил, что постановления и советы этой комиссии „не должны нарушать британских интересов", т. е. попросту, что Англия подчинится решению комиссии только в том случае, если она решит дело в ее пользу. В этой связи небезынтересно узнать, что Британская Гвиана одинаково богата как золотыми россыпями по границе с Венецуэлой, так и сельскохозяйственными продуктами, а также и то, что „золотые рудники области Юрари, на которую Англия тоже заявила претензию, весьма богаты".

Персия, 1896 г.

Британия наткнулась на осложнения и в Азии: в 1896 г. между ней и Россией разгорелся конфликт по персидскому вопросу. Еще в 1890 г. англичане получили в Персии монополию на табачную торговлю и организовали Имперскую табачную компанию. Но персидские националисты были крайне недовольны такими концессиями, отдававшими в руки чужеземцев экономические ресурсы Персии и политическую власть над нею,—и впоследствии монополия была взята обратно. Но, разумеется, это можно было сделать только при условии вознаграждения английской компании за понесенные убытки, и вознаграждения солидного (около полумиллиона фунтов стерлингов), при чем достать эти деньги надо было в виде займа у Имперского банка. И в самом деле, в 1896 году Англия удовлетворила финансовые потребности персидского правительства, раз-

---

[1]) Требование невмешательства европейских держав в американские дела („Америка для американцев"), выдвинутое в 1823 г. президентом Монроэ.

умеется, не без благородных процентов. Но в том же году Персии понадобился еще один заем в миллион фунтов, и русские финансисты из Учетно-Ссудного Банка Персии смогли не только покрыть эту потребность, но и навязать персидскому правительству обязательство впредь делать все займы только у русских финансистов или через их посредство.

Южная Африка, 1895—1902 гг.

В самый разгар англо-американского конфликта случился прославленный,—или ославленный,— набег Джемсона. В 1894 году в Трансваале были открыты новые золотые россыпи. Тем самым был нанесен смертельный удар надеждам буров, которые стремились изгнать чужеземцев, нахлынувших в их страну после предшествовавших открытий. Это придало новую силу и без того острому конфликту между упомянутыми чужеземцами и бурским правительством,—конфликту, достигшему кульминационной точки несколько позже, во второй бурской войне (1899—1902 гг.). Англичане, державшие в своих руках прибрежную полосу, отрезали буров от моря, и чужестранцы возобновили борьбу за государственную власть. Премьер Капской колонии, Сесиль Родс, тайно предложил им помощь, которая должна была выразиться в вооруженном нападении на буров, при чем во главе отряда стал администратор Родезии д-р Джемсон. Все признают этот набег „совершенно недопустимым“ (Masterman, A Century of British Foreign Policy,— „Сто лет британской внешней политики“,— стр. 39), но это не помешало ему состояться. Однако, внутренние раздоры погубили налетчиков, д-р Джемсон был разбит и взят в плен со всей своей бандой.

Этот набег важен по двум причинам: во-первых, он сделал войну неизбежной, а во-вторых, он вызвал знаменитую поздравительную телеграмму германского императора бурскому президенту, которая произвела в Трансваале очень сильное впечатление и впоследствии считалась первым шагом, отметившим собою расхождение между Германией и Англией.

Конец столетия отмечен войной Англии с двумя южно-африканскими (бурскими) республиками, т.-е. прямым насилием,

прелюдией к которому послужил Джемсонов набег. Брэйлсфорд резюмировал причины этой войны в двух фразах:

„В сущности, владельцы рудников добивались удешевления труда, и все их усилия захватить политическую власть происходили именно из этого побуждения. Как подсчитал один из них, „подходящее правительство" должно было дать им от одного до полутора миллионов дивиденда в год" („Война стали и золота", стр. 55—56).

И в самом деле, если мы будем судить об этой войне единственно правильным способом, т.-е. по ее результатам, по миру, которым она закончилась, то мы увидим, что Брэйлсфорд совершенно прав. В результате войны, на рудниках стал широко применяться дешовый труд закабаленных кафров и китайцев, что понизило и заработки белых рабочих. Как показывает ожесточенная забастовка, имевшая место в марте 1922 г., этот процесс еще не закончен.

Англо-японский союз.

Итак, англо-бурская война пошла на пользу южно-африканским капиталистам. Но у нее оказались и другие последствия, предвидеть которые было не так легко. Общественное мнение всей Европы,—за исключением, быть может, одной Италии,—оказалось на стороне буров. Конечно, в этом настроении было больше зависти англичанам, чем сочувствия малой народности, „сражавшейся за дело свободы и справедливости". Но как бы то ни было, выдвигалось даже предложение общей войны всех держав против Англии. Эта последняя оказалась одинокой среди врагов. Ее политика „блестящего одиночества" окончилась разрывом со всем миром.

В этих обстоятельствах правительство решилось на смелый шаг, не имевший прецедента в истории,—на союз с Японией. Это сближение Англии с Японией особенно понятно в виду аннексионистской политики России в северном Китае,—политики, угрожавшей как британским торговым интересам, так и японским притязаниям на Корею.

Отношения с Францией, 1898—1904 гг.

Как перед бурской войной, так и непосредственно вслед за нею, Англия и Франция были очень далеки от идеала „верных и любезных союзников". Англия стремилась отвоевать Судан и присоединить его к Египту, чтобы захватить в

свои руки верховья Нила и осуществить свою мечту о господстве над всей областью от мыса Доброй Надежды до Каира. Французы видели отступление египетских войск перед махдистами и решились взяться за укрепление своих собственных интересов в Судане. Они двинулись от французского Конго на восток к Фашоде, расположенной при слиянии Нила с Собатом и господствующей над верховьями рек, от которых зависит весь Египет. Там они встретились с египетскими войсками, во главе которых стоял Китченер, двинувшийся на отвоевание Судана. Инцидент был исчерпан соглашением 1899 г., определившим англо-египетские границы и включившим в них бассейн Нила, т.-е. фактически победой Англии.

Но уже ближайшие годы увидели резкие перемены в англо французских отношениях [1]). Пока политики истощали свои силы в препирательствах, торгово-промышленные короли нашли путь к взаимному пониманию. В 1900 году, во время англо-бурской войны, когда политическая печать Британии и Франции дышала угрозами и войной, английские торговые палаты собрались в Париже, а 14 сентября 1901 г. объединенные палаты британской торговли вынесли резолюцию в пользу союза в интересах коммерческих выгод обеих стран.

Правда, путь к этому союзу был прегражден массой трудностей, рядом противоположных интересов, но эти трудности не были непреодолимы, особенно принимая во внимание, что у Франции и Англии был общий враг—Германия. Стремительный рост торговой, промышленной и военной мощи германской империи сделал этот союз возможным и даже необходимым, но, конечно, только до тех пор, пока не сломлен общий враг. Падение экономической и военной мощи Германии послужило сигналом к немедленному возникновению всевозможных конфликтов между Англией и Францией, и это обстоятельство не оставляет никаких сомнений в истинном происхождении и значении Антанты. Французским промышленникам-магнатам не давали покоя огромные богатства Эльзас-Лотарингии, стекавшиеся в карманы германских капиталистов. Англия видела, что ее выплавка стали,—когда-то

---

[1]) См. главу IV.

первая в мире,—догоняется и даже опережается колоссальным ростом германской сталепромышленности. Кроме того, Англии приходилось опасаться и быстро растущего германского флота, а колоссальная, ни с чем несравнимая сухопутная военная мощь Германии позволяла ей делать с Францией,—если только у Франции не было союзников,—что-угодно. Все надежды французских „высоких финансов“ на отвоевание потерянных областей явно зависели от приобретения новых, более сильных и надежных союзников, чем Россия. А так как современные государства никогда не действуют из чисто-„рыцарских“ побуждений, то не менее ясно и то, что у нового союзника Франции,—у Англии, были свои особые и достаточно веские причины притти ей на помощь.

Марокканский кризис, 1905—1906 гг.

Вскоре „двойственное согласие“ подверглось тяжелому испытанию: разразился марокканский инцидент 1905—1906 гг. Добившись признания французского преобладания в Марокко от Англии, Испании и Италии, французский министр Делькасе демонстративно не спросил Германию об ее мнении по этому вопросу. Между тем, подпись Германии стояла под договором 1880 года, и помимо того, у нее были в Марокко крупные экономические интересы. Ясно, что немецкое правительство ни в коем случае не желало, чтобы его попросту оттерли от обсуждения марокканских дел. Разразившийся конфликт [1]) глубоко потряс всю европейскую политику, но здесь мы будем говорить о нем, только поскольку он коснулся Англии. Она решительно и безоговорочно поддержала свою союзницу. Францию. Она в самом деле была готова разрешить спор путем войны. Она была готова к войне, и мир спасла только Франция, стремление которой к реваншу (а также к углю и железу) умерялось сознанием своей военной слабости, особенно после позорного поражения союзницы ее, России, в японской войне.

В конце-концов, на Алжезирасской конференции 1906 г. был найден спасительный компромисс. Однако, агрессивные замыслы Франции остались в силе и впоследствии породили новые конфликты.

---

1) См. также гл. III и IV.

Англо-русские отношения, 1906—1907 гг.

Совместное выступление в пользу Франции на Алжезирасской конференции значительно сблизило Англию с Россией, и в том же году Лондон принял участие в англо-французском займе России. А до того он бойкотировал Россию с самого 1854 года [1]). Это сближение было одним из плодов англо-французского союза: „Если мы хотим обнять Францию, то нам надо так протянуть руки, чтобы захватить в объятия и Россию".

Заем явился в критический для России момент [2]).

„По внешности сближение Англии с Россией кажется чисто-политическим, стратегическим шагом, продиктованным самым положением обоих государств в борьбе и необходимым для равновесия сил. Но крайне существенным моментом явилось и то обстоятельство, что это сближение обещало британским финансам выгодное помещение, а влияние лорда Ревельстока и руководимых им капиталистических групп, несомненно, помогло примирить общественное мнение мелкой буржуазии с этой неожиданной изменой традиционной английской политике. Когда союз с Россией заключала Франция, то ее государственные деятели совершенно явно покупали русскую армию для действий против Германии; но мы можем быть уверены, что и парижская биржа,—власть которой над французской прессой гораздо крепче и непосредственнее, чем влияние каких бы то ни было английских заинтересованных групп на наши газеты,—сыграла огромную роль в подготовке того союза, который должен был дать ей горы золота в виде комиссионных и прочих доходов от ловли рыбы в мутной воде" (Брэйлсфорд, „Война стали и золота", стр. 222—223).

Британия оказалась заинтересованной в финансовой поддержке России и русского царизма и заключила с Россией политической договор. Особым предметом этого договора послужили англо-русские отношения в Персии, Тибете и Афганистане. Последний особенно часто являлся ареной англо-русских столкновений, так как Россия пробивала себе

---

[1]) Т.-е. с крымской кампании. *Прим. перевод.*

[2]) См. также гл. V.

путь к морю, а Англия бдительно охраняла все подступы и дороги к Индии. Теперь Афганистан был превращен в „независимое“ буферное государство. Что до Тибета, то державы гарантировали полный нейтралитет этой страны. В обоих этих случаях на свет выступали военно тактические мотивы, но на самом деле за спиной всех средне-азиатских конфликтов действовали экономические причины, заставлявшие Россию стремиться на юг, к незамерзающему морю, а Англию—защищать свои индийские владения.

Другая часть договора, касавшаяся Персии, тоже была отчасти (а по внешности—в первую голову) продиктована стратегическими соображениями. Но на самом деле самым главным и определяющим фактором были и здесь экономические интересы. Россия уже давно вела политику „мирного проникновения“ в северную Персию. Англия же, со своей стороны, захватила в свои руки Персидский залив (важный морской путь в Индию) и весьма выразительно заявила, что не допустит, чтобы какая бы то ни было другая держава устроила себе здесь морскую базу. Таким образом, договор разделил Персию на три части: северная часть была признана русской сферой влияния, южная—английской, а третья, средняя, осталась нейтральной и образовала собою буфер между Англией и Россией.

Тройственное Согласие, 1907 г.

Окончательным результатом поворота в англо-русских отношениях явилось превращение двойственного англо-французского согласия в тройственное,—англо-франко-русское. Этот факт оказал самое решающее влияние на поведение Англии в ближайшие годы в Марокко, в Персии и на Балканах. Остановимся на каждом из этих узлов мировой политики и посмотрим, как это новое согласие (Антанта) взялось за дело.

1) Марокко. Когда между Германией и Францией возгорелся конфликт по поводу Марокко, то Англия немедленно вступилась за свою союзницу, не разбирая, на чьей стороне право. Ведь, символ веры политики равновесия сил состоит из одного единственного члена, который читается так: „Прав он или виноват,—он мой союзник!“ Но в данном случае верность Англии союзнику подогревалась и ее собственной враждебностью к Германии: в это время германская добыча

стали и железа,—а ведь, эта область промышленности лежит в основе всего современного капитализма,—уже обогнала английскую. Германия заняла свое место в первом ряду индустриальных государств и рано или поздно должна была вступить с Англией в состязание за гегемонию. Экономическая конкуренция ведет за собой политическое и военное соперничество, а раз так, то вмешательство пушек становится вопросом времени.

И в самом деле, Англия начала хвататься за всякий удобный случай, чтобы довести дело до войны, пока соперник еще не настолько усилился, чтобы разгромить ее. Она была готова воевать в 1905 году. В 1911 году она возобновила свой вызов, и над Европой, казалось, нависла военная гроза.

Дипломаты и политики окутали весь инцидент густейшим туманом лжи. Все их публичные выступления, как это всегда бывает, только скрывали их мысли и старались помешать народу проникнуть в их истинные намерения. Но одного крупного факта скрыть не удалось: этот конфликт явно оказался не франко-германским, как предыдущий, а англо-германским конфликтом. В 1911 году Англия и Германия открыто заняли главные роли в той драме, которая оказалась только прологом к мировой трагедии 1914 года.

2) Персия. Британия старалась захватить южную Персию из стратегических соображений. Но она была вынуждена вмешаться в политическую жизнь страны. В том же направлении действовал на нее и союз с Россией. „Договор 1907 г. стоил нам поддержки русских домогательств в Персии, как договор 1904 г. стоил нам поддержки французских домогательств в Марокко". Но такая точка зрения непозволительно преуменьшает заинтересованность в персидских делах самой Англии: ведь, соперничество с центральными державами все разгоралось, отношения с Германией становились все напряженнее.

На самом деле в Персии были открыты огромные и совершенно неиспользованные природные богатства—полезные ископаемые и нефть. Англия и Россия все больше заботились о том, чтобы обеспечить за собою монополию на эти богатства.

3) Балканы. Во время боснийского кризиса Англия и Франция поддерживают притязания своего союзника России.

Сэру Эдуарду Грею пришлось предложить созвать для разрешения конфликта европейскую конференцию, т.-е. ему пришлось занять позицию, диаметрально противоположную той, которую Англия занимала в марокккском кризисе, когда такую конференцию предлагала созвать Германия. Тогда Антанта отказывалась от конгресса, а теперь предлагала созвать его. Все государства хватают, что могут, а когда не могут, то предлагают созвать конференцию!

Англия в Китае.

Почти одновременно с боснийским кризисом и турецкой национальной революцией (1908) разгорелась такая же революция и в Китае. Еще в 1900 году в Китае разразилось восстание против империалистического проникновения чужеземцев,—восстание, известное под именем „боксерского". Но оно было усмирено военными силами всех заинтересованных держав, предпринявших объединенную карательную экспедицию. Тогда Юаншикай повел борьбу за установление ограниченной монархии на английский манер. Ему пришлось обратиться к державам за финансовой помощью. Британское представительство в Пекине энергично настаивало на том, чтобы Англия дала Юаншикаю заем. Но в деле были замешаны и иные силы. У республиканцев, руководимых Сун-Ят-Сеном, были свои могущественные покровители, а именно шанхайская торговая палата, а также гонконгская и шанхайская банковские корпорации. Эти организации вместе являлись представителями британских экономических интересов в Китае. В случае, если бы они поддержали или допустили покрытие займа для Юаншикая, „младокитайское" движение грозило им экономическим бойкотом. И им действительно удалось уговорить английское министерство иностранных дел не допустить осуществления этого займа. В результате манчжурская династия была низложена. У банкиров и купцов оказалось больше влияния на английское министерство иностранных дел, чем у английского же посла в Пекине! Нужно ли более сильное доказательство той роли, которую играет в иностранной политике денежный мешок?

Та же самая роль проявилась и в многозначительном пророчестве пекинского корреспондента „Таймса", имевшем место впоследствии, когда заем и железнодорожная концессия достались не франко-английской, а германской группе. Он

заявил, что результатом этого будет „охлаждение симпатий британского правительства", и что Китай, при своих дипломатических затруднениях, нуждается в поддержке этого правительства. Так же тесно связаны британские интересы и с развитием Манчжурии, которая теперь всецело зависит от японских и английских акционеров Южно Манчжурской железнодорожной компании. Этой же компании принадлежат предприятия в области земледелия, телеграфа, пароходства, угольной промышленности и электричества. Она сделалась центром и главным узлом огромной и координированной капиталистической организации, захватившей в свои руки всю политическую и экономическую жизнь провинции. Правда, Англия и Япония торжественно обязались охранять независимость и целость Китая. Но сущность политики всюду одна: в какую бы страну ни проник капитал, он стремится стать господином ее судеб.

Англо германские мирные предположения.

А между тем, грозовая туча войны, которой было суждено разразиться надо всем миром, становилась все огромнее, все чернее. Было сделано несколько попыток разогнать ту тьму, которую она наводила на цивилизованный мир. В 1912 году германский император, который в 1911 г. стоял за мир против своей собственной военной касты, пригласил в Берлин членов английского кабинета министров, чтобы вместе с ними рассмотреть вопрос об англо-германских отношениях. Это свидание оказалось настолько плодотворным, что „непосредственно перед войной англо-германские отношения были дружественнее, чем когда бы то ни было на протяжении XX столетия". (Boudin Wocialism and Sr,"—„Социализм и война",—стр. 22).

Но спустя лето по малину не ходят. Все эти сделки и уступки—не что иное, как позднее раскаяние преступников, почуявших, что близок час возмездия, что уже разверзается адская пасть войны, которая неминуемо поглотит их. Преступление совершено, оно остается в силе, и его результаты – тоже. Империалистическая политика уже посеяла свое семя, и время готовило неизбежную жатву.

За несколько дней до начала мировой войны, 10 июля 1914 года, сэр Эдуард Грей, выступая в палате общин, определил политику современного империализма и благословил ее:

„Я думаю, что всякий раз, когда британский капитал проникает в тот или иной уголок земного шара и ищет себе приложения в концессиях, наш долг оказать ему всемерную поддержку и всеми силами стараться убедить соответствующее иностранное правительство, что его интересы, точно так же, как и наши, требуют предоставления этих железнодорожных и прочих концессий британским фирмам, которые будут делать свое дело по сходным ценам и со всей возможной тщательностью".

ГЛАВА III.

Германская экспансия, 1888—1914 гг.

Заем 1888 г.

Изучение германской экспансии лучше всего начинать с года вступления на престол Вильгельма II (1888). Правда, новая колониальная политика Германии началась раньше: достаточно напомнить об основании в 1883 г. Немецкого Колониального Общества, о деятельности д-ра Нахтигаля на Гвинейском побережье и д-ра Карла Петерса в Восточной Африке (1884 г.). Но поворотным пунктом в германской и даже европейской политике является речь Бисмарка от 6 февраля 1888 года о предоставлении нового займа в 28 миллионов марок (около 13.700.000 довоенных рублей) на вооружения.

Это новое ассигнование было обусловлено целым рядом факторов.

1) Французский закон 1885 года легализовал вывоз военного снаряжения. Наплыв французского оружия на все европейские и американские рынки немедленно отразился на германской оружейной промышленности, вызвав ее быструю экспансию и создание целого ряда объединений предпринимателей, во главе которых стояла знаменитая фирма Леве. Эти могущественные капиталистические организации не могли не иметь огромного влияния на правительство и на производство вооружения. Как только новая программа была принята, промышленность получила новый сильный толчок к развитию; в 1889 году фирма Леве перешла к созданию могущественной организации собственников оружейных заводов, которая быстро завоевала почетное место на мировом рынке мелкого оружия.

2) Международное положение Германии настоятельнейшим образом требовало от нее полной боевой готовности. Франция сближалась с Россией. Было совершенно ясно, что прошло то время, когда Бисмарку удавалось изолировать и ту, и другую,—и Германия находилась перед лицом все более грозной опасности союза между этими державами, угрожавшими ей с запада и с востока. В 1889 г. французская армия мирного времени была больше германской на 63.000 человек, а в 1891 г. Франция действительно заключила союз с Россией.

3) Германия расширяла свое влияние в Малой Азии. В 1888 году немецкий синдикат, превратившийся в Анатолийскую железнодорожную компанию и финансируемый Германским банком, получил линию Скутари—Исмид в аренду на 99 лет и добился права продолжения этой линии до Ангоры. С этого момента реальной силой, стоявшей за всем немецким железнодорожным строительством в Турции, оказался Германский банк. Эта концессия была тем важнее, что прежде, чем дать ее немцам, Турции пришлось отнять ее у английской компании, заарендовавшей линию Скутари—Исмид в 1880 г. на 20 лет. В 1892 г. линия была открыта для сообщения. В 1893 г. немцы получили еще две концессии: на продолжение дороги через Кайсарию и долину Тигра до Багдада и на сооружение ветки на Конию. Эта последняя была открыта для движения в 1896 г.,—и когда проект дороги на Багдад через Кайсарию пришлось отложить вследствие сопротивления России, она получила огромное значение в германском плане Берлин-Багдадской железной дороги. А между тем, в 1893 г. французские концессионеры добились нового расширения своих прав, дававшего им возможность соединить Константинополь со Смирной.

В турецких железнодорожных концессиях были непосредственно заинтересованы и Германия, и Франция, и Россия. Впоследствии конкуренция различных финансовых групп в этой области повела к целому ряду трений между этими государствами.

4) Германская политика колониальной экспансии в Африке (Камерун, Того, Восточная и Юго-Западная Африка и т. д.).

Вильгельм II и Бисмарк.

Как только новый император фактически взял в свои руки бразды правления, эта колониальная политика получила новый и могучий толчок к развитию. Молодой и способный монарх, поддерживаемый всеми сторонниками флотских вооружений и колониальной политики, прекрасно знал как недостатки, так и преимущества,—огромные преимущества,—Бисмарка. Этот последний никогда не был особенно горячим поклонником колоний; он предпочитал направлять свои способности на укрепление положения Германии в Европе.

Чтобы не почувствовать, что эта борьба имеет личный характер, Бисмарку и императору надо бы было быть более чем людьми, но на самом деле победа Вильгельма над Бисмарком была скорее победой партии, чем победой человека. Вильгельм уже успел показать, что он прекрасно понял истинные нужды буржуазии страны. В 1899 году он впервые посетил Турцию, и это посещение находилось в связи с железнодорожной концессией предыдущего года. Скоро он дал новые доказательства своего понимания мировой политики и той роли, которую Германии подобало играть в ней.

Дело в том, что та Германия, которой Вильгельм собирался управлять без помощи Бисмарка, была уже совсем не похожа на Германию 1871 г., да и находилась она в мире, совсем не похожем на мир 1871 г. То была Германия, развившая колоссальную торговлю и промышленность, далеко оставившая за собой Бисмарка с его политикой.

Экономическое развитие Германии.

Вся политика Германии—протекционизм, новый империализм, поддержка научных исследований, система воспитания и образования,—все это вместе не могло не дать огромных экономических результатов. В 1885 году в Германии было выплавлено менее 4 миллионов тонн чугуна, а в 1913 г.—около 15 миллионов. С 1891 по 1913 год ее добыча угля возросла с 73-х до 185 миллионов тонн. Между 1897 и 1912 гг. число веретен на ее хлопчатобумажных предприятиях удвоилось. В 1913 г. она уже занимала первое после Англии место в мировом торговом пароходстве (ей принадлежало 11,9% мирового тоннажа). Экспортная торговля Германской империи в 1890 году исчислялась в $3^1/_2$ миллиарда марок (около

1.710.000.000 довоенных рублей), а в 1913 году она достигла 10 миллиардов марок (около 4.900.000.000 дов. руб.).

Но особенно важно было развитие ее железоделательного и сталелитейного производства. Читатель помнит, что говорилось в первой главе о соотношении между металлургией и империализмом. Огромное значение германской выплавки чугуна становится особенно очевидным, если сравнить эту выплавку с английской.

Выплавка чугуна в тоннах.

Год.	Англия.	Германия.
1850	2.300.000	350.000
1900	8.959.691	8.381.373
1912	8.839.124	17.586.521

Итак, к 1900 году Германия фактически сравнялась с Англией. Знаменательно, что именно около этого времени Вильгельм заявил: „Наше будущее—на водах"; знаменательно, что именно с этого времени началось соперничество и вражда между Англией и Германией. Германская промышленность начала вызывать у „мастерской всего мира" зависть и страх.

Рост картелей и других форм капиталистических объединений вызвал в Германии не только дальнейшее ускорение индустриального развития, но и изменение в классовых отношениях, изменение партий и программ.

Новая ситуация требовала увеличения сил на море. Вильгельм ознаменовал свое восшествие на престол учреждением особого морского министерства, т.-е. освобождением флота от армейского управления. В 1890 году прошел законопроект о сооружении четырех морских броненосцев; франко-русское соглашение 1891 года, требовавшее от Германии серьезной подготовки к сухопутной войне, только замедлило неизбежный рост ее морских вооружений.

Присоединение Гельголанда (уступлен Англией в 1890 году) позволило Германии взяться за прорытие канала императора Вильгельма (Кильского канала), который и был закончен в 1896 году. Этот канал,—прямая морская дорога из Балтийского моря в Северное, находящаяся всецело в немецких руках,—быстро и радикально повысил морскую мощь Германии.

В 1895 году император послал президенту Крюгеру свою знаменитую телеграмму (см. предыдущую главу). За этим последовала мобилизация британской эскадры в Северном море, и немецкие поборники морских вооружений получили великолепный повод для боевых статей и выступлений на тему о „приготовлениях". Китайская экспедиция 1900 г., предпринятая для отмщения за смерть нескольких миссионеров, помогла им провести в рейхстаге новый закон о флоте. Этот акт важен и сам по себе, но его международное значение еще важнее.

Тем не менее, сознательно организованного соперничества с Англией Германия еще не начинала, и когда во время англо-бурской кампании Россия и Франция готовились объявить Англии войну, Германия держалась в стороне. В это время у нее были основания дорожить миром. По соглашению 1898 г., Германия и Англия помогали друг-другу в разных пунктах Африки, в Китае они вели совместную и дружественную политику, а в 1900 году Германия получила полную власть над Самоанскими островами (Тихий океан), до тех пор находившимися в руках англо-американского консорциума.

Но как-раз в это время Англия сыграла в руку немецкому „Флотскому союзу" (Flottenverein), захвативши германский пароход „Bundesrat". Это дало возможность провести через рейхстаг новый закон об увеличении флота—второй закон о флоте 1900 года. Новые сооружения, предусмотренные этим законом, сделали гонку вооружений между Германией и Англией неизбежной; каждое новое судно, построенное в одной стране, становилось неотразимым доводом за необходимость флотского строительства в другой. А за всем этим еще стояли огромные успехи Германии на Ближнем Востоке.

Германия на Ближнем Востоке.

С того момента, как Англия, захватив Египет, начала враждебную Турции политику, в Оттоманской империи стало неуклонно возрастать германское влияние, пока, наконец, оно не стало решительно преобладающим. Германия вела свою политику с напряженным и неусыпным вниманием. Она стремилась не к разделу Турции, как другие державы, а к захвату ее в свои руки целиком.

В 1898 году Вильгельм вторично посетил Турцию и Палестину. Этот визит был торжественно-мишурной прелюдией к торговым концессиям и военным договорам. В качестве ловкого коммивояжера германского империализма, Вильгельм прекрасно умел приноравливаться ко всем вкусам. „В Иерусалиме он вел себя, как христианский странствующий рыцарь, а в Дамаске,—как палладин ислама".

Старания предприимчивого и изобретательного комиссионера увенчались полным успехом. Главной его победой была концессия на сооружение железной дороги к Багдаду и Персидскому заливу, сопряженная с большими правами в полосе отчуждения вдоль дороги. Немцам особенно повезло со сбытом оружия, но с окончательным заключением концессии (1903 г.) они захватили в свои руки полную экономическую гегемонию над Турцией.

Необычайное возрождение ислама, приходившееся как раз на эти годы, дало Германии повод и возможность провести для удобства паломников,—не говоря уже об акционерах,—железную дорогу к Мекке. В то же время этот благочестивый поступок давал пангерманистам возможность перевозить, если они захотят, войско в Аравию, т.-е. отрезать Индию от Египта, и в случае необходимости объединить свои силы для нападения на эти английские владения. Мало того: та же железная дорога позволяла им угрожать драгоценной для Англии торговле с Персией. Германская политика—это очень характерная для современности комбинация стратегии с экономикой.

Эти смелые и дальновидные действия не замедлили вызвать неудовольствие прочих великих держав. Момент был очень благоприятен для их объединения, и следствием (а также, до известной степени, и причиной) этой враждебности явился франко-английский союз.

Марокканский кризис, 1905—06 гг.

Один из пунктов союзного договора предоставлял Франции свободу действий в Марокко,—в вознаграждение за то, что она дала Англии свободу действий в Египте. Но у Германии были в Марокко свои интересы и свои планы. Ее финансовая и коммерческая заинтересованность в Марокко была уже велика и продолжала расти. В добывающей промышленности (железной руде) Германия была заинтересована больше кого бы то ни было другого; ее концессии на предприятия общественного пользования были тоже очень значительны, так как немцы „оплатили вперед наличными больше земли, чем все прочие народы вместе". (E. D. Morel, „Ten Years of Secret Diplomacy",—„Десять лет тайной дипломатии",—стр. 24).

И, наконец, вмешательства в марокканские дела требовала принятая на себя Германией роль покровительницы ислама.

И вот, вопрос о Марокко надолго сделался одним из главнейших пунктов трения между европейскими державами,—тем пунктом, в котором Германии пришлось испытать на себе всю силу англо-французского союза, и к которому она старалась приковать все внимание своих противников, чтобы отвлечь его от Турции и Малой Азии, где она неуклонно и энергично проводила свои главные цели.

В 1907 г. в Германии было учреждено министерство колоний, и господин Дернбург, до того бывший главным руководителем крупного „Дрезденского Банка" был назначен первым статс-секретарем по колониальным делам.

Босния, 1908 г.

В 1908 г. Австрия аннексировала Боснию и Герцоговину. Эта аннексия крайне возмутила Европу, в особенности же Россию и Сербию. Но Германия и Австрия были готовы итти в этом деле до конца, потому что оно составляло необходимую часть их главного плана—установления прямого сообщения между Берлином и Багдадом. Эта аннексия дала Германии огромное влияние на балканские дела, сделала ее повелительницей Турции и очень улучшила ее положение в Персии. Германия пыталась установить торговые сношения с Персией еще с 1900 г,. а в 1910 году ее империализм, возглавляемый Германским Банком, уже взялся за дело в этой стране.

Второй марокканский кризис, 1911 г.

Не успела Австрия уплатить туркам компенсацию и тем уладить кризис 1908 рода, как разразился новый кризис. Как промышленный капитализм развивается через повторные кризисы, так и капиталистический империализм натыкается в своем развитии на бесконечные военные и дипломатические кризисы. Едва кончились волнения, поднятые аннексией Боснии и Герцоговины, как возобновились осложнения в Марокко.

Соглашение 1909 года предоставляло Франции свободу политических, а Германии—экономических действий в Марокко; но когда Франция наводнила страну войсками и принялась подкапываться под ее независимость, то дело пошло уже не так гладко. К тому же все попытки мирного экономического сотрудничества в деле эксплоатации марокканских богатств тоже окончились неудачей.

Кризис дошел до апогея в 1911 г. Англия заявила, что Марокко должно находиться в руках ее союзницы Франции, и тем сделала немедленное начало европейской войны почти неизбежным. Пангерманисты во весь голос требовали агрессивных действий. Однако, Германия не объявила войны. Одним из важнейших факторов, определивших собою ее мирное поведение, был финансовый кризис. Великолепное развитие германской экономической мощи было до известной степени обусловлено гибкой, но не слишком надежной банковской системой.

„Даже сберегательные кассы разбрасывали деньги щедрой рукой, финансировали промышленность, учитывали векселя, покупали со спекулятивными целями акции сомнительных предприятий. В случае наплыва требований, вызванного паникой, германским сберегательным кассам было нелегко удовлетворить своих вкладчиков. Пангерманистам пришлось убедиться в этом в 1911 году, когда они перепугали страну близостью войны... В сентябре—октябре 1911 г. Германии понадобилось немедленно получить 300 миллионов марок. Американские банкиры учли положение, и Германия получила от них по 6 и 7% те деньги, которые она при нормальных обстоятельствах могла занять у французской биржи по 3—4%. Такою ценою немцам пришлось уплатить за удоволь-

ствие видеть свой флаг в Агадире" (Fullerton, „Problems of power",—„Проблемы власти").

Франко-германский договор 1911 года.

4 ноября 1911 года Германия заключила договор с Францией. Она признала в этом договоре протекторат Франции над Марокко, хотя всего за шесть лет до того и Германия, и Франция громогласно провозгласили Марокко независимой страной. Далее, Германия уступила Франции часть Верхнего Камеруна, получивши взамен кусок французского Конго.

Пангерманисты встретили этот договор с нескрываемым презрением и острой враждебностью: „Оставив Марокко на произвол французов, — говорил Бернгарди, — мы испортили отношения с исламом. Мы потеряли свой престиж во всем мусульманском мире, а для нас—это вопрос первейшей важности".

Балканские войны 1912—13 гг.

Не менее опасным для германского могущества было и образование в феврале 1912 г. балканского блока. Зимою следующего года мечтам Германии о гегемонии на Балканах были нанесены новые жестокие удары. Сверх того, ее союзники,—Австрия и Италия, — осыпали друг-друга непрестанными угрозами все из-за той же балканской политики. Между этими союзниками проявлялась все растущая вражда, и она была настолько значительнее связывавшей их дружбы, что даже казалось сомнительным, чтобы тройственный союз когда-либо возобновился.

Но вскоре надежды Германии воскресли. Бухарестский мир (август 1913 года) оказался „немецким миром", о котором говорили, что он „продиктован Берлином и Веной". Он разрушил надежды Антанты на новую балканскую лигу, которая должна была преградить дорогу устремлениям Германии на Восток.

„Победоносная Сербия оказалась запутанной в паутину. К востоку от нее была непримиримая Болгария, к западу — раздираемая внутренними неурядицами Албания, окончательно превращенная в передовой отряд центральных держав, а к югу—Греция, в которой с каждым днем утверждалось германское влияние". (Thomson, „Old Europe's Suicide",—„Самоубийство старой Европы", стр. 64).

Общая военная подготовка.

История месяцев, отделяющих Бухарестский мир от взрыва мировой войны,—это история лихорадочной подготовки к предстоящим боям. Было проведено общее перевооружение. Кризис следовал за кризисом. Германию обвиняли в антибританских действиях в юго-западной Африке, Египте, Индии и Ирландии. Она очищала американские воды, Караибское море и Мексиканский залив для угольных станций. В Тихом океане она деятельно связывала беспроволочным телеграфом свои островные владения, беспрерывно увеличивавшиеся в восьмидесятых годах, и строила порты. У себя дома она значительно расширила Кильский канал, который с момента введения дредноутов перестал отвечать современным требованиям. Расширенный канал был открыт для сообщения летом 1914 года.

Казалось, что уже созрело время для войны, которая должна была сделать Германию повелительницей мира. Этим могучим ударом она надеялась увеличить свое влияние в Северном море, осуществить свою мечту о „Средней Европе", простирающейся от Северного до Средиземного и Мраморного морей, до проливов, и оттуда дальше на юг и на восток, к обширным и богатым областям Азии.

Германия имела несчастье вступить в стадию агрессивного империализма в то время, когда все, или почти все удобные для эксплоатации области были уже заняты или облюбованы другими державами. Но она нуждалась в таких „сферах влияния" не меньше этих других держав. И потому история возложила на ее плечи инициативу „первой мировой войны" активного, агрессивного империализма.

ГЛАВА IV.

Французская экспансия, 1881—1914 гг.

Экономический прогресс после 1871 г.

Политические перемены, последовавшие за франко-прусской войной 1871 г., нимало не замедлили экономического развития Франции. Как по своему характеру, так и по своей политике, главные государственные деятели Третьей Республики были деятелями капиталистическими. Главной их заботой было покровительство торговле и промышленности, обеспечение делового преуспеяния.

Таким образом, между 1879 и 1904 гг. Франция проложила тысячи верст великолепных шоссе, прорыла ряд новых каналов, соорудила ряд железнодорожных линий, углубила гавани в Дюнкирхене, Дьеппе, Руане, Нанте, Бордо, устроила великолепные новые гавани в Ле-Гавре и Сен-Назаре. Действуя путем всяческих поощрений и премий, устраивая кредитные учреждения и банки, приспособляя тарифную систему, поддерживая сельскохозяйственные училища, министерство земледелия успешно боролось за развитие сельскохозяйственного дела.

Еще большие успехи сделала промышленность. Число машин на фабриках сильно возросло и учетверило их производительность. Добыча угля увеличилась на 50%, выплавка железа и стали—более чем вдвое. Работая преимущественно на внутренний рынок, французская промышленность, тем не менее, сильно развила свой экспорт. Но во Франции господствовал не промышленный, а финансовый капитал, так что ее монополистическая политика в колониях и протекторатных областях искала выгодного помещения и для избытков этого денежного капитала.

Тунис, 1881 г.

В начале восьмидесятых годов Франция повела такую иностранную политику, которая соответствовала происшедшим в ней внутренним переменам. Она уже была финансово заинтересована в Египте и Суэцком канале, и первой областью, в которой она начала вознаграждать себя за свою изоляцию в Европе, проведенную в жизнь политикой Бисмарка,—была Африка.

Первое свое серьезное выступление она предприняла в Тунисе. Укрепившись в Алжире еще в 1857 г., Франция старалась теперь пробиться к Востоку. И великие державы признали ее притязания, хотя у Италии были в Тунисе гораздо более значительные поселения, чем у Франции. Говорят, что на Берлинском Конгрессе (1878) Бисмарк сказал лорду Сольсбери: „Англия должна позволить России присвоить Константинополь и за это взять себе Египет. Франция не будет непреклонна; к тому же, ей можно дать Тунис или Сирию". В отношении Туниса Англия с полной готовностью приняла этот намек к руководству; она только потребовала, чтобы Франция была так же сговорчива в вопросе об английском захвате Кипра. Долг платежом красен.

Удобный случай для осуществления всех этих предположений представился в 1881 году, когда набеги на Тунис одного из пограничных племен дали Франции благовидный предлог вторгнуться в страну и вынудить тунисского бея признать французский протекторат. Парижское правительство с негодованием отрицало какие-либо оккупационные намерения: оно управляло Тунисом посредством своего резидента, „советам" которого бей был принужден следовать.

Это дело оказало огромное влияние на отношения Франции с другими державами; его называли „самой легкой, но и самой дорогой победой", так как оно явилось основным фактором, вызвавшим союз Италии с Германией и Австрией (ведь Франция не посчиталась с итальянскими притязаниями на Тунис), и на целое поколение поместившим Францию и Италию в два враждебных лагеря.

Франция вела агрессивную политику и в других частях Африки. В восточной Африке она, после двадцатилетней борьбы, захватила в 1884 г. часть Сомалиланда (Джибути).

Сомалиланд, Мадагаскар, Конго и зап. Африка.

Чтобы убедиться в стратегической важности этого клочка земли, достаточно только взглянуть на карту. Он расположен у самого Аденского залива и разделяет с английском портом Аден господствующее положение над входом в Красное море и Суэцкий канал. В то время это было важнее всего, ибо мнения Англии и Франции по поводу английской оккупации Египта и управления Суэцким каналом весьма расходились.

Франция стремилась водрузить свой флаг и на Мадагаскаре. До 90-х годов эти старания особых успехов не имели. Но в 1894 г. французы заняли Мадагаскар и установили над ним свой протекторат. В 1896 году, после усмирения вспыхнувшего весьма кстати восстания, остров был окончательно присоединен к Франции.

Великий исследователь де-Браза оказал Франции большие услуги в северных бассейнах рек Конго и Убанга. В 1884 г. Франция заключила соглашение с Международной Ассоциацией Конго [1]), в котором зафиксировала за собой первую претензию на эту область. В ноябре 1884 г. Берлинская конференция держав признала ассоциацию и дала ей право фактически распоряжаться всей областью, орошаемой рекою Конго, но при этом в отношении северной части сделала ограничения в пользу Франции. В феврале следующего года были установлены границы области французского влияния, и Франция стала обладательницей 257.000 квадр. миль территории Конго.

На западном берегу Африки она вела ту же политику экспансии. Уже в 1879—81 гг. из Сенегала высылались торговые экспедиции для исследования Верхнего Нигера. Деятельность и успехи этих экспедиций вызвали зависть и вражду английских купцов, торговавших в тех же краях. Выражением этого явилось основание Британской Национальной Африканской Компании (в 1882 г.). Эта Британская Компания последовательно расширяла свои операции в долине Ни-

[1]) „Международная Ассоциация Конго, учрежденная королем Бельгии в целях содействия процветанию в Африке цивилизации и торговли, а также и в других гуманных и благотворительных целях". „Манифест к британской публике" Стэнли, под покровительством короля Леопольда, 21-го октября 1884 г. О практических методах ассоциации см. M o r e l, „Redrubber" („Красный Каучук").

гера, понемногу вытесняя французских конкурентов. Эта торговая конкуренция продолжалась два десятилетия и не раз грозила нарушить мир между метрополиями. Так было, напр., в 1897 г. когда французы оккупировали Буссу (на Нижнем Нигере).

Договоры с Германией (декабрь 1885 г.) и Бельгией обеспечили Франции мир на африканских границах с владениями этих государств, и в 1892 г. она присоединила к своим колониям Дагомею, узкую полоску территории, идущую между английской Нигерией и германским Тоголандом. Дагомея числится под вторым номером в списке колоний и протекторатов, связывающих центрально-африканские владения Франции с морем.

Но французская западная Африка имеет и другие преимущества. Тамошние колонии вывозят во Францию (и почти исключительно во Францию, так как эта последняя ведет там решительную монополистическую политику) фрукты, пальмовое масло, каучук, слоновую кость и красное дерево, и ввозят в нее хлопчатобумажные изделия, платье, спиртные напитки и всевозможные фабрикаты. Но для французского империализма гораздо важнее то, что эти колонии очень удобны для вывоза излишков капитала. Поэтому французские финансисты учредили для финансирования железнодорожного и телеграфного строительства, а также и обрабатывающей промышленности, Западно-Африканский Банк. 16 миллионов франков, ежегодно расходуемых французским правительством на содержание зап.-африканских войск, обеспечивают французским капиталистам доходы со всех этих предприятий.

Франция в Азии. Та же самая политика велась и в юго-восточной Азии. Каждая занятая область или провинция служила базой для наступления на соседние местности. В шестидесятых годах Франция присоединила Кохинхину и установила протекторат над Камбоджей. В 1882 г. она решила распространить свою власть на Аннам и послала туда войска, якобы, для расправы над бандами пиратов, грабивших страну. Китай, которому принадлежали суверенные права над Аннамом, взялся за оружие для защиты своей провинции, и мир был заключен только в 1885 г.

Победа французского оружия дала Франции протекторат над спорной областью, хотя суверенитет Китая и был признан! Но вследствии, в 1898 г., французы завоевали Кванг-Хоу-Ван и тем самым распространили свою власть на все побережье Тонкинского залива. Франция приобрела твердую и постоянную базу в южном Китае.

Союз с Россией.

Но вот, французский агрессивный империализм впервые наткнулся на серьезную оппозицию у себя дома. Жюль Ферри, первый великий апостол французского империализма, явно создал себе массу врагов и, действительно, был устранен из министерства. Казалось, оппозиция правительственной политике объединяла все партии. Монархисты и клерикалы протестовали против нее потому, что она увеличивала государственные расходы и отягощала налоговое бремя. Радикалы стояли в оппозиции к империализму приблизительно по тем же причинам, по каким манчестерская школа [1]) делала то же самое в Англии: расходы, пренебрежение гуманностью и отвлечение народного внимания от необходимости внутренних реформ. Любопытно отметить, что главой этой радикальной оппозиции был не кто иной, как „тигр" Клемансо!

Но время шло, и Франция все больше втягивалась в новую политику. Она не имела сил сопротивляться все растущему, все крепнущему потоку, увлекавшему все державы, заставлявшему их вооружаться на перегонки и изо всех сил готовиться к предстоящим колоссальным конфликтам.

А между тем, отношения с Россией все улучшались. В 1887 г. благодаря влиянию центральных держав балканская политика России потерпела большие неудачи, и это подготовило ее к союзу с Францией. Русское правительство надеялось, что этот союз прикует все силы Германии к „страже на Рейне" и, таким образом, развяжет России руки на Балканах и увеличит ее вес в обще-европейских делах. А в то же время небольшая, но влиятельная группа, с генералом Буланже во главе, настаивала на желательности и даже необходимости этого союза во Франции.

В апреле антигерманское настроение обеих дер-

---

[1]) См. Словарик.

жав очень возросло в результате Шнебельского инцидента— ареста и заключения французского полицейского комиссара двумя немецкими агентами. Это настроение было очень обострено еще и тем, что четыре месяца назад им не удалось оторвать Италию от тройственного союза. Кроме того, флотские сооружения, предпринятые в Тулоне в 1887 г. на предмет нападения на Специю, заставили английский флот, явиться в эти воды, чтобы встать на защиту Италии. Против Франции, казалось, объединились все державы, кроме России. Это было лишним основанием для заключения русского союза.

То были горячие месяцы. Новый французский военный закон и успехи монархического авантюриста Буланже окрылили надежды как французских, так и русских германофобов. Правда, Буланже пал и надежды, связанные с его деятельностью, но рушился зато консолидация тройственного союза, последовавшая в том же году, создала новые стимулы для тесного франко-русского единения.

Бисмарк предвидел эту возможность. Он пытался предотвратить ее путем нового соглашения с Россией. Однако, он потерпел неудачу, а речи нового императора Вильгельма II, обращенные к армии и флоту и говорившие о необходимости оборонительных мер против западного и восточного соседей, свели результаты всех его попыток к нулю.

Таким образом, политическая ситуация складывалась крайне благоприятно для франко-русского союза. Вскоре определенные экономические интересы подвели под эту дружбу прочный фундамент.

Франция покрывает русские займы.

Весной 1888 г. берлинские финансисты стали очень беспокоиться по поводу того, что в руках германских держателей скопилось слишком много русских ценных бумаг. Они стали изо всех сил сбывать эти бумаги с рук, и русские ценности, разумеется, сильно понизились. Получать деньги в Берлине и Франкфурте стало для России если и не совсем невозможно, то возможно только с большим трудом и на очень тяжелых условиях.

Это был удобный случай, которого Франция дожидалась очень давно. В октябре 1888 г. парижский финансист г. Оскье

получил секретное приглашение посетить Петербург для переговоров об устройстве четырехпроцентного займа в 500 миллионов франков. Этот заем должен был заместить предыдущие займы, заключенные в 1877 г. по 5%. Оскье удалось разместить его в Париже. Это было началом длинного ряда займов, и к 1894 г. Россия была должна французам не менее 4 миллиардов франков (около 1.600 миллионов рублей). Она использовала эти деньги, главным образом, на железоделательные заводы, рудники, угольные копи и военную промышленность, а также на покупку вооружения во Франции. Таким образом, французские займы помогли России продолжать свою дорого стоящую экспансию в Азии. Франции же эти займы создали новый внешний рынок для финансового капитала и металлургической промышленности. Кроме того, они прочно связали с ней Россию и окончательно поставили эту последнюю во враждебные отношения с Германией. Окрепшая благодаря французским деньгам Россия стягивала к германской границе огромные военные силы, а восточная граница была самым слабым местом Германии.

В 1891 г. состоялось франко-русское военное соглашение. Ограничиваясь европейскими делами, оно, однако, имело колоссально-важные последствия для обоих союзников и для Европы вообще.

В 1895 году, после японско-китайской войны, оба союзника, совместно с Германией, выступили против Японии. Европейские державы находили, что условия мирного договора, выставленные Японией, угрожали свободе и безопасности всего Дальнего Востока. Они принудили Японию вернуть свои главные завоевания в Китае. Россия поддержала четырехпроцентный заем в 400 миллионов франков, при помощи которого Китай уплатил японцам половину контрибуции. Деньги дала, главным образом, французская биржа, и этот китайский заем еще теснее связал Россию с Францией.

Другим важным фактором, укреплявшим связь между ними в последующие годы, были успехи Германии в Турции. Но в течение нескольких лет Франция была поглощена своими внутренними несогласиями—делом Дрейфуса, антиклерикализмом и антимилитаризмом. В 1900 году пост военного министра занял генерал Андрэ, сочувствовавший антимилита-

ризму и „расшатывавший дисциплину". С 1899 по 1906 год Франция фактически прекратила флотские сооружения,—эта политика мира и экономии имела самые серьезные последствия для частных судостроителей и оружейных заводчиков. В 1908 г. во французской армии и флоте было зарегистрировано не менее 11.223 случаев нарушения дисциплины. В виду этих внутренних затруднений, Франция остерегалась от чрезмерного увлечения иностранной политикой и всячески старалась укреплять мирные отношения с Англией и Италией.

Англо-французское соглашение (Антанта) 1904 г.

В 1898 г. с Италией было заключено коммерческое соглашение для прекращения таможенной войны с нею. Через четыре года Делькассе удалось добиться подписи Италии под договором, согласно которого все трения между нею и Францией,—трения, возникавшие, главным образом, вокруг средиземноморских проблем,—должен были разрешаться мирным путем. Эти два договора нанесли тяжелый удар единодушию и дееспособности тройственного союза.

В октябре 1903 г. подобное же соглашение было заключено с Англией. Это соглашение обязывало Францию и Англию выносить все свои несогласия на разрешение Гаагского Трибунала. Оно явилось крупным шагом по пути к созданию англо-французского согласия.

В июне 1903 г. президент Лубе и г. Делькассе, совместно с лордом Лэнсдоуном, совещались об остающихся затруднениях, об английской оккупации Египта, о французских притязаниях в Марокко, о французском побережьи Ньюфаундленда, о Новых Гебридских о-вах, о французской каторжной тюрьме в Новой Каледонии и о территориальной неприкосновенности Сиама, защищаемой англичанами и находившейся под угрозой со стороны французов. Вспыхнувшая русско-японская война тоже препятствовала дружеским отношениям между Францией и Англией: первая была союзницей России, вторая—союзницей Японии.

В 1904 году было заключено двойственное англо-французское соглашение. Франция получила от Англии признание своих главных притязаний в Марокко. Далее, она получила территории вокруг озера Чад и по р. Гамбии. Эти территории связывают Сахару и Судан с океаном. Но зато она при-

няла условия Англии в большинстве прочих пунктов. Важнейшей из ее уступок было признание английской гегемонии в Египте.

Но надо помнить, что признавши друг за другом гегемонию (английскую—в Египте, французскую—в Марокко), обе державы обязались поддерживать существующие политические условия и равновесие в торговых правах и привилегиях. Разумеется, все это осталось на бумаге.

Англо-французское согласие есть важнейшее событие в международной политике предвоенного периода. Оно колоссально усилило Францию перед лицом Германии; оно оказало решительное влияние на англо-русские отношения, оно заставило Италию пересмотреть свою внешнюю политику,—и пересмотреть так радикально, что с этого времени она фактически ориентировалась не столько на своих союзников, Германию и Австрию,—сколько на Антанту.

Опираясь на могущественную поддержку своей союзницы Англии, Франция вновь взялась за подготовку к борьбе с Германией.

„Начиная с весны 1905 г., во Франции стала проявляться все растущая тенденция к требованиям и поддержке морских вооружений. В бюджет 1906 г. была внесена постройка 6 броненосцев, и, действительно, четыре из них начали строиться в 1907 г., а две остальных—в 1908 г.... В то же время, в 1906 г., морской министр заявил, что Франция нуждается еще в 20 броненосцах". (Ньюболд, „Как Европа вооружалась к войне", стр. 79).

Это сооружение флота продолжалось до самого начала мировой войны. В 1914 г. французский парламент ассигновал на новые сооружения 107.305.200 руб.,—ассигновал в ответ на германский бюджет, в котором эта статья была равна 106.740.330 р. С 1908 по 1913 г. доходы крупнейших судостроительных и оружейных предприятий Франции удвоились. „В 1913 г. Шнейдер и К° платили 20%, и их акции, стоившие по номиналу 360 фр., продавались по 2210 фр." (Ньюболд, цит. соч., стр. 80).

В то же время Франция предприняла полную реорганизацию артиллерии, которая и была завершена к 1911 году.

В 1913 г. было поставлено вновь увеличить полевую артиллерию. Таким образом, союз с Англией и Россией ни в какой мере не избавил Францию от вооружений. Наоборот, он придал ей духу для неслыханных до того расходов на пушки и броненосцы. Это очень характерно для всех империалистических союзов.

Франция в Марокко.

1) Алжезираский договор. Во время образования Двойственного Согласия самым существенным для Франции вопросом было овладение Марроко. Междоусобицы и набеги арабских племен, живших близ алжирских границ, давали ей повод для вмешательства в марокккские дела, но с 1901 г. она деятельно взялась за политику „мирного проникновения" в Марокко.

„В это время на сцене появляется мир „высоких финансов". В октябре 1902 г. молодой и благожелательный, но экстравагантный маррокский правитель Абдул-Азиз заключает в нескольких французских банках заем в 3.800.000 р. [1]).

Рядом договоров с Англией, Италией и Испанией,—но только не с Марокко, — Франция добилась для себя своего рода опеки над этим государством. Такая политика вызвала глубочайшее недовольство в Германии, тоже крупно заинтересованной в Марокко. Разразился кризис 1905 года. В 1906 г. заинтересованными державами был подписан компромиссный Алжезирасский договор, предусматривавший учреждение в Марокко полицейской системы и государственного банка, реформу налогов, устройство ряда предприятий общественного значения, строгое преследование контрабанды и нелегальной торговли оружием. Наконец, договор признавал преимущественное положение Франции и ее политику мирного проникновения в Марокко.

2) Казабланкский инцидент. В следующем же году Франция ввела в Марокко свои войска, разумеется, под обычным предлогом „восстановления порядка и законности". Это было в августе 1907 года. Через тринадцать месяцев дело, несмотря на протесты марокканцев и Германии, не питавшей

---

1) Morel, „ The Black Man's Burden", „Тяготы черного человека," стр. 18.

относительно французской политики никаких иллюзий, дошло до оккупации. В сентябре 1908 г. Франция обвинила германского консула в Казабланке в том, что он, будто бы, покровительствовал дезертирам, бежавшим из ее иностранного легиона. Вспыхнул новый кризис, впрочем, благополучно улаженный гаагским трибуналом. Конвенция от 8 февраля 1909 г., казалось, обещала, что отношения между Германией и Францией улучшатся. Но эта идиллия тянулась недолго.

3) Кризис 1911 г. Конвенция 1909 г. признавала независимость Марокко, но в то же время подтверждала за Францией преимущественные права в политической, а за Германией—в экономической области. Франция очень скоро начала чувствовать, что сделка была не слишком выгодна для нее. Доходность торговли и промышленности зависит от порядка и законности в стране. И вот, конвенция возложила на Францию все труды и издержки по поддержанию порядка и законности, а барыши от торговли предоставила ее ненавистному сопернику, Германии. С другой стороны, эта последняя не переставала жаловаться, что, введя в Марокко войска, Франция нарушила первую часть договора, т.-е. уничтожила независимость страны. В 1911 г. французские войска, якобы, для усмирения и наказания арабских повстанцев, продвинулись до Феца. В то же время испанские отряды шли к северному Марокко. Германия рассматривала эти действия, как подготовку раздела Марокко. И она имела к тому все основания: секретные пункты англо-французской декларации от апреля 1904 г., предусматривавшие установление над Марокко французского протектората, предоставляли Испании право занять северный берег в тот момент, когда Франция осуществит этот протекторат. Здесь особенно важно заметить, что Испания действовала здесь просто в качестве британского агента.

Но и этот кризис разрешился мирным путем: в ноябре 1911 г., т.-е. в самый месяц опубликования секретных статей, о которых мы только-что упомянули, был заключен договор, по которому Германия признала протекторат Франции над Марокко. За это Франция открыла ей ряд до того закрытых портов,—в том числе Агадир,—и уступила большой кусок своего Конго. Эта область открыла Германии доступ к рекам Конго и Убанге через Камерун.

Марокко и Эльзас-Лотарингия.

Географическое положение Марокко, господствующего надо всеми путями к южной части атлантического побережья и к Средиземному морю, ни в коем случае не было его единственной или хотя бы главной притягательной силой. Правда, Германия считала Марокко „западной точкой опоры, которая может помочь поднять против Тройственного Согласия весь мусульманский мир [1]), однако, в первую голову она была заинтересована в мароккских железных залежах. Проводя в 1871 г. новую границу с Францией, немцы имели несчастье разрезать огромные железные залежи Лонгви-Брие пополам, так что вся мерт-э мозельская руда оказалась во Франции. Принимая во внимание первый бассейн, в 1909 г. было высчитано, что запасы руды распределяются следующим образом:

Люксембург	300.000.000 тонн.
Германия	1.100.000.000 тонн.
Франция	2.500.000.000 тонн.

Несмотря на то, что у немецких промышленных магнатов имелись акции французских рудников, несмотря на то, что французское железо ввозилось в Германию, немцам все-таки нехватало железа: огромная немецкая металлургическая промышленность все росла и росла. И Германия бросилась на мароккские рудники, так что в Марокко было перенесено соперничество немецких и французских фирм. Роль, которую сыграли в мароккских конфликтах, с одной стороны, Шнейдер, а с другой—братья Маннесман, общеизвестна.

Именно борьба с Германией за минеральные богатства Эльзас Лотарингии и Марокко и была главной причиной лихорадочного перевооружения Франции в течение целого десятилетия, и особенно в последние годы перед войной 1914 г. Именно эта борьба и создала в ней готовность разрешить все спорные вопросы мечом.

---

[1]) Rose, „Development of European Nations since 1870“, Развитие европейских народов с 1870 г., стр. 626.

ГЛАВА V.

Русская экспансия.

Франко-русский союз.

Сближение с Францией, завершившееся в начале 90-х годов заключением союза, представляет собою крайне важный период в истории международных отношений России. Путь к этому союзу был долог и труден. В самом деле, налицо имелось два ряда факторов: первый толкал Россию в объятия Франции, второй ставил ей препятствия на этом пути. Но факторы первого ряда были и значительнее, и постояннее: это—такие серьезные обстоятельства, как сила и прочность Тройственного Союза, агрессивная балканская политика Австрии, поддерживаемой Германией, и все растущий наплыв в Россию французского капитала. Тем не менее, русских реакционеров отпугивали от прямого движения к союзу с Францией такие события, как позорный провал генерала Буланже и знаменитый Панамский скандал 1891—92 гг. К тому же нельзя забывать и о том, что Франция была буржуазной республикой, а Россия—неограниченной монархией. Но все эти факты не могли перевесть мощного давления факторов первого ряда.

Военное соглашение, заключенное в 1891 г., перешло в настоящий союз только после смерти Александра III (1894). Вступление на престол Николая II, далеко не похожего на своего отца, несомненно, очень облегчило этот переход к прямому союзу, ускоренный к тому же и дальневосточными событиями. Союзный договор предусматривал совместную войну в случае нападения на одну из сторон третьей державы; далее было обусловлено, что в случае войны ни одна из сторон не может заключать сепаратного мира. Все это

касалось только европейсиих дел и было явно направлено против Германии и Тройственного Союза.

Укрепление дружеских отношений с Францией не только подняло престиж России в европейских делах, но и придало ей всю ту силу, которую может придать союзник, в то же время являющийся богатым и всегда готовым к услугам кредитором. Оно „укрепило слабую польскую границу России и наполнило деньгами ее казну, что и проявилось в сооружении Сибирской жел. дороги и в продлении железнодорожных линий на Мерв и Ташкент... Именно французские деньги дали России возможность овладеть Манчжурией и временно запугать Японию“ (Rose, „Development of European Nations“, „Развитие европейских наций“, стр. 345—6).

Сверх того, наплыв французского капитала ускорил процесс промышленной революции в России.

Промышленная революция.

Железные дороги сыграли свою революционную роль. В 1885 г. общее протяжение жел.-дор. сети было равно во всей империи 16.155 миль, в 1895—уже 40.500 миль, в 1913—51.000 миль. Сибирская железная дорога, строившаяся целых четырнадцать лет (1891—1905) не только „открыла“ России Сибирь и облегчила русским крестьянам переселение в нее, но и экономически связала главнейшие русские центры с Китаем и Японией. Железные дороги дали русской торговле и промышленности сибирский хлеб, лес и полезные ископаемые (в том числе каменный уголь, железо, медь, серебро и золото), туркестанский хлопок и кавказскую нефть. Южно-русские железные дороги вызвали к жизни каменноугольные и железные копи и совершенно изменили жизнь юга Европейской России.

С 1886 по 1899 гг. русская выплавка железа учетверилась и превысила французскую. Эти сказочные перемены отразились и на других отраслях промышленности. За десятилетие 1887—1897 гг. число рабочих в текстильном производстве повысилось с 40.000 до 643.000, в гончарном—с 67.000 до 143.000, а общее число промышленных рабочих—с 1.318.000 до 2.100.000 человек. Денежная стоимость общей суммы продуктов обрабатывающей промышленности устроилась. (Заметьте, что число рабочих увеличилось на 50% с небольшим,

а количество производимых ими ценностей увеличилось втрое). Благодаря наплыву в города разоренного, пролетаризированного крестьянства, у иностранного, в частности французского, капитала всегда был достаточный запас дешовых рабочих рук.

Вмешательство в китайские дела.

Заключивши союз с Францией, Россия смогла решительно ввязаться в дальневосточные дела. Этот шаг был неизбежным завершением ее великого исторического движения на Восток, через всю Азию к Тихому океану. В это время Япония нанесла Китаю военное поражение, за которым последовал захватнический мир. И вот, Россия, совместно с Францией и Германией, вмешалась в это дело и „посоветовала“ Японии отказаться от своих завоеваний, в частности от Порт-Артура и полуострова Ляо-Тунь. „Совет“ был сформулирован обычным дипломатическим языком. Все делалось в интересах „безопасности Пекина, независимости Китая и вечного мира на Дальнем Востоке“. Степень искренности всех этих фраз выяснилась очень скоро. Но в этой главе нас касается только поведение России.

Она взялась за размещение китайского займа, предназначенного на уплату японцам половины контрибуции. При этом она получила концессию на прокладку железной дороги через китайскую провинцию Манчжурию, и на сооружение боковой ветки на юг от Харбина в Ляо-Тунь с конечным пунктом ве Талиенване. Отсюда видно, что ее „советы“ Японии были не вполне бескорыстны. Правда, по истечении известного срока и при соблюдении известных условий, эта дорога должна была перейти в собственность Китая (ведь Россия только арендовала ее), но пока-что арендатор получил возможность посылать в Манчжурию войска для охраны арендованного имущества. Таково было начало русского хозяйничанья в Манчжурии. Россия заполучила в ней огромные концессии на леса и полезные ископаемые, ввела в провинцию многотысячное войско и вообще распоряжалась в ней, как в завоеванной стране.

5-го марта 1898 г. Германия арендовала у Китая Киао-Чао, что послужило России стимулом для дальнейших действий. Через три недели (27-го марта) она заарендовала на 25 лет сильнейшую крепость Дальнего Востока, Порт-Артур,—тот самый Порт-Артур, который она же, совместно с другими

державами, „отсоветовала“ Японии занимать, так как это грозило „безопасности“ Пекина.

Теперь стало совершенно ясно, что, строя дороги, наводняя провинцию войсками и укрепляя Порт-Артур (драгоценный для нее незамерзающий порт), Россия подготовляла постоянную оккупацию Манчжурии. Казалось, наконец-то осуществлется ее исконная мечта об открытом море. Захватив Корею, Монголию и Манчжурию, она открыла бы себе доступ к Желтому морю и к богатой китайской торговле. В самом конце девяностых городов русские купцы начали обосновываться в манчжурских городах, и казалось, что эта провинция, так же, как и Корея, неминуемо должна подпасть под власть России.

В 1901 г. Россия, воспользовавшись боксерским восстанием, окупировала Ньючанг и установила нечто в роде военного управления Манчжурией. В том же году она открыла для движения Восточно-Китайскую жел. дорогу, и еще больше усилила свое экономическое влияние, учредив Русско-Китайский банк для финансирования рудничных и других предприятий. Несколько позже ею был учрежден вспомогательный банк для сбыта русской нефти и сахару. В пределы Китайской империи не допускался ни один иностранец, а русские купцы странствовали повсюду, русские капиталы бурили шахты, строили мельницы и т. д. Русские торговцы добились в Китае положения наиболее благоприятствуемой при импорте нации: их нефть ввозилась беспошлинно. В результате, сбыт американского керосина в Ньючанге упал с 3.172.000 галлонов (1901) до 603.108 галлонов (1902). В то же время русские захватили и хлебный рынок Китая, до тех пор закупавшего американский хлеб.

Русско-японская война.

При всем том Россия не переставала уверять (не китайцев, конечно, а другие державы, завидовавшие ее манчжурской оккупации или опасавшиеся от нее невыгодных для себя последствий), что она очистит Манчжурию от своих войск „немедленно по установлении порядка“. Однако, нельзя сказать, чтобы такие заверения могли кого-нибудь успокоить: ведь все прекрасно знали, что пребывание в стране оккупационных войск есть надежнейшее средство для поддержания постоянных беспо-

рядков. В конце-концов Япония, интересы которой страдали от всего этого больше, чем чьи-либо, потребовала от России, чтобы та установила точный срок эвакуации. Необходимую для этого шага смелость она почерпнула из своего союза с Англией (1902 г.). Переговоры затянулись на полгода, и пользуясь этим временем, Россия готовилась к войне. В этом случае благоразумие сослужило бы ей лучшую службу, чем храбрость, но здесь были поставлены на карту слишком крупные экономические интересы. Помимо того, что уже известно читателю, дело шло и о лесной торговле в долине Ялу. Тамошние леса были предоставлены русским концессионерам изгнанным корейским императором, когда этот последний пользовался покровительством русского посольства в Сеуле. Концессии эти попали в руки одного русского придворного, по фамилии Безобразова. В 1903 г. была учреждена российская лесоторговческая компания, и большая часть ее акций принадлежала царю, царице и их ближайшим друзьям.

Япония неожидано положила конец дипломатической комедии: она начала войну. Эта война длилась полтора года с февраля 1904 г. по сентябрь 1905) и окончилась полным разгромом России. По Портсмутскому миру, Россия обязывалась признать преобладание в Корее японских интересов (хотя Корея, разумеется, оставалась „независимой“), и Россия и Япония обязывались очистить Манчжурию от войск. Россия передавала Японии свою аренду Порт-Артура и Ляо-Туня, и, кроме того, уступала ей южную половину Сахалина.

Итак, из Манчжурии и Кореи Россию выгнали. Тогда она бросилась на южную дорогу к Желтому морю, на дорогу через Монголию. Захватив Монголию в свои руки, она снова получила бы подступ к Пекину. И вот Монголию стали наводнять русские купцы, а с ними и казаки; к 1913 г. вся ее восточная часть уже оказалась под фактическим протекторатом России, а русские торговцы добились в ней особых привилегий. Но суверенные права Китая все еще признавались.

Англия и Россия.

Война с Японией, империалистический характер которой был вполне понят широкими массами русского населения, была крайне непопулярна с самого начала. Позорный разгром, которым она окончилась,

разумеется, еще усилил это настроение. И в самом деле, война была одним из сильнейших факторов великой революционной борьбы 1905—6 гг. [1]). В конце-концов самодержавию удалось снова восторжествовать над народом, но мощь царизма была восстановлена займом французских и английских банкиров в тот момент, когда победа, казалось, уже окончательно была на стороне либералов. В главе 2-й мы уже говорили о позорной роли, сыгранной в этом торжестве самодержавия британскими финансистами. „Парижские банки, уставшие поддерживать российский хаос, согласились принять участие в мартовском займе 1906 г. только при том условии, что значительная часть облигаций будет приобретена английскими банками".

Между прочим, этот заем еще теснее связал Англию с Францией и окончательно заинтересовал ее в поддержке русского царизма. Вскоре за этим последовало заключение чрезвычайно важного договора между Англией и Россией,—договора, который был заключен под давлением еще одного влиятельного фактора, а именно все более грозного усиления пангерманизма в Турции и Малой Азии.

Соглашение 1907 г. разрешило мирным путем все несогласия между Англией и Россией в Персии, Афганистане и Туркестане.

а) Персия. На протяжении всего XIX века Россия неуклонно двигалась к югу, заставляя Персию, отделявшую ее от Индийского океана, отступать шаг за шагом. С 1896 г. Россия стала влиятельнейшей державой в Персии, особенно в ее северной части. В то же время Англия, одинаково заботясь как об укреплении за собой путей в Индию, так и о своей возрастающей торговле в Южной Персии, напирала на страну с юго-востока. В 1900 году русские финансисты покрыли персам заем в 25 миллионов рублей. Спустя два года Россия добилась в Персии „наиболее благоприятствуемого" положения для своих купцов, а русские капиталисты получили богатые концессии, как, напр., на постройку в северо-западной Персии железных дорог. Соглашение 1907 г. уладило

---

[1]) См. R. W. Postgate, „Revolutions from 1789 to 1906" (Революции с 1789 по 1906 г.), гл. VI.

англо-русское соперничество, разбив страну на три зоны. Северная часть Персии была признана русской, а юго-восточная—английской сферой влияния, третья, нейтральная, зона отделила эти сферы влияния друг от друга и стала как бы буфером. Таким образом, Россия признала особые интересы Англии на Персидском заливе.

После персидской революции 1908 г. Россия ввела в северные провинции свои войска. В 1912—13 гг. персидское правительство заключило у русских и английских финансистов новый заем и тем самым еще крепче подпало под власть иностранцев: в 1913 году оно уже дало капиталистам обеих угнетавших Персию держав новые концессии на железные дороги и рудники. В этом году $^2/_3$ персидской внешней торговли были в руках России, а почти весь остаток приходился на долю англичан.

2) Афганистан и пр. Экспансия России на юг не ограничивалась Персией. В XIX веке она, действуя то силой, то хитростью, захватила весь западный Туркестан, так что англичане начали беспокоиться за Индию. Это беспокойство особенно усилилось в 1895 году, когда Россия заняла прочное положение на Памирском плоскогорье, расположенном между Тибетом и Афганистаном, и фактически господствующим над северо-западными провинциями Индии. По соглашению 1907 г., Россия получила в Афганистане одинаковые торговые права с Англией, но предоставила этой последней решающий голос в делах афганской внешней политики. При этом обе державы обязались не оккупировать страны хотя бы частично.

Азиатские владения России.

Итак, сначала Япония осадила Россию на Дальнем Востоке, а теперь Англия остановила ее напор к Индийскому океану. Тем не менее, приобретения России в Азии были огромны. Они простирались на шесть миллионов квадратных миль. Но их конкретная, фактическая ценность была не так уж велика. В Туркестане обрабатывалось всего 2% территории, посевная площадь Сибири была ничтожна в сравнении с ее огромными нетронутыми пространствами. В 1913 г. вся торговля между Европейской и Азиатской Россией исчислялась всего в 260 миллионов рублей.

Но если в данный момент актуальная ценность Азиатской

России была невелика, то на будущее она обещала безгранично много. Перед войной русские крестьяне переселялись в Сибирь по 20.000 человек в год. Они должны были неизмеримо расширить и поднять сибирское земледелие. Как в Сибири, так в Туркестане был непочатый угол полезных ископаемых. Железные дороги тоже строились: в 1903 г. Забайкальская ж. д. связала Москву и Ленинград с Владивостоком, Порт-Артуром и Пекином. Другая великая магистраль пересекла Туркестан, а ее побочные ветки шли на Афганистан и Син-Кианг (китайский Восточный Туркестан). Были намечены и другие линии, в частности в Персии и Монголии. Трудно преувеличить значение этого железнодорожного строительства. Железные дороги были справедливо названы „нервами торговли и мускулами государства".

Европейские дела. Боснийский кризис 1908 г.

Австрийская аннексия Боснии и Герцеговины (1908) затрогивала больше, чем Россию, только Турцию и Сербию. В 1897 г., сговариваясь относительно совместного контроля над балканскими делами, Россия противопоставила свое „вето" стремлению австрийцев аннектировать. Боснию В 1903 г., во время переговоров относительно Македонии, этот вопрос уже не возобновлялся. Но трудности не были непреодолимы. Сопротивление России австрийским вожделениям было не безусловно. Она только хотела кое-что получить от Австрии в уплату за дружественный нейтралитет, и это „кое-что" было подержкой ее претензии на пересмотр дарданелльской проблемы, и разрешение этой проблемы в желательном для русских интересов духе. Дарданеллы были для России бельмом на глазу; дело в том, что султан имел полную возможность (и он пользовался этой возможностью) не пропускать через проливы военных кораблей. Таким образом, русский черноморский флот оказывался так же прочно запертым в этом море, „как если бы оно было озером" (Brailsford, „Лига Наций", стр. 147—9).

Исход русско-японской войны, а также и внутренние русские неурядицы дали Австрии смелость аннектировать Боснию и Герцеговину, не связывая себя по отношению к России никакими реальными или фиктивными обязательствами; этот захват тесно связал Россию с Сербией. 24-го декабря русский министр иностранных дел Извольский побудил Сербию, Бол-

гарию и Черногорию объединиться для борьбы за свои общие интересы. И Европа, действительно, оказалась перед вполне реальной возможностью войны. Однако, эта война не разыгралась по целому ряду причин. Стояла зима и открывать военные действия было невозможно. Русская армия была расхлябана и неподготовлена. Союзники России предлагали ей только моральную поддержку, а Германия явно готовилась, в случае необходимости, вступиться за Австрию с оружием в руках. Россия и Сербия не могли надеяться устоять против такой страшной силы, как Германия и Австрия.

В марте 1909 г. Россия решила, что Сербии придется покориться своей участи. Германия предложила свое посредничество, и Россия прекратила свою оппозицию действиям Австрии. Мало того: она даже добилась от Сербии торжественного обещания впредь не допускать никаких противоавстрийских выступлениий и агитации. Такое поведение правительства перед лицом германских угроз было оценено русскими панславистами, как самое постыдное унижение. Уступая их требованиям и желая предупредить повторение этого позора, Россия принялась реорганизовывать армию, строить стратегические железные дороги и вообще „готовиться".

Отступление России перед немецкими угрозами выказало слабость Антанты и настроило против русского правительства его союзников. Это настроение еще более усилилось в следующем году, когда Россия вступила в новое соглашение с Германией (Потсдам, ноябрь 1910 г.). Это соглашение касалось как отношений между Россией и Германией вообще, так и прокладки железных дорог, в частности, в Персию. Дальнейшие переговоры (август 1911 г.) дали Германии большие торговые и железнодорожные концессии в Персии и тем самым открыли перед ней путь к новым предприятиям в Малой Азии. Но нельзя не учитывать, что во время этих переговоров Россия была ослаблена голодом.

Балканские войны. В 1912 г. вспыхнула первая балканская война, а за ней немедленно последовала вторая, разбившая надежды южных славян и сильно улучшившая дела Германии и Австрии. После Бухарестского мира Россия и Австрия согласились перевести свои армии на мирное положение. Весьма возможно, что Германия, рассчитывая

на свое могущество, надеялась убедить или принудить Россию оставаться и впредь при миролюбивой политике 1908—1909 гг. Но она просчиталась. К 1914 году Россия оправилась и успела принять участие во всеобщем перевооружении предвоенной Европы. Она приняла необходимые меры, поднявшие численность ее армии мирного времени до 1.760.000 человек. Она провела новую морскую программу, по которой к 1915 г. в Балтийском море должно было быть спущено на воду четыре дредноута, а в 1916—17 гг. еще четыре. В Черном море она шла к полному превосходству надо всеми остальными державами.

До известной степени все эти шаги были вызваны волной перевооружения, прокатившейся в те годы по всей Европе. Но для России гораздо важнее было то, что после балканских войн Германия послала в Турцию особую военную миссию для реорганизации турецкой армии. Это значило, что во всех военных вопросах Турция окончательно связала свою судьбу с центральными державами. Россия резко протестовала против этого: ее очень беспокоило то обстоятельство, что „Константинополь стал не русским, а немецким городом"...

С турецкой властью над проливами еще можно было как-нибудь мириться, но немецкая власть означала полное крушение всех надежд России. Ничто турецкое не вечно, но Германия строила крепко.

Австрия и Германия надеялись, что Россия воевать не станет. Они ошиблись. Через несколько часов после австрийской мобилизации последовала мобилизация в России, и хотя „казалось, что ни одна из держав не ожидает всеобщего конфликта" (Rose, „Развитие европейских народов", стр. 642), но все-таки вскоре пожар охватил почти всю Европу.

ГЛАВА VI.

Итальянская экспансия.

Промышленная революция.

Королевство Италия основано в 1860 г. Венеция присоединена к нему в 1866, а Рим — в 1870 г. Руководящую роль в этом объединении сыграл Пьемонт: недаром же он был экономически наиболее прогрессивной и наиболее высоко развитой частью Аппенинского полуострова. „При Викторе-Эмануиле и графе Кавуре Пьемонт быстро развился в современное государство: он развил свои экономические и военные ресурсы“ (Robinson, „Mediaeval and Modern Times, „Средневековье и современность“).

А когда двадцатилетняя борьба завершилась, наконец, полным объединением, то торговля и промышленность новой Италии получили новый толчок к развитию, в виде покровительственных тарифов и правительственных субсидий. Несмотря на крайне трудные условия, в которых проходилось работать итальянцам, несмотря, в особенности, на нехватку каменного угля и на трудность железнодорожного строительства, эта политика увенчалась полным успехом, особенно за последующие годы.

С 1897 по 1913 г. итоги ввоза и вывоза, не считая драгоценных металлов, возросли с 900 до 2.400 миллионов рублей. Стоимость вывозимой мануфактуры возрастала с колоссальной быстротой. Экспорт шелка (как сырца, так и обработанного) шел в гору бешеными скачками, и Милан занял на мировом шелковом рынке место Лиона. В то же время итальянская хлопчатобумажная промышленность не только вытеснила со своего внутреннего рынка иностранные бумаж-

ные материи, но и нашла себе внешний рынок. Итальянский торговый флот тоже так вырос, что в 1914 г. Италия стояла по своему тоннажу на восьмом месте в мире.

Самым серьезным из затруднений, стоявших перед Италией, был недостаток угля. Если принять во внимание это важное препятствие, то приведенные данные станут для нас особенно значительными. Они говорят об очень быстром и мощном развитии, ускорившем основной процесс, который более или менее сознательно поддерживался с самого 1870 года. Этот процесс очень скоро нашел себе выражение и в эволюции внешней политики, которая стала гордой и заносчивой. „Чтобы быть на высоте своего нового положения, Италии пришлось энергично взяться за усиление армии и флота. Следуя за прочими европейскими государствами, она ввела у себя всеобщую воинскую повинность и принялась строить современные броненосцы“ (Robinson, цит. соч. стр. 62).

В 1875 г. правительство начало постройку фабрики мелкого оружия, которая и была закончена в 1880 г. В 1877—8 г. оно провело новую военно-морскую программу и сдало заказы французским заводчикам. Вхождение в Тройственный Союз отнюдь не избавило ее от расходов на вооружение,—наоборот, в 1884—5 гг. Италия пошла дальше, чем когда-либо; она приняла программу вооружений на 8 лет, общей стоимостью свыше 215 миллионов франков. Значительная часть заказов досталась заводу Армстронга в Поццуоли. В то время между Англией и Италией, несомненно, завязались тесные отношения по этому поводу.

В январе 1880 г. Бисмарк имел полное право заявить: „В настоящее время уже нельзя считать Италию в числе миролюбивых и консервативных государств“. И в самом деле, Италия была увлечена всемогущим потоком агрессивного империализма и уже начинала подыскивать области для экспансии.

Так начали оформляться ее мечты о распространении за Альпы и за Адриатику. В то же время она стала поглядывать и на Северную Африку,—в частности и в особенности, на ближайшую ее часть, Тунис,—как на свою „естественную“ сферу влияния. Географическое положение и исторические традиции призывали ее к гегемонии над Средиземным морем.

Но беда была в том, что Средиземное море было уже захвачено, а Северная Африка уже облюбована другими державами.

Особенно огорчена была Италия французским нашествием на Тунис. Однако, ее протест не оказал на положение вещей никакого действия: ведь все дело было предрешено еще на Берлинском конгрессе. Италия ответила на французские действия союзом с Германией и Австрией, т.-е. Тройственным Союзом (1882). То был военный оборонительный союз сроком на 5 лет. По союзному договору, Италия отказалась от всех своих притязаний на области с итальянским населением, находящиеся под властью Австрии, — а это очень серьезная уступка, так как долина Трентино всегда была путем для северян, вторгавшихся в Италию. Зато она получила полную свободу действий в Средиземном море. Однако, ее новые союзники отказались поддерживать ее средиземноморскую политику, даже в случае нападения на нее той или иной четвертой державы. Этот союз вызвал в стране большое недовольство, и националисты имели возможность еще больше дискредитировать его, указывая на репрессивную политику Австрии по отношению к своим подданным итальянцам.

Тунис и Тройственный Союз.

Когда пятилетний срок договора уже истекал, Россия и Франция вошли с Италией в переговоры, пытаясь отколоть ее от Тройственного Союза. Россия обещала ей помощь в присоединении Триеста и Истрии, а Франция сулила поддержку в Трентино. Но Италия отвергла их предложения и возобновила союз (май 1887 г.). Итальянскому премьеру Криспи, горячему стороннику Тройственного Союза, удалось добиться от Англии обещания поддержки на случай, если какая-либо держава будет серьезно угрожать Италии в Средиземном море. За три года Криспи удалось заручиться на море поддержкой Англии, а на континенте—помощью Германии и терпимостью Австрии.

В дальнейшем он допускал „мирное проникновение“ Германии, видевшей в Италии многообещающий рынок для продуктов своей обрабатывающей промышленности и для помещения капитала. В то же время он деятельно занимался вопросами итальянской экспансии.

Сомалиланд и Абиссиния 1885—1896 гг.

Потерпев неудачу в Тунисе и принявшись за проведение в жизнь своей восьмилетней военной программы, принятой в 1884 г., Италия в 1885 г. начала свою агрессивную политику аннексией Массавы и других пунктов на Красном море. Все эти пункты сами по себе не имели никакой или почти никакой ценности, но они давали подступы к богатому и плодородному плоскогорию Абиссинии, с которой Италия и начала войну, приведшую к ее позорному поражению при Доглай (январь 1887 г.). Но это поражение не уничтожило ее надежд. Пользуясь раздорами мелких туземных вождей и натравливая их друг на друга, она добилась протектората над Сомалиландом, дававшим ей новый путь к Абиссинии. Итальянцы воспользовались этим путем для вмешательства в абиссинские дела после смерти негуса. Водворившись в целом ряде очень важных центров, они с большим успехом поддерживали одного из претендентов на престол, Менелика. И вот в мае 1889 г. в Уччиали был подписан договор, по которому к Италии отошла часть плато, включавшая Асмару. Кроме того, она добилась полупротектората: в соглашение был включен пункт, дававший Италии исключительное право на снабжение Абиссинии оружием и деньгами. Помимо того, в договоре имелась следующая статья:

„Его величество царь царей Эфиопии соглашается пользоваться правительством его величества короля итальянского для ведения всех переговоров о вопросах, касающихся прочих держав и правительств".

По мнению Италии, эта статья давала ей право быть представительницей абиссинских интересов в Европе; по мнению же Менелика, она давала ему право прибегать к содействию Италии, когда ему угодно, но ни в коем случае не налагала на него обязательства всегда поступать именно так. Такое несогласие в толковании очень скоро привело к трениям, при чем Криспи удалось заручиться дружбой ряда триполитанских туземных вождей, что впоследствии сослужило Италии большую службу.

Привлекая Италию в Тройственный Союз, немцы заботились, главным образом, о том, чтобы она не попала в круг влияния французской дипломатии. Это стремление не допу-

скать сближения между Римом и Парижем, разумеется, осталось в силе и тогда, когда немцы нашли для себя в Италии непосредственные экономические выгоды. И соответствующая политика удавалась им на протяжении целого поколения. Нерасположение Франции к Италии еще увеличилось после того, как в 1893 г. наследник итальянского престола посетил немецкие военные маневры, происходившие по близости от Меца, т.-е. в отнятой у французов Лотарингии. Французы ответили на этот визит ликвидацией всех своих итальянских ценных бумаг, всего на сумму около 400 миллионов рублей, что произвело в Италии финансовую панику. После убийства итальянцем французского президента Карно и после осуждения за шпионаж француза, пойманного итальянскими агентами возле пограничных укреплений, отношения обострились еще больше.

Неудовлетворительность европейского положения, внутренние неурядицы, экономическая депрессия,—все это заставило итальянское правительство обратить самое серьезное внимание на восточно-африканские дела.

А между тем, Менелик формально расторг договор с Италией и вступил против нее в союз с туземными вождями. Итальянцы вновь перешли в наступление и одержали ряд побед. Но скоро военное счастье перешло на сторону Абиссинии. Решительный бой был дан в марте 1886 г. при Адове. Он окончился полной победой туземных войск. Все надежды Италии погибли; ей пришлось отказаться от Кассалы, что, между прочим, укрепило решение Англии захватить Судан.

По мирному договору, заключенному 26-го октября 1896 г. в Адис-Абебе, аннулировался Уччиальский договор, признавалась полная независимость Абиссинии, и устанавливались границы между Абиссинией и Эритреей. Италии пришлось уплатить 4 миллиона рублей выкупа за военнопленных.

Поворот к мирной политике.

В Европе Италии тоже пришлось перейти к более мирной политике. А между тем, Германия деятельно завязывала с ней все более тесные экономические связи. Огромную роль сыграл в этом процессе Коммерческий банк (Banca Commerciale). Он был основан в 1895 г. с капиталом всего-навсего в 2 миллиона

рублей. Разумеется, основавшие его немцы были поддержаны своим правительством. Очень скоро этот банк сделался сильнейшим и влиятельнейшим из финансовых учреждений Италии, капитал его возрос до 60, а годовой оборот—до 320 миллионов рублей. Он вел строго-немецкую политику, и до 1915 г. его влияние на экономическую и политическую жизнь страны было очень велико, хотя, конечно, во время войны антигерманские писатели и преувеличивали это влияние.

Нерасчетливое и легкомысленное управление Криспи, стоявшего у власти почти без перерывов с 1887 по 1896 г., привело к падению государственных бумаг, котировавшихся в 1894 г. по 72. Необходимо было перейти к более мирной и экономной политике. Позорный провал абиссинской авантюры решил дело. В 1896 г. был заключен договор с Францией, уладивший мирным путем тяжелый тунисский вопрос. Через месяц наследник итальянского престола сочетался браком с черногорской княжной, что укрепило дружественные отношения Италии с союзницей Франции, Россией. В 1898 г. отношения с Францией были еще улучшены окончанием таможенной войны с нею. Морской праздник, отпразднованный обеими державами через несколько лет, показал, каким серьезным фактором в итало-французских трениях была эта тарифная война.

В 1900 г., во время финансового кризиса в Германии, Италия смогла обратиться к французам за денежной помощью. В том же году состоялось итало-французское соглашение относительно Марокко и Триполи. В следующем году Парижская биржа скупила на 100 миллионов франков итальянского государственного долга, что дало Италии возможность выдержать бурю экономического кризиса, а в 1902 г. было подписано соглашение, по которому обе державы обязались разрешать все недоразумения, могущие возникнуть между ними в будущем, мирным путем.

Отношения с Францией все улучшались, и в 1904 г. итальянская „рента“ была еще раз поддержана парижской биржей. Франция явно хотела заменить Германию в роли итальянского банкира.

Италия и Антанта.

Растущая дружба Италии с Францией ставила под вопрос дееспособность Тройственного Союза. Но окончательный удар был нанесен ей внешним событием—заключением франко-английского соглашения.

От Англии зависело снабжение Италии углем, и „ясно, что раз английское министерство иностранных дел могло контролировать снабжение Италии углем, то оно, до известной степени, могло контролировать и ее внешнюю политику“ (Brailfsord, „Лига Наций“, стр. 290).

А теперь Британия вступила в союз с „наследственным врагом“ Германии и Тройственного Союза. И вот, Италия, зависящая от английского угля и французских денег, начинает все больше и больше поворачиваться к Антанте. Правда, Германия занимала сильные позиции внутри самой Италии, так что выйти из Тройственного Союза эта последняя не могла. Но это привело только к тому, что в XX веке ее политика отличалась нерешительностью и колебаниями, и все-таки еще задолго до 1914 г. было уже совершенно ясно, что в случае войны с Францией немцам на итальянскую помощь рассчитывать не приходится. Так, в 1905—6 гг. Италия явно оказалась на стороне Антанты. Мало того, что страны Согласия снабжали ее необходимейшими вещами,— она, кроме того, всецело зависела от них и в Средиземном море: в случае войны ничто не защитило бы ее берегов от их нападения. И опять-таки, как-раз тогда, когда Англия дала Франции полную свободу действий в Марокко и получила от нее взамен такую же свободу в Египте,—„Италия, в обмен на обещание Франции не вмешиваться в триполитанские дела, обязалась не делать никаких препятствий французской политике в Марокко“ (заявление французского министра иностранных дел Делькассе в 1912 г.).

Вот те обстоятельства и соображения, которые заставили Италию голосовать на Алжезирасской конференции 1906 г. против своей союзницы Германии, „окончательно доказавши, что она не намерена допустить, чтобы Тройственный Союз преградил ей путь к удовлетворению своих интересов в Средиземном море“ (Wallace, „Imperial Italy“, „Империалистическая Италия“, стр. 117).

Тем не менее, в 1907 г. Германии удалось возобновить Тройственный Союз, чтобы обеспечить себе на случай войны если не активную помощь Италии,—об этом не могло быть и речи,—то хоть дружественный нейтралитет.

Австро-итальянские отношения.

Но даже и этот скромный успех ставился под сомнение далеко не дружественными отношениями между Италией и Австрией. Австрия начала укреплять свою итальянскую границу еще с 1904 г. В январе 1908 г. новый австрийский министр иностранных дел фон-Эренталь объявил, что турецкое правительство дало ему концессию на сооружение железной дороги, пересекающей Новобазарский санджак, и на соединение боснийских ж. д. линий с Вардарской дорогой, ведущей из Митровицы в Салоники.

Италия сочла это нарушением условий Тройственного Союза, который в статье VII гарантировал сохранение на Балканах существующего положения. Эренталь нарушил status quo, не спросившись Италии. Она и на самом деле склонялась к плану русского правительства о постройке дороги, которая связала бы Сербию с Адриатическим морем. Хотя берлинские дипломаты и ухитрились уладить ссору между своими союзниками миром, однако, итальянские капиталисты не оставляли мысли о железной дороге и порте, которые соединили бы Дунай с Адриатикой. Это дало бы им возможность импортировать балканские богатства и возродить свою древнюю торговлю сначала с Балканами, а там и с Малой Азией. Со своей стороны, и сербское правительство, желая ослабить то огромное влияние, которое давали Германии и Австрии железные дороги, пересекавшие Сербию только с севера на юг, уже вошло в переговоры с турецким государственным банком.

Пользуясь поддержкой сербского и итальянского правительств, было легко составить компанию для постройки такой дороги. Было внесено предложение продавать акции только сербским, итальянским, французским и русским капиталистам,—заметьте антигерманскую комбинацию! Предполагаемая железная дорога должна была итти по долине Савы до Белграда и оттуда на Триест, Венецию и Милан, или от Ниша через Сараево на далматийское побережье, или, наконец, от Ниша через Призрен и Алессио (Албания).

Ответ Австрии на все это был скор и решителен: то была аннексия Боснии и Герцеговины — смертельный удар всем надеждам на мирное улажение австро-итальянских трений на Балканах. С этого момента подготовка к военному решению вопроса стала одной из главнейших пружин итальянской внешней политики. Тройственный союз продолжал существовать только на бумаге, а на деле Италия помнила о грядущих боях и изо всех сил искала новых союзников. Отсюда и произошло выражение „взаимопроникновение союзов“,— выражение, ставшее характерным для всего международного положения за период между 1908 и 1914 г.

Триполи, 1911—13 гг.

Договор от ноября 1911 года, давший Франции протекторат над Марокко, послужил сигналом к итальянскому наступлению на Триполи. Невзирая на кажущуюся силу Турции, Италия без колебаний решилась вырвать эту область из ее рук. Она надеялась, что Франция поддержит ее согласно соглашению о Марокко и Триполи. К тому же, имелись очень многозначительные признаки, указывавшие, что на Триполи точит зубы и Германия. „В конце лета 1911 г. в Константинополе было отлично известно, что если Италия немедленно же не двинется на Триполи, то ее опередит Германия, добивающаяся концессии на северо-африканский угольный порт. Ей нужно было получить в Средиземном море компенсацию за утерю атлантического порта Агадира“ (Fullerton, „Problems of power“, „Проблемы власти“).

В Триполи уже было учреждено германское консульство, одновременно служившее и местом захода для судов одной из германских пароходных линий. Германия уже экспортировала в Марокко капитал для местных предприятий, и оттоманское правительство весьма сочувственно относилось к ходатайствам немецких финансовых групп, домогавшихся в Триполи коммерческих концессий, которые дали бы им там преобладающее влияние.

Турки пытались уладить дело путем уступок и компромиссов, но Италия не соглашалась на меньшее, чем полное присоединение Триполи. Чтобы добиться этой цели, она начала войну (29-го сентября), которая и окончилась ее полной победой. Она получила по мирному договору суверенные

права над Триполи, Киренаикой и Додеканесом (двенадцатью островами у юго-западного угла М. Азии). Но, к некоторому изумлению итальянского правительства, это наглое и неприкрытое захватничество вызвало резко-критическое отношение во всей Европе, не исключая и Франции с Англией.

Возобновление Тройств. Союза.

Пользуясь охлаждением Италии к странам Согласия, которое было вызвано их резким отношением к ее действиям и методам в Триполи, Германии удалось за восемнадцать месяцев до истечения срока Тройственного Союза добиться его возобновления. Это обозначало и улучшение,—хотя бы временное,—итало-австрийских отношений. Во время триполитанской кампании старинный антагонизм между этими двумя державами оставался во всей своей силе. Несомненно, имелась „опасность, что австрийские милитаристы и клерикалы, с наследником престола во главе, изнасилуют волю Эренталя и проведут неожиданное вторжение австрийских войск в Италию“ (Brailsford, „Война стали и золота“, стр. 14).

Но после возобновления Тройственного Союза Австрия начинает выступать в балканских вопросах совместно и согласно с Италией. Так, они вместе вступились за независимость Албании и потребовали, чтобы Греция отказалась от ее захвата, тем самым остановив движение Сербии к Адриатическому морю и не допустив греческой экспансии.

Азиатская политика Италии и Австрии.

Вслед за визитом, сделанным Германии итальянской королевской четой (Киль, 2-го июля 1913 г.) и за последовавшим там обсуждением итальянских интересов в Малой Азии, мир неожиданно услыхал об „азиатской политике“ Италии. Вскоре за этим последовало известие, что группа итальянских финансистов получила концессию на сооружение железнодорожной линии из Адалии на соединение с Багдадской ж. д. А мы уже знаем, что Италия успела предварительно захватить Додеканес, и в частности остров Родос,—приобретение чрезвычайно важное для ее малоазиатских поползновений.

Но эти успехи грозили сорвать итало-австрийскую дружбу. Чем сильней становилась Италия, тем сильнее становилось в ней стремление к отвоеванию областей с итальянским населением, оставшихся под австрийской властью. Полити-

ка сотрудничества легко осуществима при общности интересов, но когда интересы становятся противоположными, то никакая политика не может предотвратить зависть и вражду.

За десятилетие, непосредственно предшествовавшее мировой войне, для Италии характерно быстрое экономическое развитие. В этом отношении очень важно отметить рост применения в промышленности водяной силы, приводящей в движение электрические машины. В этом отношении Италия уступала только Соединенным Штатам; в 1914 г. ее промышленность располагала 968.000 электрических лошадиных сил, при чем было вычислено, что можно довести дело до 5 миллионов лош. сил. (Первая электрифицированная железная дорога, Флоренция—Фьезоле, была открыта в 1890 г.).

Это экономическое развитие было тем материальным базисом, на котором выросли мечты Италии о возрождении древней мощи и славы Рима, о воссоединении в своих руках всех путей, ведущих из Западной Европы на Ближней Восток.

ГЛАВА VII.

Европа накануне войны 1914 года.

Балканские войны.

В 1912 г. сформировался балканский блок, союз четырех балканских государств: Греции, Сербии, Болгарии и Черногории. Он был в значительной мере обязан своим возникновением России и Греции и первоначально направлялся против Австрии: „По плану кампании союз должен был быть использован сначала против Австрии, а потом против Турции“ (Brailsford, „Лига Наций“, стр. 72).

Но Россия предполагает, а внешние события располагают. Итало-турецкая война дала балканским государствам возможность удовлетворить свои аппетиты за счет Турции,— и в октябре 1912 г. они объявили ей войну. Союзники немедленно одержали большие победы на всех фронтах. Греки устремились на север, во Фракию и Македонию. Болгары, оттеснивши турок к Константинополю, осадили Адрианополь. В то же время сербы и черногорцы успешно продвигались в Албании. Сербские успехи крайне обеспокоили Австрию.

Она испугалась, как бы сербы не укрепились на адриатическом побережье и таким образом не вышли из под ее экономического ига, захватив, к тому же, те земли, на которые она сама точила зубы. И вот, она предъявила Сербии ультиматум: не сметь занимать Дураццо. И хотя этот порт был одной из главнейших целей Сербии в первой балканской войне, ей все-таки пришлось капитулировать.

Действуя таким образом, Австрия убила двух зайцев. У нее у самой имелся кусок адриатического побережья, но это был самый конец узкого, почти со всех сторон окруженного

землей залива, выход из которого в открытое Средиземное море находился в руках враждебных ей держав. Стало-быть, ей требовалось либо распространиться к югу, вдоль Адриатики, либо нажать в восточном направлении, к Эгейскому морю. Пустить в ход второй способ ей мешала сербская территория, пустить в ход первый способ – сербские притязания. А теперь Сербия, войдя в союз с другими государствами,—союз, в общей сложности обладающий огромной военной мощью,—угрожала Албании и двигалась к морю.

Тем самым она не только выхватывала у Австрии ее добычу (ведь австрийцы тоже хотели аннектировать Албанию), но и сама ускользала из-под австрийского экономического ига. Пока у нее не было выхода к морю, Австрия оставалась ее единственным рынком, и, при помощи хорошо приспособленной системы таможенных тарифов, оказывала сильнейшее влияние на ее политику. Так, „известно, что Австрия согласилась заключить таможенный договор только при том условии, чтобы Сербия впредь заказывала пушки исключительно на австрийских заводах в Скоде“ (Brailsford, „Война стали и золота“, стр. 58). И Сербии пришлось уступить.

После перемирия, не приведшего ни к каким результатам, туркам пришлось заключить мир. Но этот мир был больше иллюзорным, чем реальным: интересы победителей расходились самым резким образом. Согласно мирному договору, Турции пришлось удовольствоваться азиатскими владениями, оставивши за собой в Европе только Константинополь да кусочек береговой полосы. Греция получила Салоники и Кавалу; Болгарии достались Адрианополь и Дедеагач, но Монастырь, обещанный ей тайным договором от февраля 1912 г., отошел к Сербии. Албания была объявлена автономным королевством под покровительством великих держав.

Новая война была вызвана тем, что Монастырь попал в руки Сербии.

Не прошло и двух месяцев со дня заключения мира, как Болгария внезапно напала на Сербию. Но в тылу у нее оказались неожиданные враги: ей объявили войну Румыния и Турция. Борьба была коротка и жестока. Она продолжалась всего один месяц и окончилась Бухарестским миром.

По мирному договору, к Румынии отошли Силистрия и Добруджа, Сербия удержала за собой Монастырь, а Греция — Каваллу. Турция получила обратно Адрианополь. „На самом деле мирные переговоры являлись дипломатической дуэлью между Австрией и Россией, первым столкновением между двумя могучими движениями, — немецким „Drang nach Osten" („натиском на Восток") и панславизмом. Австро-Венгрия победила. Установленные мирным договором границы были триумфом ее дипломатии. Военные победы не дали Сербии моря, — она осталась запертой, как в тюрьме (C. B. Thomson, „Самоубийство старой Европы", стр. 63).

Фактические результаты.

В ходе этой военной и дипломатической борьбы все больше выяснялся истинный характер балканского вопроса. В 1912 г. Россия думала разбить Австрию, действуя через балканский блок. Та же самая борьба России и Австрии, панславизма и пангерманизма, проходит красной нитью и через все переговоры Бухарестской конференции. На карту было поставлено не больше и не меньше, как господство над Востоком, — и борющиеся стороны прекрасно понимали это. Колоссальная важность ставки, непрерывно растущая острота положения, — все это обнаружилось в ходе событий июля — августа 1914 г.

Как только Австрия вручила Сербии свой роковой ультиматум (23-го июля), Россия снова немедленно выступила против австрийцев, и результаты вылились в неотвратимую форму австро-русской войны.

В чем же состояла позиция и политика России? Выступая в роли друга балканских государств, она подстрекала их к разгрому Австрии и изгнанию турок из Европы. Как то, так и другое было очень важно и нужно для ее собственной внешней политики. Но единство балканских государств было нужно ей только для этих целей и только до момента их достижения. России было необходимо поддерживать на Балканах племенные разногласия и раздоры, чтобы балканский союз не стал постоянным и, следовательно, более сильным, чем того требовали российские планы, в первую голову — план овладения Константинополем. Объединенные народы Балканского полуострова могли бы и сами заявить претензию на этот город, и тогда они стали бы для России

страшнее всяких турок. Но, конечно, объединение полуострова реальной опасностью не было, и при ловкой дипломатии желания России могли бы осуществиться.

С другой стороны, рост германского влияния в Турции явился жестоким ударом для всех русских вожделений на Балканах, и России было совершенно необходимо немедленно создать почву для раздора между Австрией и Сербией. И Россия, и Австрия обе ощущали этот раздор, как свою собственную борьбу: „Действия Австрии были фактически направлены против России. Австрия стремилась нарушить на Балканах status quo и установить свою гегемонию". (М. Сазонов, „British Diplomatic Correspondence", „Британская дипломатическая корреспонденция", № 17). С другой стороны, в германской „Белой книге" мы читаем следующие слова: „Если сербы, пользуясь поддержкой России и Франции, будут и впередь угрожать существованию Австро-Венгрии, то в результате наступит постепенне ослабление Австрии и объединение всех славян под единой властью России, что сделает положение тевтонской расы в Средней Европе невыносимым".

Германия вступает бой.

И вот Германия вступает в бой, увлекает всю Среднюю Европу и делает неизбежным боевое выступление Франции. Чтобы понять поведение и политику Германии, мы должны вернуться к ее пангерманским устремлениям. 1914 год дал им вполне определенную форму и выказал все их значение. Пангерманизм „стремился объединить все народы германского племени в своего рода политический союз. Эта программа грозила поглотить Голландию, Бельгию, большую часть Швейцарии, прибалтийские губернии России, западный сектор габсбургских владений и, быть-может, скандинавские страны. Созданное таким образом государство (или федерация государств) охватило бы область от Остенде до Ревеля и от Амстердама или Бергена до Триеста". (Rose, „Развитие европейских государств", стр. 593).

Чтобы правильно понять все это, необходимо учесть не только экономические и политические действия Германии на Ближнем Востоке, но и ее географическое положение. Немецкое побережье Северного моря совершенно ничтожно по сра-

нению с обширной и экономически мощной Германией. При этом величайшая из рек Германии, Рейн, впадает в море за границей: Голландия обязана всем своим значением огромной массе германского населения и германской индустрии, стоящим у нее за спиной, и Германия привыкла смотреть на нее, как на свою „естественную сферу влияния", подлежащую поглощению при первом же удобном случае. Но пока Англия остается владычицей морей, пока она в любую минуту может запереть Немецкое море в Дуврском проливе и узком проходе между Шотландией и Скандинавским полуостровом, — поглощения Голандии недостаточно. Так рассуждали пангерманисты. Вывод из этого рассуждения был тот, что необходимо поглотить и Скандинавию.

Берлин—Багдад.

В III главе мы уже познакомились с успехами Германии в Турции. Но для закрепления этих успехов необходима была такая ближневосточная политика, которая создала бы целиком германскую и только германскую дорогу в Турцию и через Турцию. Эта дорога должна была пройти по Сербии и Болгарии, и Бухарестский мир являлся одним из важнейших этапов развития пангерманистской политики. В это время Австрия экономически и политически уже была младшим товарищем Германии, ее „спутником"; Сербия зависела от Австрии, хотя это и было ей не по нутру, Болгария же была вовлечена в сферу германского влияния ценой обещания поддержки против Турции. Таковы были сложные факторы средне-европейской политики.

А между тем, Россия желала для Балканского полуострова совсем другого будущего. При этом она получала от своих западных союзников денежную помощь и деятельно вооружалась. Англия тоже следила за пангерманской угрозой с большим беспокойством. Разгром болгарских войск Сербией ускорил военные приготовления и дал новый могучий толчок сербским националистическим устремлениям. А постоянный антагонизм между Италией и Австрией расшатывал Тройственный Союз, усиливая тем самым Тройственное Согласие.

Германия занимала сильные позиции, но ей грозила опасность подкопа. Надо было бить, бить немедленно и сильно. И потому первая же искра создала страшный взрыв, от кото-

рого вспыхнули бурным пожаром все горы горючих материалов, накопленных за предшествовавшие годы и десятилетия.

Франция вступает в войну.

Война началась с Балкан далеко не случайно. Балканские государства были гвоздем и центром всех международных трений, потому что географически они занимали господствующее положение как над путями германского стремления к Востоку, так и над путями враждебного ему русского напора на Константинополь. Но война ни в коем случае не могла ограничиться Балканами или теми государствами, политика которых уже освещена нами в этой главе.

Первой после них выступила на поле битвы Франция.

Восточный вопрос не имел для нее существенного значения. Для нее все дело было в отобранных у нее немцами Эльзасе и Лотарингии, она вступила в войну из-за их подземных богатств. В 1871 г. германская аннексия разрезала эти богатства пополам, разделила их между Германией и Францией. Разумеется, немцы не постеснялись бы взять и все, но дело в том, что залежи, оставшиеся за Францией, были найдены позже. Позже были открыты и новые технические приемы, очень важные в этой связи. Таков „конверторный" метод Томаса, открытый в 1880 г. и давший возможность обработки фосфорных руд, известных в Лотарингии под названием „минет"; открытие глубоких слоев в округе Брие дало добыче новый толчок (Newbold, „Capitalism and the War", „Капитализм и война", стр. 29).

В то же время французские короли угля и железа точили зубы и на долину Саары, в которой Германия обладала громадными запасами угля. Французской промышленности приходилось ввозить этот уголь и, таким образом, становиться в экономическую зависимость от немцев. Немудрено, что она требовала „исправления границ" и считала Рейн „естественной" франко-германской границей.

Итак, Франция вошла в войну по вполне серьезным причинам. Действие этих причин еще усиливалось марокканским конфликтом с Германией, в котором железные залежи тоже были очень важным и даже прямо самым главным фактором.

Бельгия и ее нейтралитет.

Франция увлекла за собою и Бельгию. Как осмелилась эта крошечная страна противиться колоссальной германской мощи? Ведь ее нейтралитет был гарантирован великими державами, и этого, казалось бы, было достаточно, чтобы дать ей возможность избегнуть ужасной участи, — разгрома и оккупации силами могущественного и безжалостного врага.

Но на самом деле нейтралитет Бельгии еще задолго до 1914 г. был уже нарушен,—нарушен ею самой и ее союзниками. Вопреки своей „нейтральности“ она связала с ними свою судьбу. В 1909 г. в военных „совещаниях“ между английскими и французскими экспертами приняли участие и представители Бельгии. Тогда-то и был разработан полный план войны. А в 1915 году лорд Хелдэн заявил: „Неприятель должен был столкнуться, во-первых, с британскими войсками, командующий которыми, как мне лично известно по моим интимным дружеским отношениям, уже изучил все возможности именно этой кампании за пять или более лет до того“.

Англия вступает в войну.

Тем не менее, нарушение Германией бельгийского нейтралитета долго выдавалось за основную причину, заставившую Англию принять участие в войне. Но, хотя эта „причина“ и пригодилась для тех людей, которые не привыкли думать сами, а удовлетворяются тем, что за них думают другие, однако, более сознательные элементы быстро оценили всю его серьезность.

Настоящей причиной было сказочно-быстрое усиление Германии, грозившей пошатнуть положение Англии в торгово-промышленном мире, все прочнее влиявшей на европейскую политику и на ближневосточные дела, угрожавшей добраться даже до Индии и всей Азии.

Очень возможно, что Германия не предвидела вступления Англии в войну. В самом деле, перед самым началом войны англо-германские отношения значительно улучшились благодаря ряду соглашений относительно Малой Азии, португальских колоний и т. д. Мало того: палата общин четыре раза (дважды в 1913 г. и дважды в 1914 г., в последней раз 11-го июня) определенно и торжественно заявила, что Англия отнюдь не связана ни с одной из европейских держав такими обязатель-

ствами, которые могли бы втянуть ее в континентальную войну [1]).

Но если бы Англия и определила свою позицию твердо и откровенно, то даже в лучшем случае это могло бы только оттянуть неизбежную катастрофу. Правда, и в Англии, и в Германии наблюдалось довольно серьезное антивоенное настроение, но оно не концентрировалось, а распылялось, оно было сравнительно слабо выражено и неподготовлено, оно проявлялось чаще в порядке личном, чем в порядке организованном,—словом, оно, как-раз обратно настроению милитаристическому, было скорее пассивным, чем активным. Да иначе и быть не могло, потому что движущие силы Европы, т.-е. ее глубокое и революционное экономическое развитие, неизбежно ставило Германию и Англию в положение непримиримых соперников и врагов, неизбежно создавало условия, толкавшие их к войне.

О том, как были вовлечены в войну другие страны, мы будем говорить ниже. Интернациональный характер капитализма выражается не только в том, что его триумфы распространяются на весь мир, но и в том, что вслед за победной колесницей этих триумфов по всему миру расходятся и капиталистические ужасы, что все страны, видящие в своих пределах эту колесницу, запутываются в нерасторжимых сетях империалистических союзов. Так было и здесь: огонь, вспыхнувший от бомбы, убившей австрийского принца, охватил весь мир.

Психологическая сторона дела.

Но нам не надо забывать и о другой стороне предвоенного положения дел—о тех взглядах и мнениях народных масс, которые сделали из этих масс годное для войны пушечное мясо. Кто-то

---

1) „Разве не ясно, что выступление Англии было полнейшей неожиданностью и страшным ударом для германского правительства, совершенно не подготовленного к этому выступлению, при чем некоторые из его членов,—приведу в пример хотя бы адмирала Тирпица,—видели, что эта война, в которую Германия уже ввязалась и прекратить которую было не в ее власти, не сможет осуществить немецкие надежды. Если бы мы не таились, если бы наши обязательства были определенны и известны, то во всяком случае возможно, а по-моему, и весьма вероятно, что в 1914 году можно было бы избежать войны". Слова Аустина Чемберлена в Палате Общин 8-го февраля 1922 г.).

сказал, что все правительства борются за материальные интересы, но что побуждения народов всегда глубоко идеалистичны. Эти слова верны, по крайней мере в своей первой части. Мы уже рассмотрели интересы, руководившие в тот момент, когда разразилась война, правительствами и капиталистическими слоями, на которые эти правительства опирались. Обратимся же и к тем мыслям, которые вкладывались в головы масс.

В период подготовки к войне основным мотивом этих мыслей и настроений была самоуверенность и расовый эгоизм. Рост промышленности, распространение торговли, количественное разбухание государственных сил,—все это казалось вернейшим залогом будущей национальной мощи и величия.

Если страна невелика по размерам или страдает от недостатка тех или иных необходимых природных богатств, то в ней развивается стремление к территориальным приобретениям. Молодая, развивающаяся нация чувствует себя физически и умственно сильнее, морально и „духовно“ выше окружающих государств, более старых и потому менее стремительных в своем развитии,—и презирает их. Если ее стремления к распространению не удовлетворяются, если ограниченность ее территории или недостаток природных богатств ставят пределы этим стремлениям, то ее отношение к другим народам начинает меняться. Покоятся ли они на лаврах своих старых побед или начинают проявлять глухое, подозрительное беспокойство по поводу усиления молодой страны, грозящего их безопасности,—все равно эта молодая страна считает их сознательными и злостными врагами своего роста. Она ставит себе задачей выйти за свои пределы; она твердо решается стать силой среди великих держав. При помощи всевозможных воспитательных и образовательных уловок, всему народу внушается непримиримая ненависть к соседям, которые могли бы воспротивиться этим стремлениям, предподносимым народным массам под идеалистическими покровами, а насущность и растущая неотложность экономических потребностей придает им некоторый оттенок правомерности и справедливости.

Так обстоит дело с отношением к большим и сильным государствам. Что же и говорить о мелких и слабых? На них смотрят с еще большим презрением, а когда у мелкой

национальности имеется какая-нибудь привлекательная собственность то это презрение немедленно переходит в жадность. На сцену выступает символ веры всех великих держав, гласящий, что провиденциальное назначение мелких национальностей в том, чтобы быть использованными чужой великодержавностью; они остаются „свободными и независимыми“ лишь до тех пор, пока не настал подходящий момент для их поглощения.

Но для народных масс даже это захватничество прикрывается идеалистической фразеологией. Захватчики говорят о „распространении благодеяний цивилизации“, о „сохранении (или восстановлении) законности и порядка“, и прочее. Некоторые идут еще дальше и смотрят (или говорят, что смотрят) на все это, как на тяжелый долг перед родом человеческим вообще, как на великое дело цивилизирования всего мира, в награду за которое не приходится ждать ничего, кроме злобных проклятий и черной неблагодарности. Проблемы и трудности империалистической экспансии и эксплоатации становятся „крестом белого человека“. Поистине, это уже предел самообожания. Но что может быть приятнее самообожания, особенно, если оно хорошо оплачивается!

Но говоря и думая о народных массах, надо помнить, что они находятся на поводу у тех, кто воспитывает их, кто снабжает их и сведениями, и точками зрения. Если родина выставляется страной славных надежд, оплотом свободы, прибежищем гонимых, благословенной областью, где „царствует бесподобная красота, а тысячи мужественных сердец готовы защищать ее“, то может ли народ расти без веры в свою избранность, в свою особую и богоданную миссию? Когда же при выполнении этой миссии нельзя обойтись без войны, то кого винить в непонимании замыслов провидения? Кого, если не врага? А так как империалистическое развитие создает такое настроение во всех решительно державах, то отсюда и получаются войны со всеми их последствиями.

ГЛАВА VIII.

Империализм во время войны.

В этой главе мы постараемся проследить империалистическую деятельность объединенных в боевые союзы держав, поскольку она проявилась за время войны. Первая и основная часть главы посвящена тайным договорам, заключавшимся между разными правительствами и обнаруживающим истинные цели войны. Вторая часть коротко ознакомит нас с обвинительным актом, представленным капитализму разоблачениями относительно округа Брие. Третья же осветит те способы, при помощи которых народ поддерживался в состоянии военного угара до тех пор, пока истинные цели войны не оказались достигнутыми.

Часть I. Тайные договоры.

Раздел Персии март 1915 г.

Все помнят, сколько говорилось во время войны о правах малых народностей. И вот, была такая малая народность, чья судьба особенно глубоко интересовала Англию и ее тогдашнюю „верную и любезную“ союзницу Россию. Мы говорим о Персии. В англо-русском договоре 1907 г. оказались некоторые упущения, в результате которых та свобода и независимость, тот мир и благосостояние Персии, к которым так страстно стремились доблестные союзники, оказались недостаточно обеспеченными. Но когда же и было исправить эти упущения, если не во время великой войны, начатой, как заявил 10-го ноября 1914 года г. Ллойд-Джордж, „из чисто-рыцарских побуждений, для защиты слабых“? Итак, 20-го марта 1915 г.

российское правительство согласилось на включение в английскую сферу влияния той области, которая до того считалась нейтральной зоной, т.-е. центральной Персии. Зато области, окружающие „центры русского влияния", Исфагань и Езд, были обеспечены за Россией, при чем эта последняя объявила, что вопрос о железнодорожном строительстве в средней зоне есть вопрос „серьезнейшего значения" и требует „дальнейшего дружеского обсуждения". Само собой разумеется, что об участи Персии в этом „дружеском обсуждении" вопрос и не поднимался; но так как обе договоривавшихся державы были столь единодушны и пламенны в своем стремлении к защите прав малых народностей, то в этом никакой надобности и не было. Все, чего требовала для себя Россия,—это чтобы за ней „признавалась в отведенной ей сфере влияния полная свобода действий, связанная, в частности, с правом преимущественного развития в этой сфере своей финансовой и экономической политики".

Со своей стороны, и Россия признала за Англией столь же непоколебимые права в ее, английской, сфере влияния. Так были обеспечены права персидской народности.

Россия и Константинополь, март 1915 г.

Еще до того, как Персия добралась вышеуказанным образом до благополучного конца всех своих бедствий, Россия выказала чисто-материнскую заботливость и о Константинополе с проливами, которые она тоже хотела самоотверженно взять под свое крылышко. Ее западные союзники согласились на это с тем, чтобы проливы и порт были открыты для всех товаров и торговых судов. Наконец-то, исконная, вековая мечта России о Константинополе-Царьграде, о древнем центре мировой империи, о „престоле вселенского патриарха православной церкви" казалась близкой к осуществлению. Русские народные массы воодушевлялись именно религиозным, православным значением Константинополя, но их правители уже давно перевели поэзию религиозных устремлений на прозу экономических и стратегических нужд и интересов. Именно эти нужды и интересы и заставляли предвоенную Россию расширять бюджет военного министерства, увеличивать мирный состав армии, строить стратегические дороги. Германия поддерживала Австрию на Балканах, Германия проводила свое

влияние в Турции, и потому она стала для России настоящим врагом. Еще в июне 1914 г. один из знаменитейших русских ученых, профессор Митрофанов, заявил: „путь к Константинополю идет через Берлин“ (Brailsford, „Лига Наций“, стр. 145).

Италия вступает в войну.

Пока союзники устраивали все эти дела, Италия окончательно решила, которая из воюющих сторон права и которая виновата. Решить этот тонкий вопрос было очень нелегко. Правда, Италия уже больше трех десятилетий состояла членом Тройственного Союза, но, с другой стороны, ей давно уже казалось, что поведение Австрии на Балканах было очень далеко от того беспристрастия, от того альтруизма, которого требовала Италия от своих союзников в этой области. Тем не менее, пока она окончательно решилась порвать со старыми союзниками и связать свою судьбу с Антантой, прошло много месяцев. Но когда решение было, наконец, принято, оно сразу оказалось самым лучшим, естественным и благородным. Кому же должны были подать руку потомки Гарибальди и Мадзини, с кем было им биться бок-о-бок, как не с потомками Кромвеля и героев Великой Французской Революции? Правда, при этом они оказались в одном стане с царем и царскими казаками, но разве не ясно было даже слепому, что в России происходило духовное перерождение? Что могло быть в апреле 1915 г. демократичнее русского правительства?

И Италия решилась „всеми средствами, находящимися в ее распоряжении, вести войну в тесном единении с Францией, Великобританией и Россией“. Конечно, добродетель не нуждается в наградах, она сама и есть награда добродетельных, но все-таки тот, кто помогает провидению или природе, поступает правильно. Потому и Италия укрепила свою веру в добродетельность своего решения, заключив с державами согласия соответствующий договор. В этом договоре было сказано, что ей причитается получить Трентино, Истрию, Далмацию, Валонский залив и целый ряд прибрежных островов. Сверх того, та часть побережья и те острова, которые не отходили к Италии, объявлялись нейтральной зоной. Таким образом, Итальянское королевство должно было стать полным и единственным хозяином Адриатики. Сверх того, по дого-

вору ей полагалось укрепление прав на Додеканес и восточную часть Средиземного моря, а также и доля в разделе (или размежевании на „сферы влияния“) турецкого государства. Она должна была получить от Турции Ливию (Сев. Африка). Ей была назначена соответственная доля в контрибуции, которую союзники собирались наложить на врага. Ей было обеспечено полное невмешательство со стороны Ватикана. В договоре было оговорено, что все это „должно сохраняться в тайне“.

Небезынтересно отметить, что первая подпись, стоящая под этим договором,—это подпись опоры либерализма и энтузиаста Лиги Наций, сэра Эдуарда Грея. Но далее, 18-го января 1918 г., этот договор с Италией, помеченный 26-м апреля 1915 г., был опубликован на всю Англию на страницах „Manchester Guardian“.

Он был опубликован одним из последних. В тот же самый день должно было состояться выступление г. Ллойд-Джорджа на съезде трэд-юнионов. И г. Ллойд-Джордж выступил и сказал такие слова:

„Британская империя находит свои цели в великих замыслях провидения божия на земле, она находит их в этой великой войне за установление во всем мире свободы и права“!

О, невиннейший съезд трэд-юнионов! О, счастливый мистер Ллойд-Джордж!

Раздел Азиатской Турции, 1916 г.

По этому договору, России причиталось получить ряд провинций на юго-восточном побережье Черного моря. Франции было отведено сирийское побережье и части Алеппо и Анатолии, лежащие между Аданой и областью русской аннексии. Англии же предназначалась южная Месопотамия и сирийские порты Яффа и Акка.

Главной ценностью в этом поделенном имуществе была нефть, находящаяся к северо-востоку от Басры (эта нефть досталось Англии) и в Моссуле (эта досталась Франции).

Китай, 1916 г.

Теперь обратимся к Дальнему Востоку. Но,—заметим кстати,—какое великое и чудесное дело война! Как она объединяет все классы и все народы (союзные, конечно)! На время войны классовая война

прекратилась и уступила место самому умилительному единодушию и согласию. Каждая из воюющих стран объединила, сплотила все свои силы и посвятила их единой цели— войне до победного конца. В час грозной внешней опасности были забыты все внутренние распри. И не только внутренние: в этом новом крестовом походе, в этой священной войне за демократию и справедливость, в этом последнем бою с союзом исчадий адского мрака объединились народы всех рас, всех цветов, племен и вер. Народы, каких-нибудь несколько лет назад казавшиеся непримиримыми врагами, ныне плечом к плечу выступили на борьбу за человеческую и божескую справедливость.

В частности и особенности это относится к России и Японии. Всего за десять лет до того эти государства вели между собою борьбу не на живот, а на смерть, одну из самых жестоких войн, какие только знает история. Теперь же они вошли в нерасторжимый союз свободы и демократии, ибо обе они, эти братские державы, вступили в смертельный бой со всеми защитниками политического деспотизма и военного коварства.

Особенно заботились эти доблестные друзья о безопасности Китая, и в этой общей любви к Китаю они усматривали самый верный залог своей несокрушимой дружбы. Но кто-то сказал, что ничего нет на свете эгоистичнее любви: и в самом деле, любящие слишком часто бывают ревнивы. Так было и с Россией и Японией: любя Китай, они неустанно терзались ревностью. Они и слышать не хотели о том, чтобы к китайской красавице подъехал какой-нибудь третий воздыхатель; они поклялись друг-другу ни в коем случае не допускать этого. В это время они воевали с немцами, и все-таки они были готовы скорее вступить в новую войну, чем потерпеть, чтобы какая бы то ни было третья держава стала делать Китаю авансы и соперничать с ними в страсти нежной. 3-го июня 1916 г. они заключили соответствующий договор, сроком по 14-е июля 1921 г. Он был подписан Сазоновым и японским послом в России Мотоно. Нам не приходится удивляться, читая статью 6-ю этого договора, гласящую:

„Настоящее соглашение должно храниться в полнейшей тайне от всех, за исключением высоких договаривающихся сторон".

Что же может быть естественней? Разве любовные письма пишутся для посторонних?

Румыния вступает в войну.

А в это время на Ближнем Востоке дело шло к союзу с Румынией. Румыния была такой огромной житницей, таким резервуаром нефти, что немцы уже давно делали ей смелые предложения, обещая помочь прикарманить Бессарабию. Но и союзники тоже имели основания соблазнять Румынию.

„Даже официальные представители держав Согласия принимали участие в обмане. В апреле 1915 г. французский военный атташе заявил со всей авторитетностью, соответствующей его положению и его знакомству с данными секретной информации, что так как у Германии истощились запасы меди, то она сможет продолжать войну не более двух месяцев. Это сенсационное сообщение должно было убедить Румынию, что ей надо немедленно вступить в войну и, пока не поздно, наложить руки на Трансильванию“ (Thomson, „Самоубийство старой Европы“, стр. 101—2).

Было совершенно ясно, что когда Румыния, наконец, решится на выступление, то она потребует за это доли в добыче.

„Румыния требовала от держав Согласия, чтобы в случае их победы ей была отдана Трансильвания, а также Буковина и Банат“ (Thomson, цит. соч., стр. 107).

16-го августа 1917 г. Антанта приняла эти условия. Таким образом, новая победа антантовской дипломатии еще раз доказала, что добродетель не остается без награды.

Германские границы, март 1917 г.

В инструкциях русскому посланнику в Париже от 9-го марта 1916 г. российский министр иностранных дел Сазонов подтверждает готовность России продолжать войну до тех пор, пока ее союзники не смогут заставить Германию согласиться на такую западную границу, какая будет угодна им, союзникам. Зато он требует, чтобы и союзники, в свою очередь, оказали России точно такую же помощь в вопросе о восточной границе Германии. Примечателен следующий абзац:

„Необходимо особенно настаивать на невключении польского вопроса в число предметов международного обсуждения и на недопущении никаких попыток поставить будущее Польши под опеку и покровительство держав“.

Ясно, что Россия считала себя способной определить будущность Польши единолично, без чьей-либо помощи.

Как сообщает русский посол в Париже, 11 марта 1917 г. эти условия были окончательно приняты Францией. А между тем, Париж полностью сформировал свой проект „исправления границ". По этому проекту Эльзас и Лотарингия целиком отходили к Франции, при чем границу следовало провести таким образом, чтобы отнять у немцев „все железные залежи Лотарингии и весь каменноугольный бассейн долины Саары". Область между новой границей и Рейном проект предполагал отрезать от Германии, объявить особым самоуправляющимся нейтральным государством и оккупировать французскими войсками впредь до окончательного выполнения мирного договора. Россия уже обязалась (14-го февраля) поддержать Францию в проведении этого плана в жизнь.

Часть II. Разоблачения относительно округа Брие.

В этой части мы изложим один из разительнейших примеров решающего влияния экономических интересов на всю политику, не исключая и стратегии в военное время.

В серии замечательных статей американского писателя Стрейта (C.K. Streit), опубликованных Foreign Office с августа 1920 г. по февраль 1921 г., имеется обстоятельное сообщение о необычайно интересной истории Брие.

Брие—один из округов французской Лотарингии, расположенный между Верденом и Мецом. В нем находятся величайшие железные залежи довоенной Франции. В 1913 г. бассейн Брие дал не меньше 70% всей французской добычи железа. Как только началась война, „германцы немедленно заняли Брие, при чем не встретили никакого сопротивления, и держали его в своих руках вплоть до конца войны. Положение немцев в Брие было поставлено под угрозу только в 1918 г., в последний месяц войны, когда в этом направлении стали наступать американцы".

За время войны немцы добыли из рудников Брие 14.000.000 тонн железа. Без этого железа они не смогли бы продолжать войну, так как от Швеции и Испании, до того снабжавших их металлическим сырьем, они были отрезаны. Немудрено, что в декабре 1916 г., обсуждая цели Германии в войне,

„Кельнская Газета“ говорила: „Ничтожный клочок территории, называемый Брие, совершенно необходим для нашей экономической и военной независимости, особенно в военное время. Мы нуждаемся в Брие, чтобы быть обеспеченными необходимым сырьем, а потому наше право и наш долг—требовать этого округа при мирных переговорах“.

И в самом деле, вполне доказано, что без Брие и его руды германские военные заводы не могли бы работать. Если бы у немцев отняли Брие, то они смогли бы продолжать войну не долее 6 месяцев. Стрейт доказывает, что и французский, и американский генеральный штаб, оба прекрасно понимали все значение этого рудного бассейна. Тем не менее, „этот важнейший сектор фронта был обречен на полную пассивность и спокойствие“.

Почему?

Почему эта область оставлялась в руках врага, раз ее утеря причиняла Франции и ее союзникам страшный ущерб, такой ущерб, значение которого трудно преувеличить? Нечего и говорить, что немцы защищали бы ее до последнего, но все-таки неприступна она не была. Зная, что нападение—лучшая защита, немцы долго и упорно осаждали Верден, осаждали только для того, чтобы обеспечить за собою Брие. „По словам Гинденбурга, Верден осаждался в целях предупреждения наступления французов на Ахиллесову пяту германского фронта, на бассейн Брие, находящийся всего в 20 милях к востоку от крепости“.

А вот что говорит германское официальное сообщение от 17-го октября 1916 г.:

„В случае наступления союзников Верден помог бы им отобрать занятый нами и драгоценный для нас округ Брие; он угрожал бы и крепости Мец, взятие которой дало бы им возможность захватить промышленные и рудничные районы германской Лотарингии, т.-е. важнейшие центры нашей военной промышленности“.

Все это ясно доказывает, что район Брие имел колоссальнейшее значение, что энергичное наступление на него решило бы участь Германии. Но союзники не предпринимали этого наступления. Почему?—спросим мы еще раз.

Стрейт доказывает, что ответом на это служит совпадение в этом районе интересов германских и французских капиталистов. Достаточно привести один пример—историю знаменитого семейства де-Вандель. Этому семейству принадлежит около 22.500 акров рудоносной земли, при чем через их имение проходила довоенная франко-германская граница, так что одна часть его находилась в Германии, а другая—во Франции. Эти части соединены друг с другом подземным туннелем.

Семейство считается французским, и один из его членов, председатель комитета железоделателей (Comité des Forges, крупнейшего объединения французских железо- и сталепромышленников), по имени Франсуа де-Вандель, был во время войны членом французского парламента от департамента Мерт-э-Мозель. Его брат Шарль перешел в германское подданство и тоже стал членом парламента, т.-е. германского рейхстага. Когда же началась война, этот Шарль перешел обратно в французы, репатриировался и предложил свои услуги французскому военному министерству—для того, разумеется, чтобы всеми силами служить родине („где железо, там и родина") путем удерживания высшего командования от нажима на занятый германцами рудный бассейн.

Еще один член почтенного семейства, по имени Гумберт, действовал в Лондоне, в качестве единственного представителя Франции по закупке железа и стали. „Контролировал" же эту закупку его собственный зять, французский военный атташе в Лондоне, генерал де-Пануз. Металлы, импортируемые лондонским агентом из Англии, распределялись особым отделением Комитета железоделателей, а контроль над этим распределением был возложен... на члена парламента Франсуа де-Вандель! Это было в 1915 г. Когда через три года Франсуа де-Вандель стал председателем Комитета и сложил с себя эту контрольную работу, то никакого отчета представлено не было.

Все это—только единичный пример того, как сталелитейные заводчики проводили на руководящие посты своих ставленников. Это делалось во время войны, и политика этих фабрикантских ставленников бесконечно много делала для того, чтобы сохранить драгоценное имущество от военных невзгод и разрушений, связанных с

переходом из рук в руки. Они стерегли свое добро, нимало не думая о том, что тем самым неизбежно затягивается война, что тем самым губятся лишние сотни тысяч человеческих жизней.

Часть III. Постановка информации.

Но, спросим мы, как же удается государственным людям и тем, кто стоит за ними, так безошибочно и радикально отводить глаза народным массам?

Здесь действует много причин.

Раз мы воюем, и воюем с сильной державой, раз мы бросаем на чашу весов все, что имеем, раз мы не жалеем в этой борьбе даже жизни своей, то мы никак не можем не допустить самых тяжелых жертв и за свой счет, и за счет своих сограждан.

Но и кроме того, те люди, которые занимаются военной организацией всех сил страны, которые заинтересованы в том, чтобы все возможности были использованы для военных целей,—эти люди делают все, чтобы соответственно настроить общественное мнение. Вот как это делается:

„Я уверен, что все мы хорошо знакомы с той огромной ролью, которую играло в германофильской пропаганде первого периода войны агентство Вольфа. Британское правительство решилось обезвредить его деятельность, прибегнув для распространения правильной информации по всему нейтральному миру к агентству Рейтера. Это было устроено не путем видоизменения работы этого агентства или вмешательства в нее, но путем бесплатного предоставления ему тех сведений, сообщение которых редакциям и издательствам газет всего мира было официально желательно правительству. Сверх того, ему было предоставлено право бесплатной телеграфной передачи этих сведений за казенный счет“ (Из речи в защиту министерства информации, произнесенной г-ном Мак-Кэрби в Палате Общин 5-го августа. 1918 г.).

Министерство информации было занято сообщением народу „тех сведений, распространение которых было официально желательно правительству“, а цензура занималась воспреще-

нием тех сведений, распространение которых было правительству нежелательно. Главой департамента информации был лорд Бивербрук, а директором отделения по информированию Британской империи — лорд Розермор. В конце-концов все эти начальники отделений по информированию разных областей „составили", как выразился г. Л. Джонс, выступавший в парламенте в тот же день, что и Мак-Кэрби, и сообщивший в дебатах ряд подробностей о финансовой и деловой заинтересованности этих господ,—„составили самый могущественный союз".

Нет тех махинаций, которые не пускались бы в ход для воздействия на общественное мнение и для возбуждения народных страстей. Печать и парламентская трибуна, кинематографы и плакаты,—все это служило орудием пропаганды. Даже кафедра не была пощажена или оставлена в пренебрежении!

Но самый любопытный из примеров могущества пропаганды дает нам Бельгия. Оккупировав ее, немцы успели воздействовать на общественное мнение бельгийцев, и когда мощь Германии была сломлена, то освободители и доблестные союзники, к величайшему своему изумлению, встретили в „героической маленькой Бельгии", — или, по крайней мере, в части ее,—такое враждебное отношение, что искоренять его пришлось путем самой энергичной пропаганды!

Заключение.

Таким образом, общественное мнение—это дело той ничтожной кучки людей, которая обманывает, пока прочие позволяют обманывать себя, которая сколачивает деньгу, пока прочие работают на нее и создают эту деньгу, которая отдает весь мир эксплоатации и эксплоататорам, пока прочие утопают в туманных грезах о заре демократии. Эта кучка составляет тайные договоры, режущие неприятельские страны по живому мясу, и в то же время деятельно готовит массы к грабительскому миру, оболванивает их страхом, ослепляет их ненавистью и держит их под ружьем, пока ей не будет выгодно прекратить бойню.

Власть торгово-промышленных заправил и их политических наймитов над умами народа, бессовестные злоупотребления всеми орудиями этой власти, какие только дает в руки этим обманщикам капиталистический строй, – это одна из величайших опасностей для рабочего класса, и в то же время один из самых поучительных для него фактов. Война вскрыла эту опасность с небывалой ясностью, и тем хуже для нас, если мы не сумеем воспользоваться ее уроками.

ГЛАВА IX.

Империализм в мирных договорах.

Версальский договор.

Мы надеемся, что читатель достаточно подготовлен двумя предшествующими главами, чтобы критически отнестись к вопросу о мирных договорах. В этом вопросе скептическое отношение к „высоким фразам“ необходимее, чем где-либо.

11-го ноября 1918 г. было подписано перемирие между союзниками и Германией. Здесь вполне уместно припомнить, что условия этого перемирия, принятые обеими сторонами,— это те самые условия, которые были изложены в знаменитых „четырнадцати пунктах“ президента Вильсона, послуживших великолепной рекламой для дела союзников. Но реклама так рекламой и осталась: „миротворцы“ сознательно, последовательно и совершенно бесстыдно нарушили все условия перемирия. Если война началась плевком на „клочок бумаги“, то таким же плевком она и окончилась.

Условия и последствия договора с Германией достаточно известны всякому, кто хоть слегка интересовался политикой. Поэтому, несмотря на его огромное значение, мы рассмотрим его лишь очень кратко.

Договор этот очень быстро оказался неисполнимым,—но ведь блестящие английские государственные люди, эти „прирожденные правители“, считались только со своими собственными интересами и совершенно не думали о том, соответствуют ли этим интересам те части договора, которые относятся к их союзникам. Прочие победители выказали ровно столько же дальновидности.

Выполнить требования Англии было бы можно. Выполнить требования Франции тоже было бы можно. Но выполнение и тех, и других требований несовместимо. Таково внутреннее противоречие Версальского договора. Оно коренится в том, что интересы французского капитализма не только не совпадают с интересами капитализма английского, но и противоположны им.

Как английские, так и французские требования целиком внесены в договор. Ведь написать все это на бумаге совсем не трудно!

Соображения места позволяют нам привести здесь только бесчеловечный список экономических статей договора.

Краеугольные камни экономической системы Германии,— а надо помнить, что на ней держалась и экономическая система всей Европы,—это: а) заокеанская торговля, б) уголь и железо, в) транспортная и тарифная система.

а) Заокеанская торговля.

1. Всесуда вместимостью свыше 1.600 тонн, половина судов вместимостью от 1.000 до 1.600 тонн и четвертая часть всех рыболовных судов—отняты. Кроме того, Германия обязана выстроить и передать союзникам целый флот, общей вместимостью в 1.000.000 тонн.

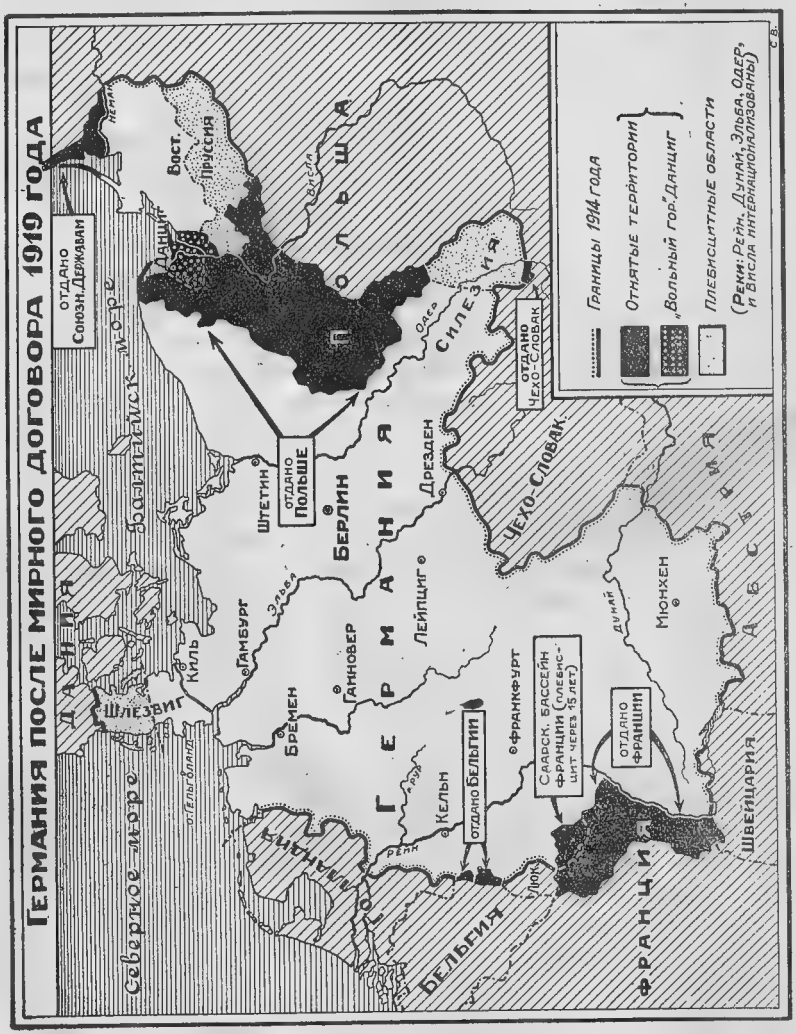
2. Все африканские владения, все экономические права и привилегии в Африке и Китае, а также все заграничные имущества отняты.

б) Уголь и железо. Саарский угольный бассейн отнят. Сверх того, Германию обязали поставлять Франции, Бельгии в Италии огромные количества угля. У нее отняли и $^2/_3$ ее железа.

в) Транспортная и тарифная система. Для управления германскими железными дорогами, судоходными реками, каналами, портами и предприятиями общественного пользования, а также для контролирования германских тарифов и такс назначена междусоюзная комиссия.

Помимо того, на Германию наложена огромная денежная контрибуция.

Основное противоречие всего этого договора заключается в том, что у немцев отняли все, на чем держалась их промышленность, и при этом требуют с них денег. Поытка



провести его в жизнь оказалась разорительной не только для Германии, но и для всей Европы, и вообще для всего мира. На востоке от Рейна эта гибельная политика сразу привела к быстрому понижению материального уровня жизни трудя-

щихся масс всей Средней Европы, при чем в этом, как мы еще увидим, сыграли огромную роль и другие договоры. Нельзя умолчать здесь и об ужасных опустошительных последствиях блокады, продолжавшейся еще девять месяцев по заключении перемирия. Трагическим результатом этой бесчеловечной политики является резкое ухудшение физического состояния народных масс блокированной области.

Безработица в Англии, начавшаяся с 1920 г., в значительной мере объясняется тем, что население Средней Европы страшно обеднело и уже не может покупать заграничные товары. К этому надо прибавить и миллионы русских потребителей, сознательно исключенных из мирового торгового оборота. Так как Франция фактически работает только на свой внутренний рынок и вполне покрывает его потребности, то она пострадала гораздо меньше. Вот почему она так беспощадно обращается с немцами. Германия обессилена, но кажется, что ее мечта о Средней Европе перешла по наследству к Франции, которая повела последовательную и энергичную политику в этом направлении с самого момента заключения перемирия. Эта политика проявилась с особенной резкостью в создании Малой Антанты (состоящей из Юго-Славии, Чехо-Словакии и Румынии и поддерживаемой Польшей). Совершенно ясно, что Франция основала этот союз только для того, чтобы с его помощью стать военным гегемоном всей Европы и захватить в свои руки все европейские запасы угля и железа.

В конце-концов, Версальский договор, одинаково грубо нарушивший как все заявления союзников о целях, которые они ставили себе в войне, так и условия перемирия, — сыграл огромную роль в создании экономического и социального хаоса, затянувшего и обострившего ужасные последствия войны, перессорившего недавних „верных и доблестных союзников“ и, наконец, не допускающего восстановления самой капиталистической системы.

Договор с Австро-Венгрией.

Довоенная Австро-Венгрия была обширнейшим из европейских государств после России

Площадь ее была равна 260.000 квадратных миль, а население—51 миллиону человек. Но это население состояло

из разноплеменных и враждующих элементов, что очень затрудняло работу императорского правительства и в значительной мере определяло его внутреннюю и внешнюю политику. Оно сурово подавляло всякое националистическое движение внутри государства и боялось таких движений даже за границей. Положение его было очень нелегко, так как многим из его подданных, например, итальянцам и сербам, достаточно было заглянуть за границу Австро-Венгрии, чтобы увидеть своих же соплеменников, пользующихся полной национальной свободой.

Именно это обстоятельство—по крайней мере, отчасти—и вызывало национальный гнет внутри Австрийской империи. А в результате все это приводило только к росту и обострению национализма и ненависти к австрийцам по обе стороны границы.

Но Австро-Венгрии приходилось бороться не только с расовыми и племенными затруднениями. Перед нею стояли и экономические трудности, созданные особыми географическими условиями. Ее главные реки впадали в моря за границей. Эльба впадала в Северное море, предварительно пересекши Германию, Дунай—в Черное море через Румынию и, наконец, бассейн Моравы и Вардара вел к Эгейскому морю через Сербию и Грецию. А единственный клочок морского берега, принадлежавший Австрии,—кусочек Адриатического моря,—не имел никакого экономического значения.

Мы уже видели выше, как потребность в увеличении береговой линии заставляла Австрию бороться с Сербией и, в особенности, с стремлением сербов распространить свое влияние на запад, „что не только грозило бы Австро-Венгрии утерей принадлежащих ей портов и побережий, но и преградило бы ей путь к дальнейшей экспансии".

И Австрия только ждала случая, чтобы раз навсегда уничтожить опасность, грозившую ей со стороны Сербии или со стороны всех вообще южных славян, возглавляемых Сербией. В июне 1914 г. этот случай, казалось, представился. Но результат австрийского выступления оказался совершенно непохожим на те надежды и ожидания, которые на него возлагались. Дело окончилось раздроблением самой империи. Война и империалистический мир свели пло-

щадь Австрии к 35.000 квадратных миль, а ее население—к $6^1/_2$ миллионам душ. За Венгрией тоже осталось не больше трети довоенной территории, а ее 20-миллионное население свелось к 7.500.000 человек. В наши дни Австрия — это маленькая горная страна, отрезанная, как от моря, так и от своих обширных континентальных владений, в частности, от крупно-промышленных областей.

Самое существенное в мирных договорах с Австро-Венгрией—это отнятые у нее земли и созданные из этих земель новые государства. Итак, Австрией отданы следующие провинции:

I. Новому государству Чехо-Словакии.

а) Богемия,—один из главнейших промышленных центров старой империи. Основными движущими силами ее развития были богатые запасы угля и система судоходных рек. Эта страна была впервые индустриализована немцами, но к началу войны она уже эксплоатировалась туземным чешским капиталом. Ясно, что именно этот туземный капитал и будет играть руководящую роль в политике нового государства. Кроме добычи угля, важной отраслью богемской промышленности является стекольное производство, товары которого идут в больших количествах и на внешний рынок. „Как песок, так и красящие материалы, употребляемые в богемской стекольной промышленности, встречаются только в этой стране. Поэтому таких стеклянных изделий, какие вырабатываются в Богемии, нельзя производить ни в каком другом месте“ (Redway, „Commercial Geography“, „Коммерческая география“, стр. 351). Сверх того, в Богемии сильно развита текстильная промышленность и очень высоко стоит культура зерновых хлебов. Главный город ее, Прага, связан Эльбой с Северным морем и сосредоточивает в своих руках всю угольную, текстильную и стекольную торговлю провинции.

б) Моравия. Угольные залежи Богемии заходят и в Моравию, так что главный город этой провинции, Брюнн, является крупным центром промышленности, на которой прекрасно отзывается соседство с Богемией. Восточнее преобладает сельское хозяйство, главные продукты которого—ячмень и вино.

в) В Карпатской области нового государства доминируют земледелие и скотоводство, там имеются и огромные лесные богатства.

Рассматривая Чехо-Словакию в целом, мы видим, что она занимает господствующее положение надо всей серединой Европы. Эта область играла огромную роль в германских планах „Средней Европы". Переняв по наследству прусскую европейскую политику, Франция обратила на Чехо-Словакию столь же серьезное внимание.

2. Польше.

а) Силезия. В количественном отношении Верхне-Силезский угольный бассейн является самым мощным в Европе. Треть его лежала на австрийской территории, и эта треть вместе с той частью, которая принадлежала до войны России, отошла по мирному договору к Польше.

б) Галиция [1]), лежащая к северу и к востоку от Карпат, фактически является частью великой русской равнины.

Главный город Львов—крупный промышленный центр. Город Краков славится своими соляными копями („пласт каменной соли толщиной в тысячу двести футов"). Между этими городами имеется еще один угольный бассейн.

3. Румынии.

а) Буковина,—гористая страна, производящая, главным образом, лен и другие сельскохозяйственные продукты, округляет румынские владения на севере. Преобладающий элемент населения—русины (38%), румын меньше (34%).

б) Трансильвания, тоже очень гористая страна с полезными ископаемыми и значительным винным производством. Румыны составляют несомненное большинство населения, но все-таки их не больше 55%. При определении новых границ победители считались только с национальным признаком и потому, как это постоянно бывает и в других местах,

---

[1]) Правда, по мирному договору Галиция к Польше не отходила, однако, мы включаем ее сюда, так как поляки все-таки заняли ее без всякого протеста со стороны союзников.

грубо нарушили экономическое единство. Реки, каналы и железные дороги разрезаны произвольно.

в) Банат,— был очень важным пунктом в проблеме дележа. Его поделили между Румынией и Юго-Славией, при чем львиную долю, включающую город Темешвар и крупный угольный бассейн, получила Румыния. Граница проведена так, что она разрезает пополам железную дорогу, связывающую Темешвар с Дунаем. При таком положении трения возникают очень легко.

г) Бессарабия, до войны принадлежавшая России, тоже отдана Румынии, при чем согласия на это Советской России никто не спрашивал.

Таким образом, если границы, установленные мирными договорами, окажутся долговечными, то в результате войны в Румынии новая экономика, комбинирующая промышленность с сельским хозяйством. Особенно помогут этому полезные ископаемые Баната и Трансильвании. Это создаст необходимые условия для роста классовых противоречий и классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом.

4. Юго-Славии.

а) Часть Баната (см. выше, 3 в).

б) Часть Штирии, особенно замечательная тем, что в ней находится город Марбург, населенный почти исключительно немцами. „Но этот город— очень важный рынок для равнинной части страны, находящейся южнее, и к тому же он является крупным железнодорожным узлом. Поэтому его отдали Сербии (Newbigin, „Aftermath“, „Вторая жатва“ стр. 56). Отсюда следует, что иногда и национальные принципы уступают экономическим обстоятельствам, особенно, когда эти обстоятельства складываются в пользу государств, находящихся в услужении у Антанты.

Что касается прочих провинций, присоединенных к Сербии и составивших вместе с нею Юго-Славию (часть Каринтии, Карниола, Босния и Герцеговина), то их объединение осуществило исконное стремление всей этой области к созданию единого южно-славянского государства.

Сверх того, оно дало этому государству большую и важ-

ную береговую линию, тем самым отрезавши Австрию от моря. Теперь Сербия имеет все основания утверждать, что кто служит „правому“ делу, для того все хорошо кончается.

5. Италии.

а) Трентино (Южный Тироль). Вот еще один тяжелый вопрос, созданный мирным договором. „Как экономические связи, так и национальные симпатии местного населения настолько сильно тянут к северу, а не к югу, что даже самая благожелательная и просвещенная итальянская администрация вряд ли сможет предупредить обеднение широких слоев и неизбежное при этих обстоятельствах недовольство. Естественный рынок для тонких фруктов Боцена и Мерана—это, конечно, не Италия, у которой и своих фруктов довольно, в промышленные области Германии и Австрии“ (Newbigin, цит. соч., стр. 50).

Северная часть этой новой итальянской провинции заселена особенно плотной немецкой массой, непосредственно примыкающей с юга к основному ядру германского народа.

Трентино дает нам новый пример нарушения „естественных“ границ из экономических соображений. Так, в новые пределы Италии включены города Иннихен и Тарвис. Сделано это для того, чтобы отдать итальянцам власть над очень важными дорогами: Иннихен дает им возможность железнодорожного строительства, а вместе с Тарвисом они получают очень важный железнодорожный участок.

б) Истрия с портами Триестом и Фиуме. Все это причиталось Италии еще по тайному договору от апреля 1915 года, но Фиуме было очень нужно и Юго-Славии. После целого ряда „осложнений“ (во время которых Фиуме был временно захвачен Габриэлем Д'Аннунцио—итальянским поэтом, писателем и предводителем националистической шайки), был заключен Рапалльский договор (ноябрь 1920 г.), по которому Фиуме, в виде компромисса между соперниками, был объявлен вольным городом.

Мы уделяем так мало внимания национальному вопросу по той причине, что расселение национальностей перепутано до бесконечности. Если иногда и можно найти в той или иной

местности явно преобладающую по численности национальность, то и в ней оказываются более или менее значительные национальные меньшинства, сплошь да рядом настроенные по отношению к большинству весьма враждебно. „В каждом из этих национальных государств может найтись свой Ульстер“ (Brailsford, „Лига Наций“, стр. 109). Помимо того, мы очень часто встречаемся и с такими случаями, когда территория той или иной национальности, по чисто-экономическим причинам, далеко выходит за те пределы, которые могут быть оправданы с национальной точки зрения.

Рассматривая территориальные изменения, созданные войной, в общем и целом, мы неизбежно приходим к выводу, что, удовлетворяя требования всяческих национальностей, союзники заботились „не столько об отвлеченном принципе самоопределения народностей, сколько о том, чтобы отрезать Германии все пути на восток и чтобы замкнуть ее в кольце вражеских и находящихся под антантовским влиянием государств... Раз Австрия вырвана из германской системы,— Багдадская дорога попадает под военный контроль союзников, а Германия теряет все подступы к Турции и проливам. Любое из этих новоиспеченных политических образований,— Польша, Чехо-Словакия, разросшаяся Сербия,— любая из этих стран рекомендуется антантовской пропагандой в качестве „барьера“ или „буфера“, защищающего от „германизма“, при чем на долю Польши выпало двойное счастье,—счастье быть буфером и от Берлина, и от Москвы. Все это дело выполнено с чисто-мастерской законченностью“ (Brailsford, „After the Peace“, „После мира“, стр. 46 – 48).

Помимо этого территориального грабежа, Австрии пришлось принять целый ряд непосильных экономических требований, включая неизбежные репарации. Блокада и ее экономические последствия, развал промышленности и обнищание широких масс делают эти требования особенно жестокими и невыполнимыми.

У Австрии отняли весь торговый флот. Впрочем, теперь, когда у нее все равно нет ни выхода в море, ни настоящей промышленности, ни значительного земледелия, эта потеря сравнительно легче других. Ей пришлось принять на свой счет содержание оккупационной армии. Ее заставили покон-

чить с протекционной фискальной системой,— и это в то время, как союзники стали добивать своих побежденных врагов тарифами. Дунай был признан „интернационализированным", при чем Австрия не получила представительства в административной комиссии.

Мирные договоры привели Австрию в состояние изнурительного хаоса. Сверх того, довоенная Австро-Венгрия составляла известное экономическое единство: мирные договоры разорвали и разбросали это единство. А результаты этой живорезной политики выразились в ухудшении физического и нервного состояния, в постоянных социальных волнениях всех бывших австрийских народов.

Западная Европа ввергла всю Среднюю и Восточную Европу в ужасную нищету и называет это миром, так как несчастные жертвы не могут оказать ей сопротивления.

Положение, созданное мирными договорами, характерно еще и тем, что западно-европейские державы распространили свою империалистическую экспансию и на территорию Европы. До войны казалось, что „если разразится война, то она будет вестись из-за Дальнего Востока или Китая и не приведет ни к каким территориальным аннексиям в Европе (при чем из этого географического понятия, разумеется, исключаются Балканы" [1]).

Еще во время войны (в марте 1917 г.) тот же самый Брэйлсфорд,—очень тонкий мыслитель,—мог писать: „Война ведется внутри Европы, но ведется она за земли, лежащие вне ее" (цит. соч., стр. 338). Мирные договоры доказали, что он был слишком оптимистичен.

А после войны опять тот же Брэйлсфорд уже говорит нам о новых государствах, созданных мирными договорами:

„Они независимы только на бумаге. Как в коммерческой, так и в политической своей жизни они обязаны повиноваться малейшему намеку тех держав, которые достаточно сильны или богаты, чтобы распоряжаться их судьбой. Те из этих мелких государств, главное достояние которых—клочок береговой линии, являются простыми пешками в английской морской политике. Они полезны Англии, когда ей угодно

---

[1]) Brailsford, „Война стали и золота", стр. 36.

торговать и необходимы ей, когда она предпочитает устроить блокаду. Малые государства, лишенные выхода в море, естественно подпадают под влияние военной политики Франции. У них нет свободного выбора в определении внешней политики" („After the Peace", „После мира", стр. 58—59).

Договор с Болгарией.

Основная черта и основной результат этого договора (подписанного в Нельи)— увеличение греческой береговой линии за счет Болгарии, потерявшей на юге все Эгейское побережье, включая и порт Дедеагач, который по мирному договору перешел в распоряжение союзных держав, а затем был отдан Греции.

Одна из заветнейших надежд Болгарии была разбита турецким договором, который „позволил ее злейшему врагу, Греции, распространиться на восток вплоть до стен Константинополя, а на северо-запад—далеко за линию Энос—Мидия, которую Болгария после первой балканской войны 1912 г. желала иметь своей границей".

Итак, Болгария потеряла выход в Эгейское море и вообще все, что она с такими жертвами приобрела в балканских войнах.

Перемены на западной болгарской границе, включая и территориальные уступки в пользу Юго-Славии, менее существенны. Однако, они дают Юго-Славии стратегические преимущества, вряд ли необходимые ей после развала Австрии.

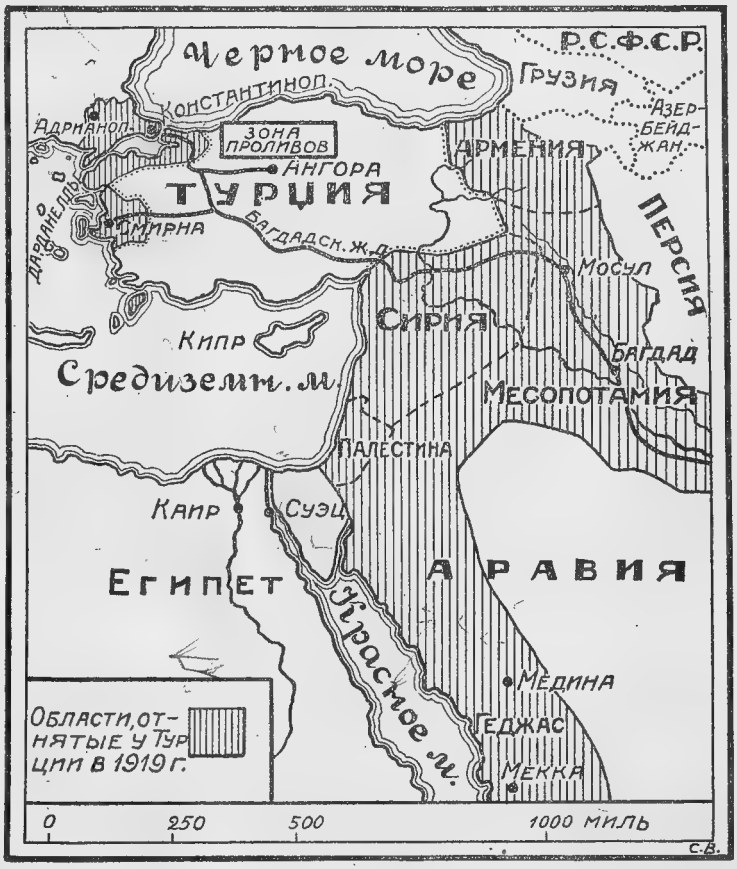
Вдобавок к этому уменьшению территории на Болгарию взвалили и неизбежные репарации. На нее наложили два с четвертью миллиона золотых франков. Сверх того, она должна была поставлять Юго-Славии уголь (пять лет по 50000 тонн в год), а также снабжать Грецию, Румынию и ту же Юго-Славию рогатым скотом и лошадьми. Ей пришлось отдать все свои военные суда и подводные лодки, кроме четырех миноносок и шести моторных лодок, предназначенных для полицейской и рыбачьей службы. Ни аэропланов, ни гидропланов ей иметь не разрешается.

Любопытно, что каждый из этих договоров начинается с обязательства полного признания устава Лиги Наций, даже в том случае, если обязующаяся сторона не допускается в эту Лигу, как это было с Германией; далее следует обяза-

тельство признания трудовой конвенции при Лиге, той самой, которую очень скоро перестали признавать сами союзники.

Договор с Турцией.

Изучая мирный договор с Турцией (по месту подписания он называется Севрским договором), лучше всего разбить вопрос на три части: Европейская Турция, полоса проливов и расчленение Азиатской Турции.



1. **Европейская Турция.** Все европейские владения, за исключением самого города Константинополя и его ближайших окрестностей, из которых оставлено ровно столько, чтобы город мог получать пресную воду из соседнего озера

Деркос,—у Турции отняты. Вся Фракия была отдана Греции, к которой перешло и северное побережье Эгейского моря.

Эта часть договора лишний раз подтверждает, что все балканские раздоры, поскольку мы говорим только о самих балканских государствах, были борьбой за морские берега.

2. Зона проливов, идущая по обоим берегам Босфора, Мраморного моря и Дарданел, а также включающая остров Митилену, была отдана под управление межсоюзной комиссии. Эти воды огромного исторического значения, из-за которых веками велась кровопролитная борьба, были „интернационализованы", т.-е. в переводе с языка победоносных союзников, „антантизованы": комиссия назначается Лигой Наций.

3. Азиатская Турция,—это то, что осталось туркам после того, как каждый из победителей, заинтересованных в том или ином куске некогда обширных владений Оттоманской империи, оторвал себе этот кусок. У Турции отняли целый ряд провинций и оставили ей только Малую Азию, да и ту урезали на западе, отдавши Греции порт Смирну и окружающую его область. Кроме того, Греция получила и острова, прилегающие к малоазиатскому побережью. В руках Греции оказался такой большой кусок эгейского побережья (ставящий в зависимость от нее не только Болгарию, но и Юго-Славию), что, держа в руках Смирну, она оказалась сильнейшей из балканских держав на Эгейском море. Особенно важна здесь Смирна. Греческие купцы надеялись, что новые условия позволят им перетянуть к ней всю константинопольскую торговлю.

Но все это турецкое „положение" нарушается турками-националистами, во главе которых стоит Кемаль-паша. Они отказались признать Севрский договор, провозгласили в Ангоре новое правительство, выгнали греков из Смирны, и теперь, когда печатается эта книга, ведут с союзниками переговоры о возвращении Турции всей европейской территории, отнятой у нее в 1920 г., и о признании ее гегемонии над проливами.

Что касается остальных владений, то Турции пришлось признать их независимыми, т.-е. обязаться не вмешиваться в их дела и не мешать союзникам делить их между собою. Но, конечно, это было выражено не так грубо.

В наши дни прогресса, демократии и самоопределения малых народностей это даже не называется „установлением протектората". Нет, современный термин—это „получение мандата", при чем соответствующая передовая нация получает мандат только на основе „принципа, гласящего, что развитие и благосостояние таких народов есть священный залог цивилизации" (Устав Лиги Наций, § 22).

В „мандатные территории" были превращены турецкие провинции Армения, Месопотамия, Сирия, Палестина и Геджас. Курдистан должен был (когда-нибудь) получить самоуправление. Точные границы всех этих областей в договоре указаны не были.

а) Армения, о которой всегда так заботились западноевропейские государства, приходившие в ужас от постоянных погромов, устраиваемых турками,—оказалась единственной областью, запросившей, чтобы на нее взяли мандат. Все прочие провинции упорно противились такого рода устройству. И она же оказалась единственной страной, на которую никто взять мандата не захотел. Понять это вовсе не трудно: в других провинциях есть и нефть, и другие полезные ископаемые, и хлопок,—все это можно эксплоатировать. В Армении же есть только христианские души, а их можно только спасать.

б) На Месопотамию мандат получила Англия. Приманкой здесь послужили огромные природные возможности. Месопотамия может стать богатейшей житницей и хлопковой плантацией в мире. На ее плодородном севере для этого выпадает вполне достаточно осадков, а на юге нехватает только хорошей системы орошения. В 1911 г. ее южная часть уже была обследована английским экспертом, сэром В. Уиллкоком, который и установил, что, израсходовавши около 27 миллионов фунтов стерлингов (недурная перспектива для концессионеров-строителей!), можно будет привести в годный для земледелия вид от 5 до 6 тысяч квадратных миль, которые и будут давать около 400.000 тонн злаков и около 500.000 центнеров хлопка.

В 1916 г., когда в Месопотамии шли военные действия, в ней были начаты работы по сооружению новой оросительной системы. Они были закончены как-раз к моменту заклю-

чения перемирия. Но так как на месте не было рабочих рук, необходимых для обработки земли (арабы все еще не могут понять и оценить благодеяний наемного труда), то в Месопотамию были ввезены и поставлены на работу индийские рабочие корпуса. А затем на сцену выступила Британская ассоциация хлопководов, снабдившая Месопотамию египетскими крестьянами.

Но главное значение Месопотамии все-таки не в хлопке, а в нефти. Тайный договор 1916 г. был пересмотрен соглашением в Сан-Ремо, которое предоставило Англии 75% всей нефти, добываемой на моссульских приисках, и установило, что впредь все частные компании, работающие в Месопотамии, должны находиться под постоянным английским контролем. Это постановление было очень враждебно встречено нефтяными кругами Соединенных Штатов и Франции.

в) Палестина тоже стала английской мандатной территорией. Здесь действовали мотивы стратегические: закрепление Египта и Суэцкого канала.

г) На Сирию получила мандат английская союзница—Франция. В Сирии имеется развитое производство шелка, а известно, что Франция особенно заинтересована в шелковых делах.

Кроме того, Турцию заставили признать французский протекторат над Тунисом и Марокко и суверенитет Италии в Ливии, а также отказаться от всех своих прав на Египет и Кипр.

И, наконец, для контроля и организации сухопутных, морских и воздушных сил Турции и ее финансовых дел, была назначена межсоюзническая комиссия.

Иными словами, Севрский договор означал смерть Турецкой империи и превращение этого некогда грозного политического образования в ничтожное вассальное государство, подслуживающееся к своим победителям и покорное их воле.

„Те самые державы, которые присвоили себе в виде мандатных территорий богатейшие провинции Турции, которые удержали за собой в виде сфер влияния ее другие лакомые куски (Киликия, Адана и угольный бассейн Эрегли отходят к Франции и Италии), которые сосредоточили в своих руках управление всеми концессиями империи,—эти же самые державы получили еще и право „вето“ надо всем ее бюджетным и финансовым законодательством. Это—самое грубое и ци-

ничное проявление империализма, какое только знает мировая история" (статья Брэйлсфорда в „Labour International Handbook", стр. 168).

Россия. Хотя мирного договора с Россией заключено и не было (ведь союзники официально войны ей не объявляли), однако, договоры с другими государствами непосредственно и очень серьезно затрогивают ее интересы. Выше мы уже видели, как Румыния заняла Бессарабию, даже не сказав России: „с вашего позволения".

Хотя союзники и притворялись, что они с ужасом отбрасывают условия мира, навязанные России немцами в Брест-Литовске, однако, для изменения этих условий они ничего не сделали. Более того: они фактически пользовались всеми государствами, созданными на основании этого договора, как базой для военных действий против Советской России. Прибалтийские государства,—Литва, Эстония и Латвия,—независимы только на бумаге, а на деле целиком зависят от Англии.

Заключение. Рассматривая мирные договоры в общем и целом, мы можем выяснить истинные цели войны. Война велась за монополию, за рынки, за концессии, за источники сырья; а если у воюющей державы все это было, то она воевала, чтобы удержать и укрепить за собой все сухопутные и морские дороги, ведущие к этим драгоценностям.

Дали ли мирные договоры окончательное разрешение этих проблем? Наоборот, они являются настоящим воплощением того духа и той политики, которые создали условия, вызвавшие войну, и сделали эту войну неизбежной. А расплачиваются за это опять-таки трудящиеся массы, и притом трудящиеся массы всего мира: ведь, раз войну создал интернациональный капитализм и империализм, то и последствия ее не могут не быть интернациональными. Эти последствия все яснее и яснее вырастают перед нами, выражаясь в ухудшении условий жизни рабочего класса, и это не только в побежденных странах, но и в странах-победительницах. Это—плод победы и плод поражения, плод войны и плод мира и, прежде всего, плод экономической эксплоатации, которая создает и войну, и мир. Это—грозный вызов, бросаемый рабочему классу капиталистическим империализмом.

ГЛАВА X.

Японская экспансия [1]), 1871 — 1914 гг.

Революция 1871 г.

Разрыв Японии с ее феодальным прошлым изумителен по своей быстроте и неожиданности. Чтобы убедиться в безнадежности всех попыток восстановления старинной стены, не пропускавшей иностранцев, ей потребовался лишь очень недолгий период подчинения европейским державам.

Но этот период дал ей и другой урок: он заставил ее решиться овладеть секретом европейской мощи. Сделать это было нетрудно, и Япония принялась с беспощадным реализмом перестраивать весь уклад своей экономической и общественной жизни. В результате получилось изумительное по быстроте перерождение Японии: „она в несколько лет перевернула вверх дном все свои политические и социальные устои, с жадностью усвоила все техническую и научную цивилизацию Запада, европеизировалась и вступила на международный путь культуры“ (Hazen, „Europe since 1815“, „Европа с 1815 года“).

В 1871 г. даймио (военная аристократия, владетельные князья) добровольно отказались от всех своих феодальных прав и в возмещение за них получили высокие официальные посты в новом государственном строе [2]).

---

1) См. Sen Katayama, „Present Day Japan“, „Современная Япония“, в „Labour Monthly“ за март 1922 г.

2) А также облигации государственного займа, а несколько позднее и железнодорожные акции, „в возмещение за утерю доходов, которые они прежде получали со своих поместий“ (Porter, „Japan, the Rise of a Modern Power“, „Япония, рост современного государства“, стр. 306).

Самураи (служилое военное сословие, рыцари) тоже отказались от своих привилегий. В результате оказались возможными следующие коренные изменения: 1) управление страной сосредоточилось, централизовалось, и вскоре правительство стало твердой и вполне действительной властью, 2) широкие массы населения освободились от феодальных повинностей и разделились на арендаторов-фермеров и городской пролетариат, 3) военная служба сделалась „привилегией“ и долгом всех граждан. Кроме того, была введена европейская система воспитания. Результаты всех этих перемен, если взглянуть на них глазами уже цитированного либерального историка Хэзена, очень любопытны: „Всеобщая воинская повинность и европейская система воспитания стремились сплотить весь народ в единое целое, проникнутое духом прогресса, оптимизма и патриотизма“. Эти великие преобразования подготовили почву для развития японской промышленности.

Промышленная революция.

В 1872 г. в Японии была открыта первая железнодорожная линия (Токио—Иокогама), в 1900 г. общее протяжение японской сети железных дорог было равно 3.600, в 1909 — 5.000 и в 1914— 6.000 миль.

Через 15 лет по отмене закона, воспрещавшего строить морские суда, у Японии уже было 138 таких судов, а к 1914 г. ее торговый флот имел 2.072 парохода, плававших по всем водам мира.

Добывающая промышленность развилась так, что к 1913 г в ней было занято около 203.000 рудо- и углекопов, добывавших угля, железа, меди и пр. на общую сумму в 130 миллионов довоенных рублей. Япония не знала хлопчато-бумажного производства до 1880 года. В 1914 г. на фабриках этого производства работало 2.500.000 веретен, выпрядавших по 546 000.000 фун. пряжи в год и дававших работу 22 тысячам рабочих и 95 тысячам работниц. Что же до ткацких фабрик, то с 1890 по 1901 они увосьмерили количество вырабатываемых материй.

Развитие японской внешней торговли граничит с чудом: в 1877 г. она дала 50 миллионов рублей, в 1890—140 миллионов, в 1900—500 миллионов, в 1910—900 миллионов и в

1913—1 миллиард 360 миллионов. Иными словами, за 36 лет она возросла в 27 раз. Япония сделалась современным промышленным государством. Она поняла все преимущества европейского строя, с изумительной трезвостью учла уроки действительности и, добровольно подчинившись законам капитализма, стала силой в числе его сил. Между 1895 и 1905 гг. она дала миру окончательные и несомненные доказательства своей мощи и боеспособности.

Война с Китаем, 1894—5 гг. [1])

В 1894 г. у Японии возник конфликт с Китаем из-за Кореи, вскоре перешедший в войну. Хотя Корея и сама была королевством, однако, и Китай, и Япония претендовали на сюзеренные права над ней. Япония была, как говорит Хэзен, „заинтересована в расширении своих притязаний, так как ее производство нуждалось в рынке". Японская армия выгнала китайцев из Кореи, вторглась в Манчжурию, заняла „сильнейшую из всех позиций Дальнего Востока" Порт-Артур, оккупировала полуостров Ляо-Тунь и готовилась к походу на Пекин.

17 апреля 1895 г. китайцам пришлось принять японские условия мира и подписать Симоносекский договор. По этому договору они уступили Японии Порт-Артур вместе с полуостровом, на котором он стоит (Ляотуньским), Формозу и Пескадорские о-ва, впоследствии ставшие базой японских операций в юго-восточном Китае; далее они открыли Су-чжоу и Ханькоу для торговли, а Ян-цзы-цзян для навигации; они признали полную независимость Кореи, что на дипломатическом языке означает полную свободу действий в этой стране для Японии, и обязались уплатить контрибуцию в 200 миллионов таэлей (около 350 миллионов рублей).

Но дело было не так-то просто. Россия немедленно организовала вмешательство европейских держав в японско-китайские дела. Это вмешательство было предпринято для того, чтобы отнять у Японии ее завоевания, а затем поделить их между собой. Очень скоро оказалось, что агрессивная политика России рассчитана надолго, и что она угрожает самому существованию Японии. Этого, по крайней мере, опасались японцы. В конце-концов, им пришлось выбирать одно из двух: либо войти в соглашение с Россией и поделиться с

ней Китаем, либо заключить союз с кем-нибудь из врагов России и окончательно вытеснить ее с Дальнего Востока. В этих обстоятельствах Япония заключила чреватый последствиями союз с Англией (1902).

Англо-японский союз 1902 г.

Показной целью этого союза было „поддержание status quo и общего мира" на Дальнем Востоке, особенно же территориальной неприкосновенности Китая и Кореи и соблюдения в этих странах принципа „открытых дверей". В случае войны между одной из „договаривающихся высоких сторон" с третьей державой, другая сторона обязывалась сохранять дружественный нейтралитет, но в случае, если бы в этой войне приняла участие еще одна враждебная держава, она уже принимала на себя обязательство активно поддержать союзника. На деле все это обозначало, что, если Германия или Франция войдут в союз с Россией против Японии, то Англия придет Японии на помощь.

Этот договор очень важен со всех точек зрения: как бы то ни было, азиатское государство впервые признавалось мировой державой.

Война с Россией 1904—5 гг.

Теперь Япония уже не боялась вновь поднять вопрос о намерениях России в Китае. Она потребовала определения точного срока эвакуации Манчжурии. После шестимесячных переговоров, не приведших ни к каким результатам, она, не озаботившись даже формальным объявлением войны, напала на Россию. Япония была прекрасно подготовлена к этой войне, и ее превосходство над противником выяснилось очень скоро. Характерной чертой русско-японской кампании была упорная борьба за Порт-Артур,—явное доказательство его огромного значения и стратегической важности.

По Портсмутскому миру (5-го сентября 1905 г.), Россия передала Японии свою аренду Ляо-Туня (включая и Порт-Артур), уступила ей 500 миль железной дороги и признала за ней преимущественные интересы в Корее. Обе державы обязались не оккупировать и не аннектировать Манчжурии и восстановить в ней китайскую администрацию. Сверх того, Япония получила половину о. Сахалина и контрибуцию в 50 миллионов рублей.

Япония сразу выдвинулась в первый ряд военно-морских держав, и к 1908 г. уже состояла в очень важных союзах: в 1907 г. она вошла в союз с Россией и Францией, в 1908 (по договору в Рут-Такалию)—с Францией, Англией и Соединенными Штатами. В 1910 г. она, без всякого протеста со стороны держав, аннектировала Корею, которая стала ее житницей: производя огромные количества риса, она ввозила в обмен на него продукты японской обрабатывающей промышленности. В 1913 г. Япония покрывала свыше половины корейского импорта. Но, кроме того, Корея явилась и полем деятельности для японских капиталистических предприятий. В 1913 г. в ней было учреждено пять японских банков. В ней развивались многообещающие рудничные дела. Политика Японии носила характер агрессивного монополизма, и принцип открытых дверей в Корее фактически не соблюдался.

Прочно обосновавшись на материке и держа в руках Порт-Артур, Япония смогла угрожать независимости всего Китая.

Китай для японцев.

Взрыв мировой войны 1914 г. дал ей возможность усилить свое дальневосточное положение до небывалой степени. Она немедленно ухватилась за эту возможность. Объявив Германии войну в августе 1914 г., она тут же захватила „опорный пункт" Германии в Китае, Киао-Чао, и всю провинцию Шантунь,—захватила „для возвращения Китаю по окончании войны". Сверх того, она заняла все тихоокеанские острова, принадлежавшие Германии, и, невзирая на протесты Китая, оккупировала Манчжурию.

Но все это присказка, а сказка еще впереди: очень скоро оказалось, что все силы европейских держав отвлечены небывалой по напряженности войной, и Япония решилась воспользоваться своим одиночеством и свободой. И вот не прошло и пяти месяцев с момента объявления войны, как Япония уже предъявила Китаю свои знаменитыя требования по 21 пункту (18-го января 1915 г.).

„Двадцать одно требование" начинается в обычной манере дипломатических нот:

„Японское правительство и китайское правительство, в неустанном попечении о сохранении всеобщего мира в

Восточной Азии и о дальнейшем укреплении дружеских и добрососедских отношений между обеими державами, принимают следующие условия".

Далее китайцев вежливо приглашали согласиться на целый ряд требований, ставивших Китай в полную зависимость от Японии. Вот некоторые из этих требований:

Часть I. § 1. Китай должен позволить Японии самостоятельно договориться с Германией относительно судьбы бывших немецких владений и аренд в Китае.

§ 2. Он не должен допускать аренды китайской территории какой бы то ни было третьей державой.

Часть II. § 5. Прежде, чем разрешить какой бы то ни было третьей державе постройку железной дороги или покрытие займа на такую постройку в Восточной и Внутренней Монголии, Китай должен получить согласие Японии, а

§ 6. Если Китаю понадобятся в этой провинции финансовые, политические или военные иностранные консультанты, то он обязуется обратиться за советом к Японии.

Часть IV. Китай обязуется не уступать какой бы то ни было третьей державе ни одной гавани, залива или острова на своем побережье.

Часть V. § 1. Для консультации о своих политических, военных и финансовых делах Китай должен обращаться к влиятельным японцам.

§ 3. В особо важных пунктах полицейская служба обязана подчиняться совместной китайско-японской администрации.

§ 4. Китай обязан покупать определенную часть нужного ему военного снаряжения („50% или больше") у японских фирм.

§ 6. Если Китаю понадобится иностранный капитал для сооружения рудников, железных дорог или гаваней, то в первую голову он обязан обратиться к Японии.

Если бы эти скромные предложения были приняты, то это означало бы, что Китай закабалился окончательно. Никто их никогда и не принимал, но Япония действовала так, как-будто бы они были приняты. Во всяком случае, действительно подписанный договор от 15-го мая 1915 г. фактически дал ей в Шантуне, южной Манчжурии и Восточной, и Внутренней Монголии все, чего она хотела. В дальнейшем Япония навязывает Китайской республике большой заем по 8%. Вся ее политика проходит под знаком единого лозунга:—„Китай для японцев".

Япония и Соединенные Штаты.

За время мировой войны мощь Японии страшно возросла, так как она скопила огромные богатства. Участие в войне, выразившаяся в очистке от немцев и охране Тихого океана, потребовало от нее очень мало расходов, но зато крайне усилило ее положение. Поэтому ей удалось, в вознаграждение за военное снаряжение, которым она снабжала Россию по обычным поставочным ценам, заключить с Россией тайный договор, в котором обе державы гарантировали друг-другу неприкосновенность дальневосточных территорий. На деле это означало, что Россия предоставила Японии полную свободу действий в Китае.

Теперь японским притязаниям на Дальнем Востоке могла противиться только одна страна---Соединенные Штаты. Они опротестовали майское соглашение 1915 г. на том основании, что оно нарушает интересы американских граждан в Китае. Обе страны все яснее чувствовали нарастание антагонизма, и Япония начала готовиться к событиям.

Ее приготовления не ограничивались увеличением армии и постройкой военных судов. Помимо всего этого, она заботилась о захвате стратегически важных пунктов и об укреплении своих тихоокеанских островных владений. Ее милитаристические элементы надеялись, что объявление войны послужит сигналом к восстаниям японцев в Калифорнии и на Гавайских островах.

В то же время японские правители обвиняли американцев в том, что они де не допускают японцев на свои берега или ставят их в особо неблагоприятные условия. Тем самым они без труда настроили против Соединенных Штатов на-

родные массы. В самом деле, это обвинение очень удобно для озлобления народа, и к тому же оно отвлекает его внимание от настоящих причин конфликта.

Говоря по справедливости, японское правительство не имеет никакого права жаловаться на притеснения японцев за границей: дело в том, что в самой Японии иностранцы очень страдают от всяческих ограничений и несправедливостей. Опротестовывая „Веббовский акт", воспрещающий японцам иметь в Калифорнии земельную собственность, токийское правительство требовало для своих граждан, живущих в Америке, таких прав, которых оно у себя дома иностранцам не давало. А кроме того, в Японии иностранцам (включая китайцев и даже корейцев) воспрещен целый ряд профессий.

Что касается плотности населения Японии, то она уж наверно не больше, чем в ряде европейских государств, так что накануне Вашингтонской конференции выдающийся и авторитетный писатель не усомнился заявить:

„Теперь, в 1921 г., перенаселение Азии не более, как пустая фраза. В серьезном обсуждении истинных причин столкновений между народами, населяющими берега Тихого океана, разговорам о перенаселении не должно быть места". (Putnam Weale, ст. в „Review of Reviews" за сентябрь—октябрь 1921 г.).

Тем не менее, мы должны признать, что пока уровень развития японской промышленности будет оставаться сравнительно не очень высоким, а быстрый прирост населения будет продолжаться, этим аргументом все-таки еще можно будет пользоваться.

С своей стороны, Соединенные Штаты беспокоились по поводу беспрерывного роста числа японцев, живущах в Калифорнии. Продавая свой труд гораздо дешевле белых рабочих, эти японцы еще умудряются откладывать деньги и арендовать на свои сбережения сначала мелкие, а потом и более крупные фермы. В конце-концов, японцы заняли в Калифорнии лучшие земли и, беспрестанно иммигрируя в нее, грозят через несколько лет превзойти численностью американских граждан этого штата. Немудрено, что в Америке нарастает антияпонское настроение.

Та же картина наблюдается и в Британской Колумбии, так что лозунг „Белой Австралии“ стал играть в имперской политике Англии значительную роль.

Таким образом, под проблемой иммиграции тоже имеется своя экономическая подоплека. Однако, фактическая причина конфликта между Японией и Соединенными Штатами—это вопрос о „раскрытии“ Китая и о власти над его колоссальными подземными и надземными богатствами.

Но этот вопрос не менее живо интересует и Англию. До войны самыми крупными торговыми интересами в Китае были интересы английские. Это обстоятельство породило требование особых сфер влияния, и был период, когда Англия претендовала на богатейшую долину Ян-цзы-цзяна. Мало того, что в этой долине сосредоточены колоссальные богатства и непочатые возможности экономического развития: империалистическое государство, захватившее эту долину, окажется как-раз на границе между враждебными друг другу северной и южной частями Китая. Разжегши как следует их междоусобицы, она, в конце-концов, сможет завладеть всей страной, разумеется, для „восстановления законности и порядка“.

От этих притязаний Англии, конечно, уже давно пришлось отказаться; однако, агрессивно-монополистическая политика Японии наносит ущерб английским интересам в целом ряде других пунктов.

Во время войны Япония, захватив Шантунь, сразу стала проявлять некоторую склонность к германофильству. С ростом и прояснением японо-американского антагонизма, стала проявляться подозрительность и враждебность Японии по отношению к Англии. Зачем Японии продолжать поддерживать Англию, если ясно, что в случае японо-американской войны Англия будет держать нейтралитет, и, может быть, даже враждебный нейтралитет?

Тихоокеанская проблема.

Японии придется „столкнуться с тихоокеанской проблемой в одиночестве и разрешать ее без союзника“. Она явно изолирована: Британия ведет себя недружелюбно; Китай явно враждебен ей; власть Японии на Формозе, в Корее и в Манчжурии держится на одних штыках, так что они стали для нее источником скорее слабости, чем силы. Вот почему она ведет в Тихом океане

политику подготовки. Эта политика казалась очень успешной. На бумаге она казалась верной и многообещающей. Но вступление Соединенных Штатов в мировую войну резко изменило положение.

Америка совершенно неожиданно оказалась одной из сильнейших военных держав на суше и на море. Она выстроила огромный тихоокеанский флот, который в августе 1919 г. сделал своей основной базой Сан-Франциско. Появление у западных берегов Америки этого флота открывает новую страницу в морской истории. Соединенные Штаты решительно повели серьезную морскую политику, которая должна сделать их сильнейшей морской державой в мире.

То же самое и с Панамским каналом. Японские стратеги были очень привязаны к мысли о возможных результатах удачного нападения на этот канал; теперь же его колоссальные укрепления, его тяжелые морские батареи, его подводные флотилии и окружающая его система окопов делают эту возможность весьма сомнительной.

Положение в самом Тихом океане тоже резко изменено сильными укреплениями острова Гуам (а этот остров можно сделать и совершенно неприступным). Держа в руках Гуам и не упуская Филиппинских островов, Соединенные Штаты могут сами перейти в наступление, а их огромные морские силы,— крейсера, истребители, подводные лодки,—и их могучий воздушный флот смогут подвергуть Японию блокаде и бомбардировке с моря и с воздуха.

Можно с достаточной уверенностью сказать, что все мечты Японии о победе над Америкой разбиты навсегда. Чем больше затянется война между ними, тем меньше будет у Японии шансов: ведь, Америка ей не чета. Япония—страна небогатая. Она очень гориста, в ней много земли, непригодной для земледелия, но в наше время гораздо важнее то обстоятельство, что и минеральные ее богатства тоже очень ограничены. Недостаток железной руды всегда был одним из величайших затруднений, стоявших перед Японией. Проявляя свою всегдашнюю инициативность, она стремится пополнить этот недостаток, и кажется, что ее усилия небезуспешны:

„Так как по всей империи имеется в большом изобилии песок, содержащий железо, то уже давно стало ясным, что

если бы только был найден способ выплавки железа из этого песка, то Япония уже никогда не знала бы железного голода. В силу этого, еще в сентябре 1919 г. были предприняты необходимые изыскания. Опыты велись в течение года. Теперь они увенчались вполне достаточным успехом: найден и экспериментально подтвержден метод, дающий удовлетворительные практические результаты". (Сообщение японского военного министерства от 18-го октября 1920 г.).

Но, кроме того, у Японии нет и своего угля. Без заграничного ввоза она не может ни прокормиться, ни снабдить свою промышленность необходимыми материалами, и нельзя не сказать, что ее шансы на победу в беспощадной борьбе между современными государствами очень слабы. Япония ведет империалистическую политику самого вызывающего характера, но ее материальные средства недостаточно велики, чтобы поддерживать эту политику.

Первые же успехи дали ей в руки огромные богатства. Ее бессовестная политика в Корее и Китае вполне объясняется острой нуждой в рисе, железе и угле. Но так как в китайских богатствах очень и очень заинтересованы и другие государства, то японским надеждам на гегемонию вряд ли суждено осуществиться.

И вот, накануне Вашингтонской конференции (ноябрь 1921 г.) центром мировых политических отношений стал Тихий океан и связанные с ним огромные проблемы. Империалистическая экспансия уже вызвала к жизни лихорадочную подготовку к морской войне. Не прошло и трех лет с момента заключения перемирия, а над Великим Восточным океаном уже нависла огромная, все сгущающаяся туча,—призрак новой мировой войны.

ГЛАВА XI.

Американская экспансия, 1898—1921 гг.

Испано-американская война.

Вступление Северо-Американских Соединенных Штатов в стадию агрессивного империализма отмечено испано-американской войной (1898). До этого момента их эксплоататорская деятельность довольствовалась обширными пространствами и огромными природными богатствами родной страны [1]).

Так как Соединенные Штаты вступили в империалистическую фазу очень поздно, когда их капиталистическое развитие стояло уже колоссально высоко, то они оказались первостепенной, безмерно значительной величиной уже при первом своем выступлении.

Два факта дают нам понятие об их внутренем положении: закон Шермана против трестов (а еще больше—бессилие этого закона) ясно указывает на высокую степень концентрации капитала. Второй факт, тесно связанный с первым,—это нарождение огромной массы пролетариата, судорожными вспышками сопротивляющегося бесчеловечной эксплоатации со стороны капиталистов.

Речь президента Мак-Кинлея (11-го апреля 1898 г.), требовавшая от конгресса средств на восстановление порядка на о. Кубе, была красноречива, как того и требовали обстоятельства. И все-таки она не была достаточно красноречива, чтобы окончательно скрыть истинные причины войны.

---

[1]) Надо заметить, что их распространение к западу было необходимо связано с разорением и в значительной степени с истреблением исконных жителей, индейцев.

„Во имя гуманности, во имя цивилизации, во имя поставленных под угрозу американских интересов, дающих нам право и возлагающих на нас долг говорить и действовать, война на Кубе (между кубанцами и испанцами) должна быть прекращена".

Гуманность, цивилизация и интересы отечества,—тут вся пресвятая троица! Но важнее всего—интересы. И в самом деле, на протяжении полустолетия, видевшего целый ряд восстаний кубанцев против испанской тирании, гуманность и цивилизация взывали к американцам напрасно. Но „поставленные под угрозу американские интересы" сразу нашли себе живой отклик.

„В тамошние рудники, плантации и железные дороги вложено американских денег на 85 миллионов долларов [1]) с лишним.

Ежегодный оборот нашей торговли с Кубой исчисляется в 96 миллионов долларов" (G. Kirkpatrick, „War—what for?", „Война—а из-за чего?").

Деньги умеют говорить так, чтобы их слышали. А когда они исчисляются в миллионах, то им удобнее всего говорить устами пушек и минометов. Поводом к войне послужила гибель военного корабля „Maine" у берега Гаванны, хотя испанцы и утверждали, что это кораблекрушение произошло от взрыва на самом судне.

Объявив войну, Америка немедленно же завязала военные действия не только на Кубе, но и на Филиппинских островах. Вот, если хотите, и еще доказательство, что война была вызвана не только страданиями несчастных кубанцев.

Завоевание Филиппинских островов повлекло за собой вытеснение с них немцев, которым они иначе послужили бы великолепной базой для осуществления дальневосточных планов. В результате враги Германии,—Франция и Англия,—перестали противиться американским планам сооружения Панамского канала.

По мирному договору (10-го декабря 1898 г.), Куба была признана „независимой", т.-е. фактически была отдана Соединенным Штатам. Кроме того, Испания уступила им свои

---

[1]) Доллар—около 2 золотых рублей. Прим. перев.

тихоокеанские острова,—Гуам и Филиппины. Эти острова послужили Америке опорными пунктами в движении на Азию.

„В 1897 г. государственный секретарь г. Шерман заявил французским дипломатам, что в Китае у Соединенных Штатов нет торговых интересов ни на копейку, и что посылать туда солдат они ни в коем случае не станут. А в 1900 г. Соединенные Штаты уже приняли участие в пекинской экспедиции... С того момента, как Соединенные Штаты водворились на Филиппинах, протекционный тариф сделал вывоз товара из Массачузетса в Манчжурию весьма выгодным делом для американских купцов и вполне достаточным основанием для борьбы американского правительства за принцип „открытых дверей“ в Восточной Азии“ (Fullerton, цит. соч., стр. 317).

Конвенция о канале.

Мы только-что видели, что война с Испанией поставила Соединенные Штаты перед вопросом о Панамском канале. Значение этого канала было подчеркнуто и трудностью переброски военных судов из Атлантического океана в Тихий и обратно, а впоследствии и приобретением тихоокеанских островов. Соединенные Штаты вступили с Англией в переговоры, которые и закончились подписанием конвенции о канале (Хей-Паунсфортского соглашения).

Согласно этой конвенции, канал строится Соединенными Штатами, но, тем не менее, считается международным. В ней имеется следующий пункт:

„Канал должен быть свободным и открытым для прохода торговых и военных судов всех соблюдающих настоящие правила государств, на основе полного равенства, так чтобы ни одному государству или его гражданам или подданным не чинилось никаких особых препятствий в отношении ли условий или оплаты проезда, или в других отношениях. Эти условия и оплата проезда должны быть совершенно равны для всех“.

Однако, в 1912 г., при обсуждении билля о пошлинах в Панаме, Соединенные Штаты заявили, что слова договора „всех государств“ означают „всех иностранных государств“, и Соединенных Штатов в виду не имеют.

С тех пор они снизили для себя проездные пошлины.

Помимо того, в договоре не был решен вопрос об укреплении канала, в нем только было сказано:

„Канал никогда не должен подвергаться блокаде, в нем не может осуществляться право войны, и никакие враждебные действия по отношению к нему не допускаются. Однако, Соединенные Штаты имеют право держать в канале военные, силы, необходимые для предупреждения закононарушений и беспорядка".

Тем не менее, на дебатах в конгрессе основной нотой всех выступлений было: „Канал наш, и мы делаем с ним, что хотим".

Это настроение только подводило итог целому ряду действий и махинаций, предпринимавшихся Соединенными Штатами с 1902 года и имевших целью захватить полную и безраздельную власть над каналом. Они гарантировали права Компании Панамского канала в 40 миллионов долларов, на что, разумеется, требовалось согласие колумбийского правительства: ведь, канал должен был пройти по его территории. Соединенные Штаты предложили Колумбии 7 миллионов долларов единовременно, а по истечении 14 лет—по 250.000 долларов в год. Эти условия были слишком низки, и колумбийское правительство отказалось подписать договор.

И „малые народности" на что-нибудь полезны.

Но Соединенные Штаты предвидели этот случай, и уже „подготовились" к нему. Американские деньги были пущены в ход, и произвели в провинции Панаме соответствующий эффект (J. M. Kennedy, „Imperial America" „Империалистическая Америка", стр. 316). Как-раз в тот момент, когда это было нужно Соединенным Штатам, в Панаме разразилось сепаратистское восстание, вызванное „угнетением" со стороны центрального колумбийского правительства. В ноябре 1903 г. Панамская провинция объявила себя независимой, при чем президент Соединенных Штатов Рузвельт заботливо справлялся о ходе революции за несколько часов до того, как она действительно вспыхнула. Такова чуткость империалистических душ! Стоит отметить, что необыкновенно счастливое стечение случайных обстоятельств как-раз во время привело к берегам Панамы несколько американских военных кораблей. Они не дали колумбийскому десанту, высланному на усмирение восставших, пристать к берегу, и тем самым оказали братскую услугу маленькой общине, столь героически боровшейся за свое право и свободу.

Правительство Соединенных Штатов, в полном согласии со своими всегдашними республиканскими принципами, оправдало и поддержало действия своих рыцарей-моряков и, мало того, немедленно же осчастливило новую маленькую республику своим „признанием".

Новое счастливое совпадение заставило независимую Панаму понять, что для нее не может быть лучшего начала международной политики, как договор со своим великим благодетелем,—и она немедленно разрешила Соединенным Штатам продолжать сооружение канала [1]).

С тех пор Соединенные Штаты стали главной силой в Центральной Америке.

Панамские пошлины.

24-го августа 1912 г. конгресс утвердил закон о пошлинах в Панамском канале. Этот закон дает президенту республики право устанавливать и время от времени пересматривать пошлины, взимаемые с судов, проходящих каналом, и освобождает от этих пошлин суда, зафрахтованные в торговле между американскими берегами (сюда включаются и все владения Соединенных Штатов, например, Филиппинские острова). Англия немедленно заявила протест. Помимо этого закона, Соединенные Штаты стали строить на канале военные укрепления, тем самым нарушая договор 1901 г. и выдавая свое намерение закрыть канал для иностранных судов и, в случае надобности, использовать его для военных целей. Именно эта стратегическая сторона дела и вызвала особую сенсацию. Но тут были и другие обстоятельства.

За несколько лет до начала войны вся проблема вертелась вокруг новых рынков, создавшихся на западном берегу Южной Америки. Невыгодное географическое положение этого края (отдаленность от Европы) задерживало его экономическое развитие, заставляло его отставать от восточно-американского побережья. Привилегия американским пароходам, — право беспошлинного пользования Панамским каналом,—не могла не иметь огромного значения в борьбе за южно-американские рынки. Эта сторона дела крайне волновала предвоенные ком-

---

[1]) J. F. Horrabin, „Инцидент с прорытием Панамского канала" (в „Labour Monthly" за август 1921 г.).

мерческие круги, особенно, когда конгресс отверг предложение о третейском суде с Англией и Францией (1912).

Больше всех была заинтересована в этом вопросе Англия. К концу 1912 г. „в руках английских держателей находилось на 3.000.756.750 руб. обязательств латинско-американских правительств... К тому же английские капиталисты были заинтересованы в центрально- и южно-американских железных дорогах на сумму 4.312.537.320 руб... Далее, Англия финансировала целый ряд тамошних частных торгово-промышленных предприятий всякого рода, и в это было вложено до 1.759.395.300 р. Все южно-американское банковское дело почти целиком находится в британских руках“ (J. M. Kennedy, „Империалистическая Америка“, стр. 332).

Но процент северо-американского капитала, вложенного в центрально- и южно-американские предприятия непрерывно возрастал, а позиция Соединенных Штатов в вопросе о Панамском канале, к великому беспокойству Англии, показывала, что они очень интересуются делами Центральной и Южной Америки.

На то же самое указывали и мексиканские дела перед 1914 годом, да, конечно, и впоследствии.

Новая доктрина Монроэ.

Тамошние кризисы 1911—1913 гг. несомненно поддерживались и разжигались из-за границы. В 1911 г. был низложен президент Мексиканской республики Диаз, место которого занял генерал Мадеро. В 1913 г. (9-го февраля) разразилось новое восстание, при чем Мадеро был смещен и через две недели убит. Президентом стал генерал Хуэрта.

Дело в том, что Диаз, выказывавший нечто в роде беспристрастно справедливого отношения к концессионерам всех национальностей, восстановил против себя группу Стандард-Ойль, которой и удалось посадить на его место своего ставленника Мадеро. Но Мадеро пришлось иметь дело с англичанами, которые, после двухлетней агитации, и спихнули его, а на президентское место устроили своего человека. Следующим кандидатом явился Карранца, поддерживаемый американскими деньгами, американским оружием и американским снаряжением.

Знаменитая резолюция Лоджа (2-го августа 1912 г.) показала, что Соединенные Штаты стремились овладеть не только

Панамским каналом и Мексикой, но и всем вообще материком Америки. Они явно смотрели на весь этот материк, как на естественную сферу своего влияния и протектората, и ее империалистические круги склонялись в этой сфере к монополистической политике.

Война дала им удобный случай закрепиться на Вест-Индских островах и в Центральной Америке.

Пользуясь всегдашним предлогом охраны „законности и порядка", они подчинили своей военной администрации республики Гаити и Сан-Доминго (после Кубы второй по значению из островов Вест-Индского архипелага) и захватили в свои руки управление их финансами. Их представители вели себя на этих островах (а также и на Филиппинах) согласно лучшим империалистическим традициям, ничуть не уступая ни подвигам англичан в Индии и Египте, ни подвигам японцев в Корее. В 1913 г. Соединенные Штаты уже фактически установили протекторат над республикой Никарагуа, по территории которой проходит единственный путь, по которому можно было бы провести еще один канал от Атлантического до Тихого океана.

Англия и Соединен. штаты 1911—1921.

Эти огромные притязания Соединенных Штатов, вместе с нарастающим антагонизмом между ними и союзницей Англии—Японией, составляли одну из труднейших задач, стоявших в предвоенном периоде перед правительством Британской империи. Правда, Канада отказалась заключить договор о взаимности непосредственно с Соединенными Штатами, минуя Англию, но знаменательно уже одно то, что можно было вполне серьезно выдвинуть такой проект. К этому присоединяется и вопрос о панамских пошлинах. Здесь английское влияние оказалось достаточно сильным, чтобы добиться закона о пересмотре панамских пошлин (от 15-го июня 1914 г.), который приравнял управление Панамским каналом к управлению каналом Суэцким.

Что до японо-американского антагонизма, то в вопросе об азиатской иммиграции как Канада, так и Австралия были заодно в Соединенными Штатами. Таким образом, перед самой войной отношения между Соединенными Штатами и Англией были крайне сложны и запутанны, и настоятельная необходимость урегулировать их ощущалась очень остро.

С самого начала мировой войны, еще до того, как в ней приняли участие Соединенные Штаты, стало ясно, что их международное положение должно измениться коренным образом. Нам нет надобности рассказывать о роли Америки в войне. Достаточно того факта, что в начале войны Соединенные Штаты были страной-должником, а вышли они из нее кредитором и сильнейшей финансовой и индустриальной державой всего мира.

Колоссальные, почти невероятные успехи Америки были особенно опасны для британских интересов. Избавившись от своего старого соперника Германии, Англия нажила нового, еще более сильного и страшного соперника.

Особенно остро проявился англо-американский антагонизм во время короткого расцвета, непосредственно последовавшего за войной.

Политики и государственные люди уверяли, что война между двумя великими англо-саксонскими народами „немыслима“ (доказывая тем самым, что они все-таки „мыслили“ о ней), а опасность такой войны становилась все грознее.

В „Daily News“ от 9-го февраля 1921 г. была напечатана статья американского корреспондента, в которой говорится, что ряд тамошних газет помещает отчеты о „совещании в министерстве иностранных дел в Лондоне между американскими корреспондентами и весьма высокопоставленным дипломатом, говорившим от имени Англии. Как Британия, так и Америка,—заявил этот дипломат,—делают все возможное и невозможное, чтобы удовлетворить друг-друга. Нельзя и думать о том, чтобы два великих народа, от которых зависит столь многое, не могли избегнуть разрыва и были бы вовлечены в войну“.

Комментируя эту статью, „Daily News“ говорит: „Пунктов трения — нефть, соперничество на море, кабели, англо-японский договор,—долго искать не приходится“. А сверх того, подбавляли масла в огонь и агрессивные шаги американского стального треста, и ходившие по Америке слухи, что Англия не хочет платить Соединенным Штатам военных долгов.

Рассмотрим все эти пункты трений.

1. Стальная война. 14-го октября 1920 г. в лондонской газете „Evening Standard“ появилась под заглавием „Стальная война“ такая заметка:

„Имеются серьезные основания полагать, что задуманная американским стальным трестом международная комбинация стальных фирм, предназначенная для борьбы с британскими стальными интересами, делает большие успехи. Нам сообщают, что, помимо таких значительных германских фирм, как группы Стиннеса и Тиссена, к этой комбинации склоняются и значительные заинтересованные группы Бельгии. При этом американский стальной трест ставит себе целью полное овладение заокеанскими рынками. Крупные британские стальные группировки, как „Dominion Steel Corporation“ и „Nova Scottia Steel and Coal C⁰“, уже склоняются принять участие в международной игре стальных концернов. Однако, американцы не собираются отступать. Они решились на большие дела, и Европа является для них частью „стального поля“, подлежащего эксплоатации“.

Все это ясно показывает, что американские и английские стальные короли, т.-е. люди, в руках которых как по ту, так и по другую сторону Атлантического океана находятся колоссальнейшие экономические и политические силы, не слишком-то любовно относятся друг к другу.

2. Нефть. Обращаясь к вопросу о нефти, мы сразу попадаем в самую гущу политических и экономических конфликтов. У Америки имеются колоссальные нефтяные запасы, но для удовлетворения бесконечных потребностей ее индустрии этих запасов не хватает. Как мы уже видели, в Мексике Стандард-Ойль уже давно вступил в борьбу с британскими нефтяными кругами, руководимыми лордом Коудрэй. В конце 1920 г. интересы Соединенных Штатов, казалось, решительно одержали верх. В номере „Daily Herald“ от 13-го декабря 1920 г. напечатан отчет о частных переговорах между президентом Обрегоном и американским сенатором Фоллом, касавшихся Новой Мексики.

„План предусматривает немедленное признание обрегоновского режима республиканцами, покрытие американскими банкирами крупного мексиканского займа и возложение на сенатора Фолла общего наблюдения за организацией мекси-

канских железных дорог... Проезжая в Мэрион для изложения сенатору Гардингу подробностей соглашения, сенатор Фолл высказался в Вашингтоне об Обрегоне, как о человеке, способном обеспечить капиталы, помещенные в Мексике. Столь необычное уважение к мексиканскому режиму было немедленно подхвачено нефтяными королями и газетами Харста, до тех пор настроенными крайне воинственно. Мексика уплатила за мир с Соединенными Штатами".

Трудно привести более разительный пример экономической подоплеки современных войн или экономического империализма во всей его неприкрытой грубости. Война была предотвращена чисто-экономическим соглашением, касавшимся нефти, займа и железнодорожных концессий.

После этого печать начинает соответственно обрабатывать „общественное мнение", восхваляя здоровый и надежный мексиканский режим.

Но Соединенным Штатам мало просто покрыть потребность своей промышленности в нефти,—кроме этого, им необходимо предупреждать возможного конкурента всюду, где только возможно. К сожалению, такую же самую политику ведет и Англия, которой удалось, по соглашению в Сан-Ремо (24-го апреля 1920 г.), захватить управление не только своей, но и французской нефтью. Это нанесло американским интересам тяжелый удар.

3. Телеграфные кабели. Кроме того, отношения обострялись и в связи с вопросом о кабелях. Было доказано, что Англия стремилась „не допустить независимого кабельного сообщения с Европой и недобросовестно оперировала с германскими кабелями, что особенно касается Азорских островов". („Daily News" от 9-го февраля 1921 г.).

4. Америка—кредитор Европы. Хотя в Америке и были люди, вполне оценившие опыт Англии, пытавшейся заставить Германию уплатить контрибуцию, хотя эти люди и предвидели, что точно такая же неудача ждет и Соединенные Штаты, если они заставят союзников платить им долги, однако, такие люди были редким исключением (как, впрочем, были они исключением, даже во время Вашингтонской конференции, и в антантовских странах Европы; более правильная оценка ситуации была распространена только в Англии).

Общее мнение американской публики было таково, что Европа должна и будет платить. Правда, европейские правительства делали попытки экономить на таких предметах роскоши, как школы и квартиры для „низших классов населения“, но это не мешало их расходам на армию и флот сохраняться в полной мере и даже увеличиваться. И в самом деле, вместо того, чтобы платить Соединенным Штатам долги, союзники только принимали на себя новые обязательства,—довольно странный способ расплаты с народом, который пришел им на помощь и выиграл для них войну. Более того: в дикой сумятице послевоенных дней было вполне мыслимо и использование этих армий и флотов против той же Америки.

Итак, надо было образумить Европу, надо было заставить ее понять всю ответственность перед великим союзником. Необходимо было положить предел ее безумному мотовству на вооружения и морские приготовления. Надо было созвать конференцию по вопросу... о разоружении!

Но, конечно, ни о каком разоружении никто серьезно не думал. Чтобы все были уверены в этом, в сентябре президент Гардинг утешил забеспокоившихся офицеров американской военной школы, заявив им, что надежды на полное уничтожение войны во всяком случае „совершенно необоснованы“, и что как бы далеко ни заходили мирные стремления, армия и флот, вероятно, будут еще необходимы. А ведь всего за два месяца до этого г. Ллойд-Джордж (речь в английском парламенте от 21-го июля) и г. Денби (речь в конгрессе Соединенных Штатов от 27-го июля) на смерть перепугали всех орудийных заводчиков Англии и Америки заявлением, что уже наступает заря той эпохи, когда все мечи будут перекованы на плуги.

5. Англо-японский договор и его весьма важное последствие—дальневосточный вопрос. Соединенные Штаты распоряжаются всей Америкой. Даже Канада сидит в кулаке у Уолл-Стрита. „Над Оттавой развевается английский флаг, но Соединенным Штатам принадлежит канадских бумаг на 555.943.000 долларов, а Англии всего на 153.758.000 долларов“ (W. N. Ewer в „Labour Monthly“ за декабрь 1921 г.).

Но, чтобы удовлетворить аппетиты капиталистов Соединенных Штатов, мало всей Америки. И они жадно ищут

новых областей, новых завоеваний. Но что же осталось им завоевывать? Африка уже вся поделена [1]). Западная и южная Азия тоже. Остается поделить (или поглотить целиком) еще только одну стоющую страну. Это Китай,—Китай с его колоссальными нетронутыми богатствами, только ждущими живительного прикосновения капиталистической цивилизации!

Но и в Китае Соединенные Штаты вступили в игру слишком поздно. Борьба за экономическое господство над Китаем фактически началась с китайско-японской войны 1895 года. Читатель помнит, как в конце этой войны в дело вмешались европейские державы, которые и поделили между собой добычу японцев. Спустя десятилетие решительная победа Японии над Россией дала ей и ее союзнице Англии первое место в китайских делах. Прошло еще одно десятилетие, и мировая война дала Японии удобный случай сделаться в Китае единственной силой. А затем Лянсинское соглашение признало за ней особые интересы в Китае, а Версальский мир дал ей мандат на Шантунь.

Но в это время ее отношения с Соединенными Штатами были уже явно враждебны. К окончанию войны эта враждебность выступила на свет с небывалой определенностью и остротой.

Америка омывается двумя океанами. На восток от нее, за Атлантическим океаном, лежит ее соперник и, быть-может, будущий враг—Англия. На запад, за Тихим океаном, находится „Англия Востока“, укрепляющая свою власть над Китаем и стремящаяся монополизировать в своих руках все его ресурсы, обращающаяся с бывшими германскими островами северной части Тихого океана как со своими владениями, и нарушающая свои мандатные обязательства, превращая эти острова в мощные морские базы и склады нефти и угля. Таково положение, которого Вашингтонская конференция по существу нисколько не изменила, — положение, создающее величайшую из международных проблем современности.

---

1) Однако, небезынтересно отметить, что покрывши номинально независимой негритянской республике Либерии заем в 5 миллионов долларов, Соедин. Штаты „фактически сделали ее своей колонией, управляемой финансовым комиссионером, которого назначает президент С. Ш.“ („N. U. Nation“ за май 1920 г.).

ГЛАВА XII.

Империализм и рабочий класс.

От конкуренции к монополии.

Рассматривая империализм в первой главе, мы особенно подчеркивали то обстоятельство, что он является следствием перехода от преобладания в производстве и вывозе текстильных товаров к преобладанию товаров металлургических. Но мы можем обратить внимание и на другую, не менее важную сторону вопроса: мы можем сказать, что империализм—это завершение перехода капиталистического производства от конкуренции к монополизму.

Современный капитализм начался с промышленной революции, которая не только далеко двинула вперед производительные силы, но и произвела колоссальный сдвиг в сельском хозяйстве,—сдвиг, отдавший на волю молодого промышленного капитала огромные массы обезземеленных и разоренных крестьян. Поэтому промышленная революция начала собой период не только огромного роста производительных сил, но и ужасных условий труда: нищенской оплаты и долгого трудового дня. Массы населения не могли закупать и потреблять всех продуктов своего труда, и необходимость найти новые рынки для сбыта излишков становилась все острее.

Оружием, дававшим успех в борьбе за эти рынки, была дешевизна. Эта дешевизна достигалась либо путем непрерывного совершенствования орудий и способов производства, либо путем усиления эксплоатации трудящихся, либо, наконец, обоими этими путями сразу. Но в том-то и беда, что те самые приемы, которые сегодня дают успех и победу,

на завтра еще хуже обострят основной вопрос: ведь именно они еще больше ускоряют производство, именно они увеличивают огромные массы избытков. Капитализм—это период беспримерного, безостановочного технического прогресса. Но прогресс этот был настолько стремителен, что, несмотря на все пароходы и железные дороги, рынков не хватало. Перепроизводство стало хронической болезнью капитализма, в те ранние дни поражавшего наблюдателя странным противоречием: в каждой отдельной производственной единице, на каждой фабрике царил строгий порядок и целесообразная организация, а в мировом производстве, как целом, бушевала бестолочь и анархия, происходившая от отсутствия сознательного производственного плана, построенного в соответствии с потребностями рынка.

Тенденция к трестированию.

Болезнь перепроизводства создавала все новые и новые осложнения. С точки зрения капитала самым серьезным из этих осложнений было падение прибылей, вызываемое неуклонным удешевлением товаров. Было явно необходимо принять какие-то меры для поддержании барышей на „справедливом и разумном уровне“. И вот, начинается стремление к комбинациям, к союзам предпринимателей, имеющее целью:

1. Просто не допускать падения цен, что, впрочем, оказалось невозможным, так как фабриканты все равно продолжали выбрасывать на рынок массы ненужных товаров.

2. Ограничить производство, чтобы предупредить снижение цен и прибылей. Для этого организуется синдикат или картель, словом, объединение предприятий, каждое из которых, однако, сохраняет независимость в организации, управлении и т. д. Но при этом картель определяет, сколько всего надо произвести товара и распределяет это количество по своим предприятиям пропорционально вложенному в них капиталу. Это только шаг по пути к полному трестированию. Трест может быть создан либо путем добровольного соглашения и организации существующих фирм, либо путем безжалостной конкуренции, в результате которой слабейшие (т.-е. бедные капиталом) выбрасываются за борт, либо, наконец, обоими этими путями сразу.

Но каким бы путем ни создался трест, он всегда имеет

в виду создать крепкие цены и высокие прибыли, а для этого почти всегда приходится сокращать производство. Разумеется, такие тресты не содействуют развитию орудий и средств производства, а, наоборот, препятствуют этому развитию.

Современный нам период—это период организации мирового треста. Как существующие картели определяют, сколько товаров должно произвести каждое из входящих в них предприятий, так и этот мировой трест будет определять размеры общего производства для каждой страны, и он же будет определять, в какую страну или в какие страны направлять продукты этого производства для сбыта (см. Павлович, „Основы империалистической политики", стр. 104—113).

Такой раздел мировых богатств и мировой экономики между огромными капиталистическими комбинатами нескольких стран не есть дело чистой гармонии и сознательной организации. Это—вопрос силы, силы капиталистической. Таково современное положение, современная стадия развития. Но это положение преходяще. Рано или поздно все национальные капиталы будут поглощены единым международным трестом, который сперва будет распадаться по отдельным производствам, а потом охватит их все. Как образование картелей и трестов того или иного производства готовит путь к международному тресту или международной картели всех производств, так и огромная организация, известная под названием Федерации Британской Промышленности, готовит нас к полной и всеобъемлющей организации международного капитала.

Основные черты капиталистического развития.

В этом беглом обзоре капиталистического развития от его первых дней и до самых последних его форм и тенденций нам особенно важно отметить две основных и взаимно связанных черты. Их огромная важность понятна всякому, кто освоился с мыслью о взаимозависимости между внутренней экономической жизнью любой страны и ее международными отношениями.

1. Ранний капитализм характеризуется основным противоречием, которое состоит в том, что внутри каждой производственной единицы наблюдается строжайшая и целесо-

образная организация всех средств, а в производственном мире, взятом в целом, царит хаос и разрушительная анархия. Современный капитализм стремится разрешить это противоречие путем регулирования общей суммы производства и распределения этой суммы между производственными единицами (предприятиями).

2. Для раннего капитализма характерна конкуренция. Современный капитализм стремится к монополии.

Эти основные черты отражаются и на внешних отношениях любой страны. Как в периоде раннего капитализма организованность в пределах одного предприятия сочетается с анархией в целом, так в наше время сознательная организация национального капитала, поддерживаемая всеми силами и средствами государства, сочетается с очень слабым сознанием солидарности интересов всего мирового капитала: национальная организация—интернациональная анархия.

Тем не менее, необходимо заметить, что мировая война со своими последствиями создала могучие импульсы к попытке разрешения противоречия между сознательно-организованным национальным империализмом с одной стороны, и анархией постоянных конфликтов мирового империализма—с другой. Быть-может, лучшим примером таких попыток является проект европейского консорциума.

Европейский консорциум.

В начале марта 1922 г. вновь организуемый международный консорциум провел свой первый широкий митинг в Лондоне.

Этот консорциум—союз банкиров, имеющий целью кредитование операций промышленных королей, связанных с банками. Быть-может, для создания необходимых средств, для выработки и проведения в жизнь своей программы консорциуму понадобится много времени, но, тем не менее, он очень и очень может стать доминирующим фактором в решении судеб Европы.

Предъявляемые к России требования об уплате долгов, о гарантиях и т. д. тоже указывают на его стремление к политическому влиянию. Это, в свою очередь, повлечет за собою и стратегические вопросы, что, несомненно, отразится на политике железнодорожного строительства, особенно в пограничных с Россией странах. В конце-концов, консор-

циум получит влияние и на законодательство, что уже прямо отразится на массах и на их материальном положении.

„Иностранные финансы уже покончили со снабжением Австрии хлебом, они уже сторговались насчет массовых увольнений наемных рабочих, они уже покушались на 8 часовой рабочий день и угрожали рабочим советам. До сих пор мы были свидетелями только частичных и местных проявлений этой политики, теперь же приходится ждать общей кампании под руководством лондонского генерального штаба" (Х. Н. Брэйлсфорд в „Daily Herald" от 7-го марта 1922 г.).

Но этот процесс вряд ли сможет ограничиться Европой. Он должен найти свое окончательное завершение в создании мирового консорциума, в сознательной организации всех материальных средств и всего человеческого труда в интересах ничтожной кучки олигархов.

Представив себе эту окончательную стадию капитализма (он достигнет ее, если его развитие будет совершаться спокойно и беспрепятственно), перейдем ко второму пункту.

Монополистический капитализм.

Ранний капитализм, основанный на конкуренции, увеличивал производство и совершенствовал его технику; то был период непрестанного развития машин и власти человека над природой: все это развитие нужно было для удешевления производства. Современный монополистический капитализм ограничивает производство. Он стремится к уничтожению великой силы, стоявшей за капитализмом и толкавшей вперед технический прогресс, к уничтожению конкуренции. Глубокое различие между этими стадиями капиталистического развития создает глубокое различие и в соответствующей этим стадиям международной политике.

Ранний капитализм, основанный на конкуренции, создал политику раннего либерализма, политику свободной конкуренции на мировом рынке и „открытых дверей" в импортных странах.

Современный монополистический капитализм создает современную империалистическую политику; чем определеннее, чем сознательнее становится империализм, тем резче проявляется его монополистический характер.

В настоящее время эта позднейшая стадия капитализма еще находится в периоде „становления". Уже делаются попытки монополизации мирового рынка, и делаются по обоим неизбежным способам, т.-е: 1) нащупывается возможность соглашения путем консорциума и 2) ведется конкретная борьба за экономическую и военную власть. Эти попытки иллюстрируются всей современной мировой ситуацией. Быть-может, лучшим способом изучения всего этого является для нас краткий обзор положения, политики и притязаний главных империалистических групп, великой четверки,—Соединенных Штатов, Великобритании, Франции и Японии.

Современная мировая ситуация: Соединенные Штаты.

Соединенные Штаты вышли из войны сильнейшей капиталистической державой в мире. Их добыча угля, металлов и нефти не имела себе соперников. За время войны они создали огромный торговый флот и стали одной из сильнейших военных держав на суше и на море. Помимо того, они сделались кредитором чуть ли не всего мира. Огромные богатства, высокая степень технического развития,—все это позволило им занять место разгромленной Германии, т.-е. на протяжении короткого периода расцвета, следовавшего непосредственно за войной, оказаться главным соперником Англии в области торговли и промышленности. И вот появилась грозная возможность второй мировой войны.

Европейская политика Соединенных Штатов еще недостаточно определилась. Поскольку они вмешивались в англо-французские трения, они держали руку Франции. В этом играла большую роль деятельность во Франции и в Бельгии американских банков. В случае если разразится англо-американская война, Франция выступит на стороне Соединенных Штатов, и тогда она окажется для Англии еще опаснее, чем в свое время была Германия. Подводный и воздушный флот, великолепная и вполне современная артиллерия,—все это дает французам возможность блокировать и бомбардировать Англию, а, может-быть, и вторгнуться в ее пределы. На Дальнем Востоке, где интересы Соединенных Штатов более ясны и определенны, и где, можем мы сказать с полной уверенностью, лежит их будущее,—на Дальнем Востоке они решительно выступили

против монополистической политики Японии. Политика „открытых дверей" в Китае—это полное торжество Соединенных Штатов. Что до внутреннего положения Америки, то война и мир разрушили ее рынки. „Европа страдает худосочием, Америка больна полнокровием". В стране царят безработица и социальное озлобление.

Британская империя.

Англия разбила и разорила своего соперника Германию только для того, чтобы столкнуться с новым и еще более могущественным конкурентом—Соединенными Штатами. Учитывая возможность войны, она старалась заручиться японской дружбой. Но это угрожало единству империи, поскольку ее главные колонии находились с Японией во вражде. Таким образом, Англия, которая, разумеется, не может выдержать бремени своих вооружений без помощи колоний, оказалась перед очень серьезной дилеммой. Эти колонии фактически являются самыми настоящими капиталистическими странами, интересы которых вовсе не всегда совпадают с традиционной британской политикой.

В Европе Англии приходится иметь дело с определенно угрожающей политикой Франции. Эта политика опасна с двух сторон. В области экономической Франция предъявляет невыполнимые требования Германии; в то же время она настолько щедро финансирует мелкие средне-европейские государства—Польшу, Чехо-Словакию и проч.,—что они фактически уже почти превратились в французские колонии. Кроме того, военная политика Франции держит Европу в состоянии постоянного брожения.

Британия же ведет совершенно иную политику: 1) она гораздо терпимее относится к Германии, поскольку современное положение невыносимо и для самой Англии. (Кроме того, дружеские отношения с Германией могут дать ей очень ценного союзника на случай разрыва с Францией). 2) Она старается сохранять в Европе мир, чтобы иметь возможность работать над важной и сложной проблемой единства империи. Однако, в Англии имеется очень сильная группа, которая целиком принимает французскую позицию, а в вопросе об единстве империи стоит за политику крови и железа.

На Ближнем Востоке британская политика стремится связать Индию с Египтом, путем основания большого арабского

государства под английским протекторатом. Как Каиро-Капштадтская дорога должна была стать стержнем Британии в Африке, так и английская дорога из Каира в Калькутту должна стать стержнем Британии в юго-западной Азии. Месопотамия должна защищать этот стержень с севера,—и в этом ее стратегическое значение.

Франция. Франция разгромила и обессилила своего старого врага—Германию, но при этом потеряла своего старого друга—царскую Россию. Чтобы возместить эту потерю и обеспечить свои завоевания, она старается заменить Россию Польшей, Чехо-Словакией и Румынией. Эти государства служат барьером между Россией и Германией союза между которыми Франция боится, как огня.

Требования, предъявленные ею Германии, были бы выполнимы только при условии такого франко-германского договора, который вновь объединил бы угольные и железные запасы обеих стран, разрезанные Версальским миром. Но обеспечивши уплату контрибуции, такое воссоединение вместе с тем снова поставило бы Германию на ноги, и притом не только, как промышленную страну, но и как военную державу. Французская милитаристическая партия, по обыкновению слепая к экономической подоплеке милитаризма, стремится к расчленению Германии, к расширению Франции до Рейна и созданию из Австрии и Баварии католического государства, которое шло бы на поводу у Парижа.

На Ближнем Востоке столкновение английских интересов с французскими выражается так же ясно, как и в Европе. Франция переняла старую вильгельмовскую роль „защитника Ислама“ и явно собирается занять в Турции место Германии.

Япония. Положение Японии требует от нее империалистической экспансии, без которой она не может овладеть китайским рисом, углем и железом. До сих пор географическая близость к Китаю давала Японии огромные преимущества, которыми она и пользовалась весьма удачно. Но теперь, когда на сцену выступила Америка и когда на британскую помощь особенно рассчитывать нельзя,—теперь неизвестно, удастся ли Японии удержаться в числе великих держав.

Здесь очень интересно отметить разоблачения Дальне-Вос-

точной республики, касающиеся соглашения между Японией и Францией, между двумя странами, все резче расходящимися с Англией. Однако, надо учитывать и тот факт, что Франция находится в дружеских, а Япония—в решительно враждебных отношениях с Соединенными Штатами.

Россия.

Начав войну в единении со своими союзниками Францией и Англией, Россия была принуждена полной разрухой всего военного и промышленного аппарата к сепаратному миру. Но новая жизнь, порожденная революцией, дала русскому народу силы еще раз взяться за оружие для отражения интервенции капиталистической Европы. Победоносная героическая борьба Красной армии и экономический упадок Западной Европы заставили капиталистический мир пересмотреть свою политику. Потерпевши неудачу в попытке разбить военные силы Советской России, он склоняется к экономическому компромиссу. Однако, конечные цели остаются те же: не допустить проникновения революции на Запад, овладеть природными богатствами России и превратить ее в колонию, подчинивши ее своей экономической и политической власти.

Советская Россия, со своей стороны, сознает, что ей необходим иностранный капитал, сознает и то, что за этот капитал придется платить проценты по займам, придется давать иностранным капиталистам концессии. Как осуществить эти концессии и в то же время сохранить за собой свои огромные природные богатства,—вот великая проблема, стоящая перед ней. И поскольку она удерживает эти богатства, постольку осуществляются великие цели ее руководителей:

„Нам нечего отчаиваться и не от чего приходить в уныние. Мы можем удержать свои завоевания, и мы твердо уверены, что наша миссия—закладка в России фундамента социалистической экономики“ (Речь Л. Каменева на X съезде РКП, Москва, март 1920 г.).

Еще одна мировая война?

Наш беглый обзор основных фактов современной международной ситуации с полной несомненностью показывает, что день интернациональной солидарности мирового капитала далеко еще не наступил. Очень вероятно, что для наступления этого дня потребуется еще по крайней мере одна мировая война.

Когда именно соотношение сил породит такое событие,— предсказать трудно: современные тенденции слишком запутаны и противоречивы. Например, мы уже видели, что Франция ведет самую дружескую политику по отношению к двум резко враждебным друг к другу государствам,— Японии и Соединенным Штатам.

Но дело, конечно, не в этом, а в последствиях войны. Мировая война, которой суждено создать мировое капиталистическое единство, должна итти вничью. В результате такой затяжной бойни воюющие державы могут притти к известному общему и взаимному соглашению. А войны кончающиеся решительной победой и соответствующим „миром", т.-е. захватами, реваншами и контрибуциями,—такие войны могут создать только разорение побежденной страны, которое неминуемо отразится и на всем мире, не исключая победителей.

Борьба, с некоторого времени идущая в капиталистическом мире, теперь, вероятно, примет форму установления мирового равновесия держав. Если это равновесие будет установлено прежде, чем разразится ближайшая мировая война, то война эта пойдет вничью, и тогда весьма вероятно, что она окончится мировым консорциумом.

Как столкновения держав, о которых мы уже говорили выше, так и всяческие их конференции,—все это попытки притти, наконец, к этому новому равновесию сил. И создастся ли окончательная форма (т.-е. конечная стадия) мирового консорциума в порядке борьбы или в порядке соглашения,— все равно, она будет той олигархией, о которой уже говорилось выше, сознательной организацией всех богатств и рабочих рук мира для блага ничтожной кучки богачей.

Но все это осуществится только в случае беспрепятственного развития „чистых" тенденций капитализма. На деле же тенденции никогда не бывают даны в чистом виде и никогда не развиваются беспрепятственно. Капитализм весь состоит из одних противоречий; он сам создал такую силу, первый долг и единственная надежда которой—беспощадная борьба против такого „увенчания" мирового капитализма. И эта сила—организованный труд.

В то самое время, когда капитал движется к овладению

всем миром, и когда мировая депрессия заставляет его предпочитать конференции оружию,—в это самое время все шире расходится, все громче раздается призыв к единству труда.

Правда, это не означает единства организации. Такое единство и невозможно, и нежелательно: слишком велики еще программные и тактические расхождения.

И все-таки как европейская, так и мировая ситуация настойчиво зовут нас к единству. Поскольку об организационном единстве говорить не приходится, мы должны сосредоточиться на вопросе об единстве действия. Возможно ли такое единство? Мы уверены, что оно не только возможно, но и является единственно плодотворной тактикой. Ибо если в конце-концов нам суждено дойти до единства организации, то путь к нему ведет только через единство действия. Желая осознать всю необходимость сообща сорганизоваться, мы должны сначала сообща поработать, а так как в наше время все основные вопросы, стоящие перед массами, приобрели интернациональный характер, то и изучение международных отношений, в частности капиталистического империализма, стало для рабочего класса настоятельнейшей необходимостью.

По нашему мнению, такое изучение империализма дает нам три основных вывода:

1. Взаимозависимость экономики и политики.

1. Во-первых, оно указывает на прямую связь между экономикой и политикой. Корни империализма по существу чисто экономичны. В основе его лежит эксплоатация масс в метрополии, ведущая к быстрому накоплению товаров, для которых не находится выгодного сбыта.

Сейчас мы страдаем от упадка торговли и от небывалой по своим размерам безработицы. Почему это так? Уж конечно, не потому, что работа наших фабрик, рудников и заводов, говоря попросту, никому не нужна. Наоборот, голод и нужда никогда не были так глубоко и широко распространены, как сейчас. Но голодающим миллионам европейцев не на что покупать необходимые вещи и продукты. Какой же выход дает нам капитализм? Он дает два выхода: либо окончательно остановить колеса промышленности и тем самым еще больше увеличить число голодающих, либо воспользоваться кризисом, чтобы понизить и без того ничтожную

заработную плату. Но, разумеется, это породит не что иное, как еще большее сужение рынка и обострение депрессии. Таково характерное капиталистическое „разрешение“ стоящей перед нами проблемы: все такие „разрешения“ только еще больше обостряют положение.

Но у капитализма есть и другие последствия. Если возвратится период торгового расцвета, то возросшая за годы упадка эксплоатация станет накоплять груды капитала с еще невиданной быстротой, и борьба за области для выгодного помещения этого капитала достигнет небывалого напряжения. Агрессивный империализм получит новый и могущественный толчок к развитию. Финансовые и промышленные короли приобретут в отсталых и задолженных странах новые ценности, и к охране, к защите этой собственности будут призваны армии и флоты всех стран. Политическая власть будет использована для захвата и удержания власти экономической.

Торгово-промышленные короли не питают никаких иллюзий относительно своей деятельности в политической и экономической области. Их действия показывают нам, что эти области теснейшим образом связаны между собою. Мы должны усвоить этот урок, мы должны научиться пользоваться теми средствами, при помощи которых мы сможем скорее и легче достичь своих целей.

2. Интернационализм.

Изучение империализма убеждает нас в том, что все задачи, стоящие перед рабочим классом, стали (даже в своих национальных проявлениях) задачами чисто-интернационального характера. Поэтому нам надо понять основную международную проблему, охватить мировое положение.

Введение машин разрушило во всех странах цеховые ремесленные перегородки. Благодаря ему, интересы любого рабочего, кто бы он ни был и где бы он ни работал, стали совпадать с интересами всех остальных рабочих. Точно так же и развитие империализма сломало все национальные барьеры, поставило рабочий класс любой данной страны в прямую зависимость от положения пролетариата всего осталь-

ного мира. Обеднение трудящихся масс Средней Европы, созданное войной, блокадой и империалистическим миром, бесконечно тяжело отразилось и на народах Западной Европы. С одной стороны, это обеднение сузило средне-европейский рынок и тем самым породило западно-европейскую безработицу. А с другой стороны, конкуренция низко оплачиваемых германских рабочих поддержала английских предпринимателей в их требованиях снижения ставок и увеличения рабочего дня. Если забастовка английских углекопов в 1921 году окончилась неудачей, то сорвана она была, главным образом, работой угольных копей на континенте. А в марте 1922 г. мы читали о том, что американцы, учитывая предстоящие угольные споры в Соединенных Штатах (начавшиеся 1-го апреля 1922 г.), уже наводят справки о ценах на уголь в южном Уэльсе.

В „Daily Herald" от 3-го апреля 1923 года сообщалось, что во время локаута строительной и кораблестроительной промышленности в Британии английские судовладельцы отправляли свои суда для ремонта в Германию.

Все эти факты, словно молотом, вбивают в нас сознание, что международная солидарность бесконечно необходима пролетариату. Где прижимают одного, там прижимают всех. И это не только в государственном, но и в мировом масштабе.

Пролетарская независимость.

И, наконец, империализм учит нас абсолютной необходимости полной независимости мысли и действий. Мы старались показать читателю, что империализм—это просто позднейшая стадия капитализма. Это—капитализм, становящийся монополистическим и интернациональным. Пока жив капитализм, мы не можем уничтожить империализма. Первый немыслим без второго.

Поэтому пролетарская политика должна быть ясно и безусловно отграничена от политики капиталистической. Никакой либеральный или полулиберальный пацифизм или реформизм не может отвечать потребностям нашего времени. Раз люди, держащие в руках промышленность, управляют ею исключительно в интересах своего кармана, раз эти люди имеют возможность останавливать моторы, как только их барыши начинают понижаться,—то для нас совершенно несу-

щественно, называются ли эти люди консерваторами, либералами или как там еще. В капиталистических странах экономические кризисы неизбежны, а потому неизбежно и дальнейшее движение колесницы империализма, давящей под своими колесами трудящиеся массы всего мира. Организация производства должна перейти в руки рабочих. Все дело просто-напросто в том, будут ли богатства земного шара и впредь эксплоатироваться в интересах богачей, или они будут целесообразно организованы в интересах всех людей. Таков основной вопрос, стоящий перед современным миром.

„Поверите ли вы, наконец, тому, что уже столько лет говорят вам социалисты: что ваш английский флаг, и ваше трехцветное знамя [1]), и ваш имперский орел [2])—все это игрушки вам на забаву, что отныне в мире есть только два реальных знамени—красное знамя социализма и черное знамя капитализма?“ (Бернард Шоу, „Здравый смысл о войне“).

Если это было верно в конце 1914 года, то в 1922 году это стало еще вернее. Так сомкнемся же вокруг своего собственного знамени и напишем на нем свои лозунги: солидарность и вера в свои силы! Такое и только такое знамя даст нам победу.

---

[1]) Французское. Прим. перев.

[2]) Германский герб. Прим. перев.

СЛОВАРИК.

Средства производства.

Так называются ценности (железные и стальные рельсы, машины, строительные материалы), которые обслуживают потребителя не прямо, а косвенно, т.-е. принимая участие в производстве пищи, одежды и проч. предметов непосредственного потребления.

Финансовый капитал.

Капитал, находящийся в руках банкиров и финансистов и употребляемый ими для поддержки промышленных предприятий и для получения с них прибыли.

Манчестеризм.

Доктрина, гласящая, что самое выгодное для капиталистического класса — это повсеместная политика свободной торговли, невмешательства государства в промышленность и мирные дружелюбные отношения между капиталистами всех стран. Особенно выдвигали эту доктрину предприниматели текстильной промышленности, главным центром которой был в Англии Манчестер.

Колонии.

„Современные колонии,—как справедливо замечает Энциклопедия Гармсворта,—основываются, главным образом, в целях экономических".

Сначала основывались торговые центры (известные под названием факторий). Так, в XVII веке Остиндская Компания

основала фактории Сурат, Бомбей и Форт Вильям (Калькутта). Развивая свои коммерческие операции все шире, фактории постепенно выросли в провинции. По тому же самому пути шел и рост французской колониальной империи.

Система плантаций, историческое применение которой можно наблюдать в Кромвелевских ирландских поселениях и в колонизации Виргинии (начало XVII века), к XIX веку уже практически устарела; однако, в Австралии соответствующие случаи найти еще можно.

Современная колонизация фактически осуществляется в следующих трех формах:

1) нерегулярные поселения,
2) привилегированные компании (см. ниже),
3) поселения, регулируемые государством.

Самый яркий пример поселений, регулируемых государством, дают нам германские колонии, относительная слабость которых в значительной мере объяснялась слишком стеснительным государственным контролем и управлением.

Концессия.

Разрешение, даваемое правительством иностранным капиталистическим группам на прокладку железных дорог, на эксплоатацию природных богатств страны (особенно полезных ископаемых) или на основание других экономически важных предприятий. Так, Deutsche Bank (Германский банк) получил от турецкого правительства концессию на постройку Багдадской железной дороги.

Привилегированные компании.

В XIX в. привилегированные компании играли огромную роль в развитии британского империализма. Они были передовыми постами молодого и нарастающего империализма, боевым авангардом империалистического государства. В 1881 году была основана Британская Компания Северного Борнео, в 1886—Королевская Компания Нигера, в 1889—Британская Имперская Восточно-Африканская Компания (см. также под словом „протекторат“). Стадия поглощения их государством началась переходом в государственные руки Компании Нигера (1900).

Протекторат.

Так называется состояние страны, вся внешняя политика которой находится под исключительным контролем какой-нибудь одной иностранной державы. Таково, например, было положение Трансваальской республики с 1884 г. и Египта с 1914 г. Внутренняя независимость стран, находящихся под протекторатом, обычно соблюдается только на бумаге, и вообще от протектората до аннексии один шаг. Большинство африканских владений Англии началось с протекторатов (благодушная европейская держава оказывала бедном отсталым дикарям отеческое „покровительство"), при чем агентами по получению таких протекторатов часто служили привилегированные компании (см. выше).

Сфера влияния.

Это выражение впервые встречается в англо-германском демаркационном соглашении относительно Новой Гвинеи и западной части Тихого океана (1885—86). Впоследствии оно употреблялось в целом ряде соглашений, заключенных между Англией и Францией в Сиаме (1896), Египте (1899) и Марокко (1904); между Англией и Россией в Персии и Афганистане, и так далее.

Если представить себе три концентрических круга, из которых внутренний обозначает колонию или владение, то второй круг будет протекторатом, а внешний—сферой влияния.

„Сфера влияния,—как определяет в своем „Международном Праве" W. E. Hall,—есть соглашение, дающее государству возможность сохранять за собою право недопущения других европейских держав к территориям, имеющим для него политическое значение". Если иметь в виду экономическую подкладку политики (и стратегии), то это определение будет совершенно правильно.

Если одно государство фактически управляет другим при посредстве огромных капиталов, вложенных в его промышленность и предприятия общественного пользования, то мы имеем дело со скрытой сферой влияния (понятно, что здесь это выражение употреблено в более широком и свободном значении, чем выше). Самый лучший пример такой „сферы

влияния"—это Аргентина, в которой Англия поместила 4-миллиардный капитал и держит в своих руках около 70% железнодорожной сети. Но теперь производство и экспорт мясных консервов, которым прежде владела исключительно Англия, перешло в руки американцев, так что американской империалистический капитализм видимо угрожает господству английского империализма над Аргентиной.

Другим примером „скрытой" сферы влияния служат отношения между Англией и Португалией. В 80-х годах Португалия была той завесой, под покровом которой с огромным успехом продвигались английские империалистические планы раздела Африки. Так, иностранные державы не поняли значения англо-португальского договора 1884 г., санкционировавшего притязания Португалии на огромные территории Конго, и признали его. Английское правительство толкало Португалию на этот путь „зная, что португальская политика легко поддается британскому влиянию, и надеясь в конце концов присвоить все африканские владения своего „верного и доблестного" союзника".

Еще одним примером такого экономического овладения следует считать обращение правительства Соединенных Штатов (т.-е. на бумаге Вашингтона, а на деле Уол-Стрита) с рядом мелких центрально-американских республик и с негритянской республикой Либерией (Западная Африка).

„Мирное проникновение".

Этим термином обычно обозначается политика эксплоатации путем концессий и помещения капитала, в отличие от политики вооруженного завоевания и покорения, за которым, конечно, следует та же эксплоатация. „Мирное проникновение" часто бывает связано с полицейскими мерами, а так как граница между мерами полицейскими и военными очень шатка, то отличить „мирную" эксплоатцию от военной не всегда легко.

Мандат.

Новейшее и деликатнейшее из названий, обозначающих коммерческую эксплоатацию отсталых стран той или иной великой промышленной державой. По уставу Лиги Наций,

„мандатными“ называются „такие колонии и территории, которые вследствие последней войны вышли из-под суверенитета государств, до тех пор управлявших ими“ (т.-е., попросту говоря, колонии и территории, отнятые союзниками у немцев и турок). Так как обитатели этих территорий, говоря словами устава, „не в состоянии обойтись своими силами в напряженных условиях современной жизни“, то они отдаются под „опеку“ тем передовым народам, которые, благодаря своим средствам, опыту или географическому положению, легче могут принять на себя эту ответственность“ [1]).

---

[1]) Любопытно отметить, что почти во всех новых атласах мандатные территории закрашены в цвета, соответствующие владениям той державы, „попечению“ которой эти территории вверены.

УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Абиссиния 69—70.
Австралия 124.
Австрия 63—65, 68 (и см. Балканы).
Австро-венгерский договор 110.
Акты о навигации 9.
Албания (см. Балканы).
Алжезирас 27.
Англия 145.
„ и Россия 28.
„ и Япония 25, 119, 124.
„ и Китай 31—32.
„ и война 83—84.
(см. также Германия, Франция, Соединен. Штаты.)
Антанта (см. Тройств. Согласие).
Афганистан 62.
Африка 18, 19, 45—47.

Б.

Балканы 30—31, 40, 42, 63—65, 73—74, 77.
Банат 106.
Бельгия 83, 97.
Берлин—Багдад 81, 154.
Бессарабия 106, 115.
Бисмарк 34—36.
Богемия 104.
Болгария 110 (и см. Балканы).
Брие 93—96.
Британия (см. Англия).
Буковина 105.
Буланже 49, 56.
Бурская война. 24—25.

В.

Вандель, де 95.
Великобритания (см. Англия).
Венецуэла 23.
Версальский договор 99.
Вильгельм II 34—36, 39.

Г.

Гаити 133.
Галиция 105.
Гвиана Британская 23.
Гельголанд 38.
Германия 11, 34—43, 99—102.
„ и Англия 11, 20, 29—30, 32, 37, 38.
Германия и Франция 34, 42, 48—49, 93—96.
Германия и Турция 35.
„ и война 80—81.
„ и Россия 92—93.
Грей, сэр Эдуард. 32, 90.

Д.

Дагомея 47.
Джемсонов набег 24.
Делькассе 27, 51.
Дизраэли 21.
Дипломаты 16.
Доктрина Монроэ 23, 132—133.
Долина Саары 82,

Е.

Европейский консорциум 142—143.
Египет 22, 25—26.

И.

Империализм (период) 10—19.
Индия 12, 29.
Информация 96—97.
Испания 54, 127—128.
Италия 66.
„ и Франция 68, 71—72.
„ и Англия 72.
„ и война 89—90, 107.
„ ее экономическ. развитие 66—67, 76 (см. также Балканы, Франция, Англия и т. д).

К.

Кильский канал 38.
Китай 31—32, 47—48, 58, 90—91, 118, 120—122.
Китченер 22, 26.
Клемансо 48.
Колонии 153.
Колумбия 130.
Конго 46.
Константинополь 79, 88.
Концессия 154.
Корея 59, 118
Куба 127—128.

Л.

Либерия 138, 156.
Ллойд-Джордж 90.

М.

Мадагаскар 46.
Мандат 156.
Манчжурия 32, 58—60.
Манчестеризм 153.
Марокко 27, 29, 40, 41, 53—55.
Мексика 132, 135.
Меркантилизм (период) 9.
Месопотамия 113.
Мирное проникновение 156.
Монополия 143.
Моравия 104.

Н.

Национализм 9—10.
Нельи 110.
Нигер 46—47.
„ Королевская Компания 154.
Новобазарский санджак 73.

О.

Оскье 49.

П.

Палестина 114.
Панама 129—133.
Персия 23, 29, 30, 61—62, 87—88.
Польша 105.
Португалия 21, 156.
Пресса 15.
Привилегированные компании 154.
Проливы 112.
Протекторат. 155.

Р.

Родс (Сесиль) 24.
Россия 56—65 79, 88, 115, 147.
„ и Франция 48—50, 56.
„ и Англия 28—29, 60—61.
„ и Китай 58.
„ и Япония 58—60, 119.
„ и война 79—80.
„ экономическое развитие 57.
(см. также Тройственный Союз).

С.

Севрский договор 111—115.
Сербия 64, 73, 77—79, 103, 106—107 (см. также Балканы).
Сиам 51.
Силезия 105.
Сирия 114.
Смирна 112.
Соединенные Штаты 127—138.
„ „ и Япония 122—126.
Соединенные Штаты и Испания 127—128.
Соединенные Штаты и Англия 133—138, 145.
Сомалиланд 46, 69.
Судан 22, 25—26.
Суэц 13, 22, 45.
Сфера влияния 155.

Т.

Тайная дипломатия 16—18.
Тибет 28—29.
Тирпиц (адмирал) 84.
Торговый баланс 9.
Трансвааль 24—25, 38.
Трансильвания 105.
Трентино 68, 107.
Тресты 140.
Триполи 74.
Тройственное Согласие (Антанта) 29, 72, 81.
Тройственный Союз 68—72, 75, 81.
Тунис 45.
Турция 13, 36, 39, 63, 77—78, 90, 111—115 (и см. Балканы).

У.

Учетно-ссудный банк Персии 24.

Ф.

Фашода 26.
Ферри 48.
Финансовый капитал 153.
Франция 44—55.
„ и Англия 25, 46, 51—53, 145, 146.
Франция и война 82.
„ ее экономическ. прогресс 44.
(см. также Тройственное Согласие, Германия, Россия и т. д.)

Х.

Хартум 22.

Ч.

Чемберлэн 21.
Черногория (см. Балканы).
Чехо-Словакия 104.

Ш.

Шантунь 124.

Э.

Эльзас-Лотарингия 54, 82.

Ю.

Юго-Славия (см. Сербия).
Южная Африка (см. Трансвааль).

Я.

Япония 58—60, 91, 116—126, 137—138, 146.
Япония и война 120.
„ и Китай 118—126.
(см. также Англия, Россия).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОГАШЕНО

Цена 65 коп.